T30 2/65

ЧИТАЛЬНЯ
Служащих на станціи
ДВИНОГРАДЪ

1231.

98/32

14/2-2969

T30 2/65

300
Демо 3/3
2
Т30 65
942
Д31

Эдмонъ Демоленъ

АРИСТОКРАТИЧЕСКАЯ РАСА

(A quoi tient la superiorité des Anglo-Saxons)

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

А. ВАНДАМА

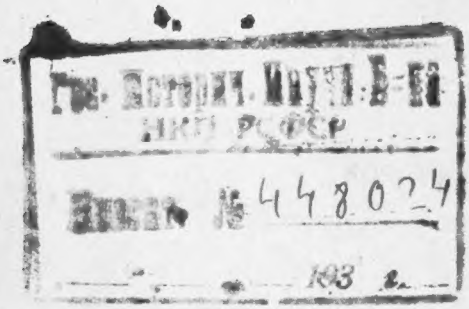
ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

И. 966

ПРОВЕРЕНО
1930 г. Е. С.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1907

ЗАПФОНД



Гос. Историч. Музей Б-ка
НКП РСФСР
Инвент. № 448024
193 г.

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ, 13

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Народного Комиссариата Путей Сообщения БИБЛІОТЕКА №

	стран.
Предисловіе	1
Часть первая. Школа	5
Глава первая. Школа во Франціи	6
Глава вторая. Школа въ Германіи	17
Глава третья. Англійская школа	45
Глава четвертая. Какъ нужно воспитывать нашихъ дѣтей?	65
Часть вторая. Домашняя жизнь	79
Глава первая. Рождаемость во Франціи	80
Глава вторая. Французскіе финансы	90
Глава третья. Подготовка Англичанъ къ борьбѣ за существованіе. Типы и характеры	100
Глава четвертая. Домашній очагъ	123
Часть третья. Общественная жизнь	147
Глава первая. Политическіе дѣятели	148
Глава вторая. Соціализмъ	175
Глава третья. Общественный строй и счастье	212

Народного Комиссариата
Библиотека
№ . . . . . .
Путей Сообщения

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Если превосходство Англо-Саксовъ надъ другими народами не провозглашается открыто, то во всякомъ случаѣ оно несомнѣнно чувствуется всѣми. Недовѣріе, страхъ и нерѣдко ненависть, питаемые къ Англичанину являются лучшими показателями того положенія, которое занимаетъ онъ среди другихъ членовъ человѣческой семьи.

На всемъ земномъ шарѣ мы не можемъ сдѣлать шага, чтобы не встрѣтиться съ Англичаниномъ. Бросивъ взглядъ на наши прежнія владѣнія, мы вездѣ видимъ теперь гордо развѣвающійся англійскій флагъ. Англо-Саксы выжили насъ изъ Сѣверной Америки, которую мы занимали отъ Канады до Луизіаны. Они вытѣснили насъ изъ Индіи, съ о-въ св. Маврикія и Египта.

Изъ Канады и Соединенныхъ Штатовъ они повелѣваютъ всей Америкой; изъ Египта и Капа

распоряжаются Африкой; изъ Индіи и Бирманіи диктуютъ свою волю Азіи; изъ Австраліи и Новой Зеландіи господствуютъ надъ Океаніей; наконецъ посредствомъ торговли, промышленности и политики вершатъ дѣла Европы и всего міра.

Конечно другіе народы—Французы, Германцы, Итальянцы, Испанцы также имѣютъ свои колоніи, но они не заселяютъ ихъ, подобно Англо-Саксамъ, не трансформируютъ ихъ и удерживаютъ ихъ за собою чисто механическою связью съ помощью войскъ и чиновниковъ.

Затѣмъ Русскіе и Китайцы хотя и владѣютъ обширными пространствами, но имъ нужно еще много времени для того, чтобы сравняться съ Западомъ.

Англо-Саксы же, наоборотъ, все время идутъ во главѣ самой дѣятельной и передовой западной цивилизаціи и поражаютъ своей энергіей, творчествомъ и неутомимостью. Достаточно небольшой группѣ представителей этой расы поселиться на какой-либо точкѣ земного шара, какъ здѣсь сейчасъ же начинаетъ бить родникъ новой жизни. Со сказочною быстротою измѣняя внѣшній обликъ страны, Англо-Саксы формируютъ новыя человѣческія общества. Часто эти новыя общества настолько превосходятъ насъ совершенствомъ своего устройства, что имѣютъ полное

право прилагать къ намъ полупрезрительную кличку «стараго свѣта».

Дѣйствительно, рядомъ съ этою молодежью, мы кажемся усталыми и состарившимися. Посмотрите, что сдѣлали мы съ Новой Каледоніей и другими нашими владѣніями Океаніи и сравните съ тѣмъ, что достигнуто Англо-Саксами въ Австраліи и Новой Зеландіи. Сравните затѣмъ результаты работъ Испанцевъ и Португальцевъ въ Южной Америкѣ съ результатами дѣятельности Англо-Саксовъ въ Сѣверной — вѣдь это ночь и день.

Три слѣдующія цифры даютъ еще одну иллюстрацію, не требующую поясненій. На основаніи официальныхъ данныхъ, въ теченіе одного года черезъ Суэцкій каналъ прошло пароходовъ:

французскихъ	160
нѣмецкихъ	260
англійскихъ	2.662

Но, устанавливая эти факты, нельзя, конечно ограничиться простымъ указаніемъ на нихъ съ трибуны, или въ печати. Это было бы равносильно старушечьей угрозѣ кулакомъ въ сторону Англичанина.

Положеніе заслуживаетъ гораздо большаго, и настоящій трудъ ставитъ себѣ цѣлью во-первыхъ

опредѣлить условія, способствующія развитію необычайнаго могущества англо-саксонской цивилизаціи и, во-вторыхъ, найти тѣ средства, съ помощью которыхъ мы сами могли бы стать на одинаковый уровень съ Англо-Саксами. Въ этомъ не только для нашихъ дѣтей, но и для насъ самихъ заключается вопросъ жизни и смерти.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Школа.

Различіе между Англичанами и другими народами Запада начинается прежде всего со школы. Различіе здѣсь очень велико, и оно даетъ возможность уловить причины превосходства англо-саксонской расы съ самаго ихъ зарожденія.

Каждый народъ организуетъ свое воспитаніе и образованіе на собственный ладъ, сообразно своимъ правамъ и обычаямъ. Воспитаніе и образованіе въ свою очередь оказываютъ свое воздѣйствіе на общество.

Въ этомъ мы убѣдимся изъ первыхъ трехъ главъ, разбирающихъ постановку школьнаго дѣла во Франціи, Германіи и Англіи.

Въ главѣ четвертой будетъ разсмотрѣнъ вопросъ о томъ, какъ мы должны воспитывать нашихъ дѣтей, чтобы поставить ихъ на высоту новыхъ требованій жизни, совершенно разнящихся отъ требованій еще недавняго, но уже безвозвратнаго прошлаго.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Школа во Франціи.

I.

Спросите у ста молодыхъ французовъ наканунѣ выпуска ихъ изъ школы, какой дѣятельности они себя предназначаютъ, и три четверти ихъ отвѣтятъ вамъ, что они считаютъ себя кандидатами на государственную службу. Одни имѣютъ въ виду поступленіе въ армію, другіе въ судебное вѣдомство, третьи въ министерства, администрацію, акцизъ, консульства, университеты, библіотеки, архивы и т. д., и т. д.

На свободныя профессіи идутъ только тѣ, кто не успѣлъ устроиться на казенную службу.

Само собою разумѣется, что, при чрезмѣрномъ наплывѣ кандидатовъ, Государство не можетъ принять всѣхъ ихъ и принуждено дѣлать выборъ.

Выборъ совершается, или по протекціи, или по происхожденію, или по экзамену. Первые два

способа практикуются сравнительно рѣдко. Черезъ эту потайную дверь проскальзываютъ немногіе. Парадным же ходомъ, открывающимъ доступъ ко всѣмъ карьерамъ, служатъ экзамены.

Въ виду этого, главнѣйшею заботою каждаго молодого француза, желающаго обезпечить свою будущность, является успѣшное выдержаніе экзаменовъ. Тою же заботою въ отношеніи своихъ воспитанниковъ поглощены и школы, ибо то учебное заведеніе, воспитанники котораго окажутся слабыми на конкурсныхъ испытаніяхъ, сейчасъ же потеряетъ уваженіе въ глазахъ французской семьи, въ него перестануть посылать учениковъ и оно должно будетъ прекратить свое существованіе.

Но такъ какъ, съ своей стороны, и Государство, для того чтобы сократить число кандидатовъ, во-первыхъ ввело предѣльный возрастъ для начала службы въ большинствѣ вѣдомствъ, а во-вторыхъ постепеннымъ расширеніемъ програмъ обратило послѣднія въ перечень такой энциклопедіи, для основательнаго усвоенія которой не хватитъ никакихъ человѣческихъ способностей, то, благодаря совокупности этихъ условій, преподаваніе наукъ во французской школѣ вылилось въ особую систему, извѣстную подъ именемъ «chauffage» или «накаливанія» и состоящую въ томъ, чтобы въ наикратчайшій срокъ «накалить» ученика такимъ образомъ, чтобы въ моментъ экзаменовъ онъ могъ дать отвѣтъ на всѣ вопросы экзаменной програмы.

Эта система, столь же варварская, какъ и ея наименованіе, требуя особой тренировки и такихъ искусственныхъ пріемовъ, которые семьѣ совершенно неизвѣстны, повлекла, въ свою очередь, установленіе и спеціальнаго школьнаго режима закрытыхъ пансіоновъ—le grand internat.

II.

Нужно признать однако, что такой режимъ какъ нельзя лучше соотвѣтствуетъ той цѣли, которую онъ преслѣдуетъ, т. е. подготовкѣ чиновниковъ для гражданской и военной службы.

Истинный чиновникъ долженъ быть воспитанъ въ повиновеніи; онъ долженъ отрѣшиться отъ своей воли и безпрекословно исполнять приказанія старшихъ; онъ долженъ быть орудіемъ въ рукахъ другого человѣка. Въ этомъ смыслѣ закрытые пансіоны являются превосходною фабрикою людей подобнаго склада. Прежде всего весь внутренній распорядокъ пансіоновъ напоминаетъ собою казарму: воспитанники встаютъ по барабану или звонку; на занятія идутъ рядами; во время перемѣнъ на тѣсномъ дворѣ, окруженномъ высокими зданіями, прогулки совершаютъ строемъ. Пользованіе свѣжимъ воздухомъ непродолжительно—обыкновенно полчаса утромъ, часъ послѣ завтрака и полчаса передъ обѣдомъ. Отпуски даются не болѣе одного дня въ мѣсяцъ. Родители могутъ посѣщать своихъ дѣтей только два раза въ недѣлю, не болѣе какъ на одинъ часъ и при-

томъ въ банальной гостиной, набитой посѣтителями, гдѣ ближайшіе сосѣди могутъ слышать каждое слово и слѣдить за разговоромъ.

Совершенно ясно, что такой режимъ подавляетъ въ молодомъ человѣкѣ свободу и непринужденность, стираетъ съ него всѣ характерныя черты, запечатлѣвшіяся подъ вліяніемъ семьи, однимъ словомъ убиваетъ въ немъ всякую оригинальность.

Перетирая такимъ образомъ всѣ довѣренныя ей разнообразныя дарованія въ одну однородную массу, школа дѣйствительно превращаетъ ихъ въ орудіе, готовое повиноваться чужой волѣ.

Повиновеніе должно быть тѣмъ болѣе пассивнымъ, что экзаменная система не развиваетъ привычки къ самостоятельному мышленію. Худо ли, хорошо ли проглотивъ огромную массу предметовъ, человѣкъ работалъ исключительно памятью, а потому, совершенно такъ же, какъ въ бытность въ школѣ, онъ безъ всякихъ разсужденій заучивалъ все то, что требовалось программою, такъ затѣмъ и въ жизни онъ безъ малѣйшаго колебанія будетъ исполнять тѣ приказанія, которыя дойдутъ до него въ порядкѣ чиновничьей іерархіи. Къ тому же не изъ одного ли и того же источника, то есть Государства, выходятъ и эти научныя требованія и эти служебныя приказанія? Пока вы ученикъ, Государство внѣдряетъ въ васъ казенныя доктрины, а сдѣлались чиновникомъ, оно же отдаетъ вамъ приказанія. Логика вещей, стало быть, не терпитъ никакого насилія.

Впервые мысль о томъ, какую роль можетъ играть школа въ дѣлѣ подготовки чиновничества явилась у Наполеона I. Въ семнадцатомъ и восемнадцатомъ столѣтіяхъ закрытые пансіоны представляли собою большую рѣдкость; они начали развиваться съ тѣхъ поръ, какъ въ лицѣ переустроеннаго Наполеономъ университета былъ данъ общій типъ для закрытыхъ учебныхъ заведеній.

Дѣйствительно, такое централизованное Государство, какимъ была первая Имперія, требовало для своего управленія большого количества чиновниковъ, а правительству былъ полный расчетъ самому подготовлять ихъ. Взявъ въ свои руки молодого человѣка въ томъ возрастѣ, когда его умъ еще не сформировался, правительство очень легко могло внушить ему всѣ правила и привычки, характеризующія хорошаго чиновника, т. е. отсутствіе инициативы, послушаніе, однообразіе идей и чувствъ; однимъ словомъ все то, что отнимаетъ у человѣка его собственное «я».

Хотя со времени Наполеона во Франціи перемѣнилось много правительствъ, но эти перемѣны относились только къ внѣшнему этикету; наполеоновскій же духъ управленія не умиралъ ни на одну минуту и остается живымъ и по сей часъ. Въ теченіе столѣтія и централизація власти, и число чиновниковъ не только не уменьшились, а, наоборотъ, сильно возросли; соотвѣтственно этому развилась и система «накаливанія» и умножилось число закрытыхъ пансіоновъ.

III.

Вотъ тотъ режимъ, которому подвержена учащаяся молодежь Франціи. Подавляющая масса ея питаетъ надежду при помощи экзаменныхъ успѣховъ открыть себѣ доступъ на государственную службу, но эта надежда оправдывается далеко не для всѣхъ, и тѣ, кто потерпѣлъ неудачу, должны искать себѣ положенія въ другомъ мѣстѣ.

Отсюда возникаетъ теперь очень важный вопросъ: имѣетъ ли возможность школа, въ высшей степени пригодная для формированія чиновниковъ, подготовить своего ученика и такимъ образомъ, чтобы онъ былъ въ состояніи совершенно самостоятельно устроить свою будущность?

Для того, чтобы создать себѣ независимое положеніе, нужны прежде всего инціатива, характеръ и привычка расчитывать на самого себя. Но тотъ режимъ, о которомъ мы говорили выше, не только не развиваетъ этихъ способностей, а наоборотъ заглушаетъ ихъ. Кромѣ того, онъ пріучаетъ мысль къ перспективѣ карьеры совершенно готовой, требующей не постоянныхъ усилій, а лишь простого терпѣнія.

Дѣйствительно, какъ въ гражданской службѣ, такъ равно и въ арміи—повышеніе совершается по старшинству и протекціи. Весь вопросъ заключается только въ томъ, чтобы войти туда, а разъ человѣкъ попалъ въ свою колею, ему

остается одно — сложить руки и предоставить себя тому правильному и автоматическому теченію, которое неудержимо будетъ толкать его отъ чина къ чину. Ясно, что подобная перспектива не способствуетъ выработкѣ въ человѣкѣ души героя и сердца побѣдителя.

Чтобы создать независимое положеніе, нужна еще молодость. Только въ юные годы человѣкъ способенъ, не моргнувъ глазомъ, идти на приступъ и одолѣть тѣ препятствія, которыя загораждаютъ доступъ ко всякаго рода предпріятіямъ. Между тѣмъ кандидатъ на чиновничество находится въ неопредѣленномъ положеніи по меньшей мѣрѣ до двадцати лѣтъ, часто до двадцати пяти, иногда до тридцати и болѣе: когда же наконецъ онъ потеряетъ всякую надежду на успѣхъ,—большинство занятій другого рода оказываются для него закрытыми. Онъ не можетъ взяться за нихъ, потому что подготовительный періодъ ихъ дологъ, труденъ и плохо вознаграждаемъ; человѣкъ же съ годами становится болѣе требовательнымъ, а чѣмъ болѣе онъ требователенъ, тѣмъ труднѣе найти ему подходящее дѣло; время же не ждетъ, годы слѣдуютъ за годами и препятствія растутъ и высятся, какъ заколдованный лѣсъ.

Затѣмъ, чтобы составить себѣ самостоятельную карьеру, недостаточно быть молодымъ, нужно имѣть еще къ этому стремленіе, вкусъ и техническую подготовку. Слишкомъ мало сказать себѣ, что я хочу быть сельскимъ хозяиномъ, промы-

пленникомъ или купцомъ. Для этого нужно много знаній, пріобрѣтаемыхъ главнымъ образомъ благодаря практикѣ и семейнымъ традиціямъ. Режимъ нашей школы не только не способенъ дать такихъ знаній, но, наоборотъ, внушая мысль о превосходствѣ государственной службы надъ всѣми другими родами дѣятельности, онъ внушаетъ къ послѣднимъ чувство отвращенія. Сколько почтенныхъ отцовъ семейства, составившихъ себѣ прекрасное положеніе благодаря земледѣлію, промышленности и торговлѣ были поражены тѣмъ, что ихъ сыновья при выходѣ изъ школы объявляютъ вдругъ, что они не желаютъ продолжать отцовское занятіе. Это дурное вліяніе школы распространилось такъ сильно, что теперь уже всѣ благоразумные люди начинаютъ жаловаться на повальное уклоненіе французской молодежи отъ только что названныхъ профессій, являющихся на самомъ дѣлѣ наиболѣе полезными и наиболѣе почетными. Къ нимъ обращаются лишь тѣ, кто потерпѣлъ неудачу въ экзаменахъ. Они дѣлаютъ это вынужденно, безъ всякаго внутренняго влеченія, безъ надлежащей подготовки, однимъ словомъ въ наихудшихъ условіяхъ для успѣха.

Кромѣ чиновничества, есть однако еще двѣ профессіи, къ которымъ въ особенности предрасполагаетъ наша школа, именно: частная служба и такъ называемыя либеральныя профессіи.

Въ отношеніи частной службы это объясняется очень легко, благодаря сходству ея со

службою государственной. Ей нужны совершенно такія же способности и она не требуетъ ни большей иниціативы, ни большихъ усилій труда. Соотвѣтственно этимъ запросамъ, она даетъ и обезпеченіе, здѣсь подвигаются не быстро, но вѣрно, какъ вездѣ, гдѣ двигателемъ является автоматизмъ.

Теперь, что касается либеральныхъ профессій, то стремленіе къ нимъ есть также прямое слѣдствіе нашего школьнаго режима. Одною изъ отличительныхъ чертъ его является требованіе быть энциклопедистомъ, а поэтому, наскоро пробѣжавъ все то, что заключаетъ въ себѣ необъятная програма, каждый молодой французъ выходитъ изъ школы съ полнымъ убѣжденіемъ, что онъ знаетъ все и что онъ можетъ говорить и писать обо всемъ. Вотъ вамъ обычный типъ ученаго представителя любой либеральной профессіи во Франціи. Правда, со стороны онъ долженъ казаться какъ будто загнаннымъ въ эту профессію, ибо по его прямой спеціальности школа дала ему слишкомъ мало, а для того, чтобы онъ могъ составить себѣ другую независимую карьеру, сдѣлала его неспособнымъ.

Безъ всякой мѣры плодя такихъ ученыхъ, школа вмѣстѣ съ тѣмъ вырабатываетъ изъ нихъ совершенно особый интелектуальный типъ.

Характерною особенностью этого типа является слабость, а иногда и совершенное безсиліе, обнаруживаемыя при попыткѣ основательно изучить какой нибудь серьезный вопросъ. Съ этой точки

зрѣнія чрезвычайно поучительнымъ является чтеніе «Journal de la librairie», дающаго отчетъ объ ученыхъ трудахъ, выходящихъ во Франціи каждую недѣлю. Здѣсь вы ясно увидите, что капитальныя сочиненія выходятъ все рѣже и рѣже, да и эти немногіе экземпляры представляютъ собою не плодъ собственныхъ долгихъ и мучительныхъ размышленій, не произведенія собственнаго ума и таланта, а обширную компиляцію энциклопедическаго характера, т. е. болѣе или менѣе связный наборъ фактовъ и чужихъ мыслей.

За весьма рѣдкимъ исключеніемъ, для серьезныхъ собственныхъ работъ нѣтъ болѣе ни авторовъ, ни читателей. Точно также и издатель: попробуйте предложить ему издать трудъ въ нѣсколько томовъ, и онъ въ ужасѣ отшатнется отъ васъ.

Такая неспособность къ серьезнымъ научнымъ изслѣдованіямъ ни въ какомъ случаѣ не вытекаетъ изъ природныхъ свойствъ націи. Чтобы убѣдиться въ этомъ, сравните произведенія французскихъ писателей семнадцатаго, восемнадцатаго и начала девятнадцатаго столѣтій съ таковыми же за послѣднія сорокъ лѣтъ. Нѣтъ, этимъ печальнымъ явленіемъ мы почти цѣликомъ обязаны той образовательной системѣ, которая создана экзаменами. Дѣйствительно, разъ вашъ умъ вышколенъ единственно для того, чтобы скользить по поверхности каждой вещи, безъ всякаго разсужденія воспринимать даваемыя вамъ объясненія и въ наикратчайшій срокъ проглатывать

наибольшее количество совершенно непрожеванныхъ свѣдѣній, — всякій вдумчивый и методическій трудъ становится невозможнымъ.

Наша молодежь отличается хорошею памятью, быстрой смѣткой и способностью поймать всякое объясненіе на-лету, т. е. именно тѣми качествами, которыя развиваются спеціальной тренировкой и благодаря которымъ обезпечивается экзаменный успѣхъ. Когда же эти, болѣе блестящія, чѣмъ солидныя качества приходится приложить къ дѣлу, то обладатели ихъ оказываются ниже всякой критики.

Итакъ, нашъ нынѣшній школьный режимъ готовитъ спеціально чиновниковъ: онъ мало приспособленъ къ тому, чтобы создать другой продуктъ, въ особенности же онъ плохъ для того, чтобы сформировать человѣка.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛ
Н.К.П.С.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Школа въ Германіи.

I.

Должно быть какой-то злой духъ придумалъ для себя особенную забаву разбивать поочередно одинъ за другимъ всѣхъ тѣхъ идоловъ, передъ которыми мы недавно падали ницъ.

Теперь на такой очереди стоитъ школа.

Едва-ли нужно доказывать, въ какомъ подобострастіи воспитаны мы были по отношенію къ этому учрежденію. Слѣпо повѣривъ тому, что если Нѣмцы побѣдили насъ, то единственно потому, что школы ихъ были выше нашихъ, мы сейчасъ же принялись за расширеніе програмъ и за постройку школьныхъ зданій. Твердо рѣшивъ, что разъ вопросъ касается образованія, то никакая роскошь не должна быть слишкомъ большою,—мы создали настоящую эру школьныхъ дворцовъ. Не довольствуясь безплатнымъ обученіемъ, мы начали требовать—обязательнаго; мы хотѣли по-

садить на школьную скамью всю Францію, и горе было бы тому, кто въ разгарѣ такихъ увлеченій осмѣлился бы выразить хоть малѣйшее сомнѣніе во всерѣшающемъ значеніи школы.

Затѣмъ, такъ какъ въ періодъ этого психологическаго дурмана мы стремились подражать во всемъ нашему побѣдителю, то, одновременно съ военною системою, мы заимствовали у Германіи и ея педагогію и ея знаменитую филологію. Дайте подросткамъ шестого класса хорошій латинскій текстъ, говорили представители нашихъ университетовъ, и вы увидите, какъ быстро начнетъ возрождаться страна! Восхищенная Франція неистово рукоплескала этой магической формулѣ...

Какимъ же образомъ однако случилось такъ, что вчерашняя безусловная истина оказывается сегодня фатальною ошибкой? Ибо въ ошибочности этой безграничной вѣры въ школу теперь уже не можетъ быть никакихъ сомнѣній. Ее одинаково сознаютъ и глубоко раскаиваются въ ней какъ по эту, такъ и по ту сторону Рейна.

У насъ это выразилось сначала въ формѣ глухого недовольства. Явились смѣльчаки, которые начали говорить, что школа рѣшительно не даетъ тѣхъ результатовъ, которые отъ нея ожидались, что расширеніе програмъ совпадаетъ съ явнымъ пониженіемъ знаній, что средніе экзаменные успѣхи сдѣлались хуже. Затѣмъ съ цифрами и фактами въ рукахъ начали доказывать, что чрезмѣрное увеличеніе школъ влечетъ за собою образованіе огромной массы людей ни къ чему не спо-

собныхъ и выбитыхъ изъ колеи, что благодаря этому школа представляетъ собою огромную опасность.

Пока такія мнѣнія высказывались лицами, не принадлежащими ни къ учебному персоналу, ни къ официальному міру, на нихъ не обращали вниманія, считая ихъ предвзятыми. Но вотъ и наиболѣе видные представители университетовъ, нѣкоторые изъ ректоровъ и бывшихъ министровъ народнаго просвѣщенія начали также возвышать свой голосъ и высказывать тѣ же жалобы. Наконецъ, при полномъ собраніи Сорбонны было объявлено, что наша школа требуетъ реформъ и что эти реформы неотложны.

Можно было бы предположить, что здѣсь опять таки сказался характеръ французовъ, всегда готовыхъ перескочить отъ одной мысли къ другой и изъ одной крайности устремиться въ другую. Но какъ разъ въ это же самое время совершенно такой же протестъ раздался въ самомъ сердцѣ Германіи — въ Берлинѣ, и авторомъ его явился не кто другой, какъ самъ Императоръ.

Такимъ образомъ два народа, еще недавно не допускавшіе никакихъ возраженій противъ верховнаго значенія школы, теперь съ неменьшею энергіей заявили, что школа обманула ихъ ожиданія, или, выражаясь правильнѣе, что они сами обманулись въ тѣхъ надеждахъ, которыя возлагали на школу.

Въ чемъ же однако не оправдались надежды Императора Германіи, чего ожидалъ онъ отъ

школы, затѣмъ какова его собственная програма и насколько исполнимы его требованія? Вотъ вопросы, разобрать которые чрезвычайно интересно и поучительно.

II.

Въ первой половинѣ извѣстной своей рѣчи о школьномъ вопросѣ Императоръ ставитъ себѣ цѣлью развить мысль о несостоятельности германской школы.

«Я не имѣлъ бы, можетъ быть, надобности, говоритъ онъ, отдать тотъ приказъ по кабинету, о которомъ напоминалъ г. министръ, если бы школа была дѣйствительно на высотѣ своего назначенія. Но прежде всего я хочу обратить вниманіе на то, что строгость моихъ сужденій направлена не противъ какого-либо лица, а противъ всей системы, противъ общаго положенія... Школа не дала того, что мы имѣли право ожидать отъ нея».

«Гдѣ же и въ чемъ заключается ошибка?» спрашиваетъ Императоръ и для раскрытія ея подвергаетъ самой суровой критикѣ всю школьную систему. Начавъ съ методовъ преподаванія, внесенныхъ филологами, засѣвшими въ германскихъ школахъ съ 1870 г. на правахъ beati possidentes, и перейдя затѣмъ къ предметамъ изученія, Императоръ высказываетъ такое мнѣніе относительно главнѣйшей основы всей науки, т. е. латинскаго языка:

«...въ подтвержденіе нужности латинскаго языка обыкновенно говорятъ очень многое; говорятъ, что латынь чрезвычайно важна, что она представляетъ собою великолѣпное средство, чтобы разработать въ человѣкѣ способности къ изученію иностранныхъ языковъ и т. д.

«Да, господа, когда-то я самъ продѣлывалъ все это и знаю, въ чемъ состоитъ латинское сочиненіе. Мнѣ не разъ приходилось видѣть какого нибудь юношу, который за сочиненіе на нѣмецкомъ языкѣ получалъ 4 (удовлетворительно), а за сочиненіе по латыни 2 (очень хорошо). Такой ученикъ вмѣсто похвалы долженъ былъ бы понести наказаніе, потому что ясно, что его работа была выполнена недобросовѣстно и не безъ чьей либо помощи. Изъ всѣхъ латинскихъ сочиненій, писанныхъ всѣми нами, не было ни одного, приготовленнаго инымъ способомъ, и за подобныя работы ставились хорошія отмѣтки; когда же въ гимназіи намъ задавались сочиненія по нѣмецкимъ классикамъ, оцѣнка была еле посредственная... Вотъ почему я говорю,—долой латынь, она намъ мѣшаетъ и благодаря ей мы теряемъ время».

Такимъ образомъ ни филологи, ни латынь не дали того, что отъ нихъ ожидалось. Это первое заключеніе германскаго Императора, касающееся тѣхники преподаванія, а вотъ и второе.

Императоръ говоритъ, что школа потерпѣла неудачу и съ практической точки зрѣнія, т. е. въ

смыслѣ формированія человѣка и обезпеченія ему успѣха въ жизни.

Эта часть рѣчи является наиболѣе важною, но крайней мѣрѣ самъ авторъ указываетъ на эту неудачу съ особенной настойчивостью.

Поясняя императорскую мысль, министръ исповѣданій и народнаго просвѣщенія въ своей вступительной рѣчи говоритъ, что «неужели же послѣ той перемѣны, которая произошла въ положеніи Пруссіи и Германіи, нѣмецкій народъ попрежнему останется народомъ мыслителей, народомъ, ищущимъ удовлетворенія въ самомъ себѣ? Нѣтъ», отвѣчаетъ онъ далѣе, «взоры германской націи устремлены уже за предѣлы государства и даже къ колонизаціи, а потому», говоритъ онъ въ заключеніе, «необходимо покончить съ устарѣлою системою образованія, дѣйствующею въ настоящее время».

Въ свою очередь и Императоръ настаиваетъ на малопрактичности германскаго образованія:

«Прежде всего я хотѣлъ бы замѣтить, что дѣло идетъ исключительно о тѣхъ техническихъ и педагогическихъ мѣрахъ, которыя нужно принять для воспитанія нашего подростающаго поколѣнія такъ, чтобы оно могло отвѣчать всѣмъ запросамъ положенія, занятаго нашимъ отечествомъ среди другихъ государствъ и чтобы сдѣлать эту молодежь способной къ борьбѣ за существованіе».

Вотъ оно великое слово! Нужно подготовить растущее поколѣніе къ борьбѣ за существованіе;

нужно сдѣлать изъ него людей практичныхъ, способныхъ самостоятельно распутываться въ дѣлахъ и могущихъ даже въ чужой странѣ съ успѣхомъ состязаться съ хорошо подготовленными представителями другихъ народовъ.

Оказывается, что и съ этой точки зрѣнія школа не выполнила своей роли: она подготовляла только людей, потерявшихъ почву, неудачниковъ, журналистовъ и даже хуже—людей надорванныхъ, близорукихъ физически и духовно, людей неспособныхъ ни къ большому усилію, ни къ энергичному дѣйствію. Обо всемъ этомъ говоритъ опять таки самъ Императоръ.

Онъ прежде всего замѣчаетъ, что переутомленіе вызываетъ физическую надорванность и не благопріятствуетъ развитію воли:

«Переходя теперь къ занятіямъ нашихъ молодыхъ людей, я утверждаю, что намъ безусловно необходимо пересмотрѣть число часовъ домашней работы. Г. тайный совѣтникъ Гинцпетеръ припомнитъ, что еще въ то время, когда я былъ въ гимназіи въ Кассель, послышались первые голоса протеста родителей. Вслѣдствіе этого правительство приказало произвести разслѣдованіе, и мы были обязаны каждое утро подавать нашему директору записку съ обозначеніемъ числа часовъ, употребленныхъ нами дома на приготовленіе уроковъ къ завтрашнему дню. И вотъ, господа, я долженъ былъ, какъ это можетъ засвидѣтельствовать тайный совѣтникъ Гинцпетеръ, работать семь часовъ дома! Прибавьте сюда шесть часовъ

классныхъ занятій, два часа завтрака и обѣда, и вы можете расчитать, сколько времени у меня оставалось».

Императоръ говоритъ при этомъ, что самъ онъ могъ еще бороться съ переутомленіемъ, благодаря особому средству, которымъ большинство учащихся не располагаетъ: «если бы я не имѣлъ возможности совершать прогулки верхомъ, я не зналъ бы, что происходитъ на бѣломъ свѣтѣ. Съ такимъ порядкомъ вещей», продолжаетъ онъ, «надо бороться самыми рѣшительными мѣрами. Господа, нельзя натягивать лукъ больше и нельзя оставить его въ такомъ положеніи. Мы перешли крайнюю черту.

«Школы выполнили сверхчеловѣческое и дали страшное перепроизводство образованныхъ людей, большее, чѣмъ народъ въ состояніи вынести на своихъ плечахъ.

«Мы дѣйствительно обладаемъ тѣмъ пролетаріатомъ бакалавровъ, о которомъ говорилъ князь Бисмаркъ. Большая часть кандидатовъ на голодъ, главнымъ образомъ, господа журналисты,—вѣдь это неудачный продуктъ гимназіи, они представляютъ собою серьезную опасность.

«Избытокъ ихъ дѣлаетъ наше отечество похожимъ на поле, настолько насыщенное водою, что оно не въ состояніи выносить новой поливки. Вотъ почему я не дамъ разрѣшенія на открытіе ни одной новой гимназіи, необходимость которой мнѣ не будетъ доказана. Мы имѣемъ ихъ совершенно достаточно».

Что же скажутъ по этому случаю тѣ, кто считаетъ, что величіе и жизненная сила націи измѣряются количествомъ ученыхъ и школъ? Вѣдь тотъ, кто высказалъ только что приведенное осужденіе—не дикій варваръ, вышедшій изъ лѣсовъ Германіи, а одинъ изъ продуктовъ школьнаго развитія, выше котораго еще не существовало на поверхности земного шара,—одинъ изъ продуктовъ любознательной, университетской и педантичной Германіи.

Въ концѣ своей рѣчи Императоръ снова обращается къ тѣлесной убогости, создаваемой нынѣшней системой образованія: «что вы можете требовать отъ человѣка, который смотритъ не собственными глазами, а въ нашихъ школахъ 74% близорукихъ! Когда я былъ въ гимназіи въ Кассельѣ,—классныя занятія, по особому желанію моей матери, происходили въ свѣтломъ и хорошо провѣтренномъ залѣ, однако же изъ 21 моихъ товарищей 18 носили очки!

«Все это причиняетъ мнѣ сильную боль и касается меня очень близко, потому что я отецъ моего народа и я считаю себя обязаннымъ объявить, что дальше такъ продолжаться не будетъ. Господа, люди должны смотрѣть на міръ не черезъ очки, а собственными глазами... Вотъ къ чему отнынѣ мы будемъ стремиться, я обѣщаю вамъ это».

Такимъ образомъ, германская школа потерпѣла крушеніе съ точки зрѣнія технической и съ точки зрѣнія практической.

Но на ея счету числится еще одно,—она оказалась несостоятельной и съ точки зрѣнія политической.

Послѣдній упрекъ очень важенъ. Извѣстно, въ самомъ дѣлѣ, какіе расчеты возлагались въ этомъ отношеніи на школу. Наложить на нее руку для всѣхъ партій, а въ частности и для правительства, считалось наивѣрнѣйшимъ средствомъ успѣха. Благодаря этому какихъ только ожесточенныхъ схватокъ не происходило вокругъ школы во Франціи и въ Германіи. Это былъ пунктъ, отъ котораго отправлялась вся выборная агитація и откуда начинался главный политическій расколъ. У насъ такое стремленіе породило извѣстный школьный законъ и знаменитый седьмой пунктъ, а въ Германіи такъ называемый Culturkampf.

Хотя германскій Императоръ пользовался школою вполнѣ самодержавно на прусскій образецъ, такъ же какъ у насъ пользуются ею самодержавно на образецъ якобинскій, однако, вотъ что онъ говоритъ о результатахъ этого пользованія:

«Если бы школа сдѣлала то, что отъ нея имѣли право ожидать, а я могу говорить такъ, ибо самъ воспитывался въ гимназіи и знаю, что тамъ происходитъ,—то она прежде всего должна была вступить въ единоборство съ демократіей... Гимназіи и университеты должны были воспитать подростающее поколѣніе такимъ образомъ, чтобы молодые люди моего возраста представляли бы

теперь собою полный ассортиментъ орудій, съ помощью котораго я могъ бы работать и управлять движеніемъ.

«Но этого не было. Послѣднимъ моментомъ, когда наша школа была полезна для политическаго развитія, были года 1864, 1866 и 1870. Въ этотъ моментъ прусскія школы были истинными хранительницами идеи единства. Здѣсь проповѣдывалась только одна мысль—возстановить Германскую имперію и отнять Эльзасъ и Лотарингію. Съ 1871 г. все это прекратилось. Имперія была возстановлена, мы получили желаемое и успокоились. Теперь слѣдовало бы внушить юношеству необходимость умѣть сохранить пріобрѣтенное. Но въ этомъ отношеніи не сдѣлано ровно ничего. Мало того, съ нѣкоторыхъ поръ начинаютъ чувствоваться центробѣжныя стремленія. Я могу судить объ этомъ и по своему положенію и потому, что занимался этими вопросами. Такое положеніе вещей вытекаетъ изъ воспитанія юношества».

Обрисовавъ, такимъ образомъ, неудачу школы по всей линіи, Императоръ признаетъ, что такое положеніе вещей не можетъ продолжаться и что для того, чтобы поставить школу на надлежащій путь, необходимы самыя рѣшительныя мѣры.

Посмотримъ же, въ чемъ заключаются эти мѣры, т. е. какія перемѣны вноситъ Императоръ въ школьный режимъ Германіи.

Съ точки зрѣнія технической, какъ мы это уже видѣли, его рѣшеніе просто и радикально—

онъ упраздняетъ латынь. Онъ изгоняетъ ее изъ всѣхъ школъ, кромѣ классическихъ гимназій, а число послѣднихъ признаетъ настолько достаточнымъ, что заранѣе отказываетъ въ разрѣшеніи на открытіе новыхъ.

Я не хочу разбирать здѣсь сложный вопросъ о латыни, въ особенности я не имѣю въ виду защищать ни чрезмѣрное распространеніе ея, ни способъ преподаванія, дающій столь жалкіе результаты, но я не могу не отмѣтить того, что съ той точки зрѣнія, которую я назвалъ технической, т. е. съ точки зрѣнія чисто научной части школьнаго дѣла вся реформа Императора заключается въ упраздненіи.

Совершенно иною является она съ точки зрѣнія практической.

Мы уже видѣли, что главное стремленіе Императора заключается въ томъ, чтобы подготовлять молодыхъ Германцевъ къ борьбѣ за существованіе, сдѣлать ихъ настолько опытными, чтобы они вполнѣ самостоятельно могли разобраться въ своихъ дѣлахъ и облегчить германской расѣ распространеніе за предѣлы отечества. Програма безспорно великолѣпная, но я убѣжденъ, что, передумавъ тысячу способовъ для ея осуществленія, вы не угадаете того, что было предложено Императоромъ.

Что скажете вы о человѣкѣ, который, желая научить ребенка ходить, начнетъ съ того, что крѣпко свяжетъ ему ноги, или, желая открыть ему широкій кругозоръ, посадитъ его въ темную

келью? А это и есть тотъ способъ, который изобрѣтенъ Императоромъ. Я знаю, что вы не повѣрите этому и будете правы, а поэтому приведу подлинныя слова императорскаго проэкта.

«Нужно, говоритъ онъ, «чтобы мы приняли нѣмецкій языкъ за основу всего образованія. Онъ долженъ являться центромъ, собирающимъ вокругъ себя всѣ остальные предметы. На экзаменахъ на атестатъ зрѣлости нѣмецкое сочиненіе должно быть мѣриломъ культурнаго развитія молодого человѣка и оцѣнкою того, стоитъ ли онъ чего-нибудь или нѣтъ... Съ сочиненіями же по латыни мы только теряемъ время, которое должно быть посвящено нѣмецкому языку... Затѣмъ я желалъ бы, чтобы національный элементъ былъ возможно лучше развитъ у насъ въ отношеніи географіи нашей страны и миѳологіи и исторіи нашего народа...»

«Въ то время, когда я былъ въ гимназіи, Великій Курфюрстъ представлялся намъ какимъ-то туманнымъ видѣніемъ, о Семилѣтней войнѣ говорилось вскользь и исторія заканчивалась французской революціей. Войны 1813—1815 гг., являющіяся наиболѣе важными для каждаго Нѣмца, не преподавались вовсе, и только благодаря особымъ прикладнымъ курсамъ я имѣлъ возможность изучить ихъ...

«Въ такой постановкѣ дѣла лежитъ главная причина того, почему наши молодые люди такъ легко вдаются въ обманъ, почему они критикуютъ наше правительство и ссылаются на за-границу...»

Эти послѣднія слова, бросая яркій свѣтъ на всю предыдущую часть рѣчи Императора, какъ нельзя лучше освѣщаютъ и ту главную цѣль, въ которую мѣтитъ повелитель Германіи, т. е., сосредоточивъ вниманіе германской молодежи исключительно на своей родинѣ, отвлечь ее отъ всего того, что дѣлается за предѣлами отечества. Заставивъ ее интересоваться только тѣми событіями германской исторіи, которыя привели къ главенству Пруссіи, — научить ее восхищаться дѣлами прусской династіи; въ общемъ, расквартировавъ нѣмецкій умъ въ тѣсныхъ предѣлахъ своей родины, добиться того, что «молодые люди будутъ судить иначе о вопросахъ нынѣшняго времени».

Затѣмъ, чтобы еще полнѣе выразить то, что онъ понимаетъ подъ словомъ практическое образованіе, Императоръ говоритъ:

«Господа, мнѣ нужны солдаты, мнѣ нужно поколѣніе сильное и способное, а поэтому слѣдовало бы придать нашимъ школамъ организацію кадетскихъ корпусовъ».

Въ добрый часъ! Но неужели же съ такою подготовкою нѣмецкая молодежь въ состояніи будетъ выступить съ успѣхомъ въ тотъ дѣйствительный міръ, гдѣ не убиваютъ, а устраиваютъ свою жизнь? Неужели же такая подготовка сдѣлаетъ изъ нихъ людей опытныхъ, способныхъ къ плодотворному труду, способныхъ къ инціативѣ, какую требуетъ неустанное развитіе нынѣшней дѣятельности?

Нужно пріучить молодыхъ людей къ самостоятельному рѣшенію всѣхъ вопросовъ, а вмѣсто этого передъ ними ставятъ примѣры прусской дисциплины и, какъ на идеалъ, указываютъ на кадетскіе корпуса. Нужно раскрыть ихъ умъ, расширить ихъ кругозоръ, посвятить во всѣ полезныя предпріятія, являющіяся въ рукахъ цивилизованнаго народа главнымъ орудіемъ господства его надъ менѣе культурными расами,—вмѣсто этого имъ надѣваютъ наглазники, чтобы они не видѣли ничего и чувствовали только самихъ себя. Изъ всего грандіознаго, великолѣпнаго и поучительнаго зрѣлища, представляемаго исторіей, имъ выдѣленъ только маленькій эпизодъ съ Пруссіей. Вмѣсто побѣдъ, одержанныхъ трудомъ, настойчивостью, энергіей, иниціативой и волей, —имъ разрѣшается знать только о побѣдахъ, одержанныхъ благодаря прусскимъ пушкамъ!..

Въ Индіи существуютъ подвижники, которые всю жизнь проводятъ въ созерцаніи своего собственнаго пупа, считая это вѣрнѣйшимъ путемъ къ достиженію высшаго духовнаго состоянія; но даже и въ этой несчастной странѣ такіе несчастные представляютъ собою исключеніе; германскій же Императоръ желаетъ поставить въ такое положеніе цѣлый народъ, принуждая его изъ всей вселенной созерцать только одну точку — самого себя!

Разсматривая, наконецъ, императорскій проэктъ съ точки зрѣнія политической, нельзя не

придти къ заключенію, что и въ этомъ смыслѣ результаты его могутъ оказаться какъ разъ противоположными тому, что ожидается.

Уже въ настоящее время рѣзко бросается въ глаза неспособность зажиточныхъ классовъ Германіи создать себѣ независимое положеніе и стремленіе ихъ устроиться на казенную службу. Новая же система образованія въ короткій срокъ дастъ правительству такое число кандидатовъ, что какъ бы ни увеличивали армію, какъ бы ни расширяли канцеляріи, — Государство все равно не въ состояніи будетъ прокормить легіоны этой, ни къ чему, кромѣ службы, не подготовленной молодежи. Послѣдняя же въ свою очередь всю вину своей жизненной неудачи будетъ ставить на счетъ правительству. При такихъ условіяхъ замѣченныя Императоромъ проявленія недовольства будутъ только возрастать.

Если бы эти строки попались на глаза Императору, онѣ несомнѣнно вызвали бы въ немъ сильное удивленіе заключающееся въ нихъ критикою, такъ какъ онъ убѣжденъ, что его школьный проэктъ открываетъ новый путь, по которому устремятся всѣ народы, что его програма — это програма будущаго. По крайней мѣрѣ вотъ его слова, сказанныя при закрытіи собранія:

«Господа, мы живемъ въ переходный періодъ. Во всѣ времена удѣломъ моего дома, т. е. моихъ предковъ, было чувствовать біеніе пульса времени, предвидѣть будущее и находиться во главѣ движенія для того, чтобы управлять имъ и вести къ цѣли.

«Я полагаю, что разгадалъ новое духовное теченіе и ту цѣль, къ которой стремится этотъ оканчивающійся вѣкъ, и подобно тому, какъ это было въ отношеніи соціальныхъ реформъ, я рѣшилъ открыть новый путь и для образованія нашего юношества,—путь, на который мы должны вступить рѣшительно и немедленно, ибо если мы не сдѣлаемъ этого теперь, то будемъ принуждены къ этому черезъ двадцать лѣтъ».

Мы не будемъ останавливаться на этихъ словахъ. Насъ не удивляетъ иллюзія ихъ,—въ устахъ Пруссака она вполнѣ естественна. Этотъ маленькій народъ восточной окраины Германіи вступилъ въ концертъ европейскихъ государствъ слишкомъ поздно для того, чтобы говорить языкомъ дипломатовъ. Онъ сорганизовался въ великую націю послѣ всѣхъ другихъ, и подобно человѣку, родившемуся на четверть часа позже и не могущему нагнать эту четверть часа,—Пруссія также регулярно отстаетъ на два столѣтія по часамъ Запада и Новаго Свѣта. На берегахъ Шпре съ величайшей серьезностью играютъ еще въ Филиппа II и Людовика XIV, совершенно не думая о томъ, что эти знаменитѣйшіе мертвецы, точно такъ же, какъ и ихъ политическій режимъ, уже похоронены давно и окончательно. Здѣсь еще величаютъ именемъ будущаго то, что представляетъ собою уже невозвратное прошлое.

Такъ какъ здѣсь идетъ вопросъ о будущей борьбѣ за существованіе, о необходимости распространенія германской расы за предѣлы оте-

чества, о соревнованіи ея съ расами, овладѣвающими уже міромъ, то весьма интересно посмотрѣть, какъ эти послѣднія ведутъ дѣло воспитанія и подготовки ихъ молодыхъ поколѣній къ величественной и суровой борьбѣ за жизнь и міровое господство. Мы увидимъ, насколько система ихъ образованія разнится отъ той, которую предлагаетъ германскій Императоръ.

III.

Въ то время, когда я писалъ эти строки, меня навѣстилъ одинъ изъ моихъ друзей, который точно также хочетъ подготовить своего сына къ борьбѣ за существованіе. Онъ не хочетъ сдѣлать изъ него ни офицера, ни администратора, а желаетъ дать ему всѣ способы для того, чтобы онъ могъ устроить свое положеніе самъ. Онъ такъ же, какъ и германскій Императоръ, но болѣе серьезно, ищетъ того практическаго образованія, о которомъ всѣ говорятъ, но которое никто не примѣняетъ.

Въ виду этого онъ выписалъ програмы нѣсколькихъ заграничныхъ школъ; одна изъ нихъ въ особенности поразила его и у него явилась благая мысль сообщить ее мнѣ. Я полагаю полезнымъ сдѣлать здѣсь разборъ ея, пользуясь въ то же время свѣдѣніями, полученными мною непосредственно.

Дѣло идетъ объ одной англійской школѣ, созданной спеціально для того, чтобы давать моло-

дымъ людямъ такую подготовку, чтобы они сами могли устраивать свою жизнь за-границею.

Програма начинается двумя характерными эпиграфами. Первый изъ Джона Стюарта Милля: «Можно сказать безъ колебанія, что при современномъ положеніи, колонизація является наилучшимъ предпріятіемъ, въ которое можно съ успѣхомъ вкладывать капиталы каждой старой и богатой страны». Второй изъ Е. Форстера: «Выселеніе все болѣе и болѣе становится необходимымъ не только для класса рабочихъ, но и для всѣхъ другихъ класовъ».

Затѣмъ слѣдуетъ указаніе на цѣль школы: она предназначается для такихъ молодыхъ людей, которые желаютъ пополнить пробѣлы школьнаго образованія. Замѣтьте себѣ, что образованіе въ англійскихъ школахъ и безъ того весьма практично. Но здѣсь дѣло идетъ о выработкѣ въ человѣкѣ особыхъ качествъ, необходимыхъ для того, чтобы съ успѣхомъ вступить въ борьбу за существованіе; здѣсь произнесены какъ разъ тѣ же самыя слова, какъ и въ программѣ германскаго Императора—the struggle for existence.

Руководители школы находятся въ сношеніяхъ со всѣми колоніями, которыя присылаютъ имъ свѣдѣнія, позволяющія молодымъ людямъ заранѣе намѣтить себѣ планъ, въ какую сторону лучше направиться. Благодаря этому, многіе изъ бывшихъ учениковъ уже съ успѣхомъ устроились въ разныхъ мѣстахъ.

Послѣ указанія цѣли помѣщены свѣдѣнія о мѣстоположеніи школы, и для того, чтобы каждый могъ имѣть болѣе точное представленіе о матеріальныхъ условіяхъ, приложенъ планъ.

Школа устроена въ деревнѣ (не говорите, что это понимается само собою, потому что нашъ Сельско-Хозяйственный Институтъ помѣщенъ какъ разъ въ центрѣ Парижа! *). Она расположена на возвышеніи между моремъ (open sea) и рѣкою (navigable river lade) съ одной стороны и обширными, хорошо воздѣланными землями—съ другой.

Вотъ два условія, которыя несравненно болѣе способствуютъ подготовкѣ колонистовъ, чѣмъ скопленіе нѣмецкихъ студентовъ въ городахъ.

Планъ указываетъ протяженіе школьнаго участка земли, обработаннаго такимъ образомъ, чтобы дать образцы всѣхъ системъ земледѣлія и разновидностей продуктовъ. Кромѣ того, на немъ помѣчены мѣста зданій съ указаніемъ ихъ назначенія: молочная ферма, курятникъ, мастерская и т. д.

Послѣ этого предисловія идетъ перечисленіе наукъ и изложеніе характера занятій, изъ которыхъ видно, что школа вовсе не заботится о политикѣ, а единственно о томъ, чтобы дать молодымъ людямъ всѣ практическія знанія, въ которыхъ можетъ встрѣтиться надобность. Въ противоположность порядкамъ нашего Сельско-Хо-

*) А нашъ Горный Институтъ въ С.-Петербургѣ.
Примѣч. перев.

зяйственнаго Института, главное мѣсто отводится практикѣ. Для этого при школѣ живетъ цѣлая колонія земледѣльцевъ и ремесленниковъ, постоянно занятыхъ обученіемъ воспитанниковъ всѣмъ работамъ, необходимымъ для колонизаціи

Естественно, что земледѣліе занимаетъ здѣсь первое мѣсто. Ученики сами до послѣдней мелочи выполняютъ всѣ хозяйственныя работы. Имъ даютъ на руки самыя усовершенствованныя орудія. Затѣмъ въ ихъ распоряженіи находится садъ въ десять десятинъ, предназначенный для опытовъ надъ производствомъ наилучшихъ и наивыгоднѣйшихъ сортовъ плодовъ и овощей.

Весьма большое вниманіе обращено на пчеловодство, потому что въ новыхъ странахъ пчела является настоящимъ сахарозаводчикомъ и освѣтителемъ.

Часть участка, засаженная деревьями, дастъ средства для изученія лѣсоводства. Здѣсь работаютъ по преимуществу тѣ молодые люди, которые имѣютъ въ виду поселиться въ Канадѣ и въ Австраліи.

Скотоводство составляетъ предметъ особаго вниманія, такъ какъ очень часто оно является первымъ шагомъ, съ котораго колонистъ начинаетъ свою карьеру.

Для этого при школѣ находится 70 лошадей и жеребятъ самыхъ лучшихъ породъ, наиболѣе пригодныхъ для работъ въ колоніяхъ. Точно также имѣются представители разныхъ породъ быковъ, овецъ, свиней и домашней птицы. Для

основательнаго изученія достоинствъ и характера животныхъ, ученики «помогаютъ пастухамъ и въ теченіе всего года ставятся въ самое близкое соприкосновеніе со всѣми подробностями, касающимися этого важнаго отдѣла». Кромѣ того, такъ какъ колонистъ долженъ умѣть лечить животныхъ, то изученіе и ежедневный уходъ за ними совершаются подъ наблюденіемъ ветеринара.

Молочная ферма содержитъ 50 коровъ, выбранныхъ съ большимъ умѣньемъ. Она снабжена новѣйшими усовершенствованіями и здѣсь обучаютъ молочному хозяйству, имѣя въ виду холодный и жаркій климатъ.

Такъ какъ во многихъ новыхъ земляхъ лошадь является главнымъ, если не единственнымъ, способомъ передвиженія и во всякомъ случаѣ она необходима при разъѣздахъ и наблюденіи за работами, то ученики ежедневно берутъ уроки верховой ѣзды.

Затѣмъ каждый день они упражняются въ работахъ по межеванію, нивелированію, осушкѣ и орошенію.

Не ограничиваясь такою солидною подготовкою и желая сдѣлать изъ своихъ учениковъ такихъ колонистовъ, которые не зависѣли бы буквально ни отъ какихъ обстоятельствъ, школа во второй части своей программы перечисляетъ работы въ цѣлой серіи находящихся при ней спеціальныхъ мастерскихъ: въ кузницѣ, гдѣ обучаютъ дѣланію простыхъ орудій, починкамъ, изготовленію заклепокъ, ковкѣ лошадей и т. д. Въ

плотничной и каретной, гдѣ обучаютъ обработкѣ дерева, изготовленію колесъ, починкѣ экипажей, постройкѣ зданій и т. п. Въ шорной, гдѣ исполняютъ работы по этой спеціальности.

Затѣмъ въ той новой жизни, которая предстоитъ будущимъ колонистамъ, нужны еще и другія знанія и способности. Нужно умѣть плавать, грести, управлять судномъ, построить лодку, плавучій мостъ, навести паромъ и т. д. Для этого при школѣ имѣется своя флотилія судовъ, и экипажъ завѣдывающаго ею берегового крейсера обучаетъ воспитанниковъ всѣмъ этимъ упражненіямъ. «Кромѣ того», говоритъ програма, «объясняется, какъ можно связать два конца веревки, не дѣлая узла».

Мнѣ очень нравится эта точность въ мелочахъ, отличающая людей опытныхъ, любящихъ углубляться въ каждую вещь и знающихъ, что на свѣтѣ нѣтъ ничего безполезнаго.

Наконецъ, чтобы избѣжать въ будущемъ зависимости даже отъ докторовъ, «воспитанники обучаются по правиламъ Амбулаторіи Общества С.-Жанъ подачѣ помощи утонувшему, наложенію разнаго рода повязокъ, задержанію кровотеченій, уходу за ранами и ожогами и др. пріемамъ при обыкновенныхъ несчастныхъ случаяхъ»...

Какъ уже было сказано выше, всѣ эти знанія преподаются на практикѣ. Что же касается классныхъ занятій въ прямомъ значеніи этого слова, то «обученіе въ школѣ заключается только въ объясненіи всего узнаннаго на опытѣ внѣ клас-

совъ». Два часа въ день посвящены теоретическимъ занятіямъ по геологіи, минералогіи, ботаникѣ, лѣсоводству, строительному искусству, ветеринарнымъ наукамъ и т. д.

Лекціи читаются директоромъ и учителями школы. Въ число лекцій входитъ также и чтеніе писемъ, присылаемыхъ колоніальными властями и касающихся предметовъ, могущихъ интересовать будущихъ колонистовъ.

Наконецъ програма снабжена 25-ю фотографическими снимками зданій школы, показывающими производящіяся учениками работы въ моментъ ихъ выполненія. Я сожалѣю, что не могу воспроизвести ихъ здѣсь, потому что всѣ эти молодые люди, захваченные фотографіею врасплохъ, даютъ ясное представленіе о народѣ дѣятельномъ, практичномъ, привыкшемъ къ усиленному труду и не боящемся его, — народѣ серьезно выполняющемъ серьезное дѣло, въ которомъ послѣ Бога онъ можетъ разсчитывать только на самого себя.

Но что въ высшей степени любопытно и характерно въ примѣрѣ этихъ молодыхъ людей, такъ это то, что всѣ они не какіе-нибудь бѣдняки, гонимые изъ своей родины хлыстомъ нищеты: нѣтъ, вся эта молодежь принадлежитъ къ богатымъ, или по крайней мѣрѣ зажиточнымъ семьямъ. Сама програма говоритъ объ этомъ, а кромѣ того это подтверждается и учебною платою, размѣры которой слѣдующіе: до 17-лѣтняго

возраста 900 р. въ годъ, до 20 лѣтъ — 1.100 р., а свыше этого возраста—1.260 р.

Принадлежа къ такому зажиточному классу, всѣ эти молодые люди вполнѣ могли бы мечтать объ устройствѣ у себя на родинѣ мирнаго и спокойнаго мѣщанскаго счастьица, — вмѣсто этого они упорнымъ трудомъ готовятся къ тому, чтобы, вооружившись съ головы до ногъ знаніями, смѣло вступить въ единоборство со всѣми трудностями, ожидающими ихъ въ новыхъ странахъ.

Я только что сказалъ, что эти молодые люди могутъ разсчитывать исключительно на самихъ себя и сейчасъ же нахожу этому доказательство въ видѣ документа, приложеннаго къ програмѣ. Этимъ документомъ являются рѣчи, произнесенныя при послѣдней раздачѣ наградъ почтенными лицами, покровительствующими школѣ, появившейся на свѣтъ, такъ же какъ и большинство англійскихъ учрежденій, исключительно благодаря частной иниціативѣ.

Большая часть этихъ лицъ сами вели, или еще и до сихъ поръ продолжаютъ вести жизнь колонистовъ, и нужно послушать, какъ говорятъ эти лица ученикамъ объ ожидающихъ ихъ трудностяхъ и о томъ, какъ они должны одолѣть ихъ своими собственными силами. Рисуемая ими перспектива ничуть не обезкураживаетъ молодежь, ибо предвидѣніе опасности, отнимая бодрость духа у слабаго,—у сильнаго, наоборотъ, только разжигаетъ энергію.

Вотъ что говоритъ, напримѣръ, въ своей рѣчи лордъ Потсфордъ:

«Нужно, чтобы вы были строги прежде всего по отношенію къ самимъ себѣ. Вамъ предстоитъ борьба со всякими невзгодами. Ваши посѣвы могутъ быть уничтожены; вашъ скотъ можетъ погибнуть, но не позволяйте себѣ падать духомъ въ несчастьи. Собирайтесь съ силами, мужественно вступайте снова въ борьбу и возстановляйте ваши потери».

Вотъ она истинная борьба за существованіе, не звучитъ ли въ этихъ словахъ побѣдный маршъ народа, идущаго на завоеваніе міра, но на завоеваніе не на прусскій образецъ.

Другой ораторъ сэръ Грахамъ Берри, главный агентъ Викторіи, выражается такимъ образомъ:

«Во всѣхъ частяхъ свѣта вы можете найти земли подъ британскимъ флагомъ. Вы можете идти отъ холодныхъ странъ Канады до самыхъ жаркихъ странъ Африки или до Австраліи и вездѣ вы встрѣтите флагъ, вотъ уже тысячу лѣтъ не боящійся, ни непріятельскихъ флотовъ, ни стихійныхъ бурь. Теперь пробилъ вашъ часъ; подумайте о томъ направленіи, куда вы пойдете и о тѣхъ занятіяхъ, которыя вы предпримете и пусть вашъ путь будетъ ясно обозначенъ передъ вами. Отбросьте навсегда всѣ сомнѣнія, будьте смѣлы, рѣшительны и настойчивы. Я не допускаю мысли, чтобы молодой интелигентный Англичанинъ могъ испытывать нужду, когда передъ нимъ открыто столько колоній, гдѣ онъ можетъ преуспѣвать

Я уже не очень молодъ; сорокъ лѣтъ назадъ я оставилъ родину безъ всѣхъ тѣхъ преимуществъ, которыми располагаете вы. Никому неизвѣстный, съ ничтожнымъ капиталомъ, безъ техническихъ знаній, я отправился въ страну, гдѣ не имѣлъ ни единаго друга, и однако же я достигъ мѣста перваго министра этой колоніи и три раза предсѣдательствовалъ въ законодательномъ собраніи».

Теперь, если послѣ всего сказаннаго, мы вдумаемся и представимъ себѣ не небольшую группу учениковъ одной школы, а цѣлую расу, воспитанную въ режимѣ страстнаго увлеченія борьбою за существованіе,—расу могущественно сформированную и неудержимо стремящуюся за предѣлы родины,—намъ до физической боли станетъ ясно, передъ кѣмъ открывается огромная будущность и кому долженъ принадлежать весь міръ. И если мы не хотимъ, чтобы въ одинъ прекрасный день наши дѣти были растерты и сметены съ лица земли, какъ Краснокожіе Америки—мы возможно скорѣе должны рѣшить вопросъ, какой режимъ нуженъ для нашихъ школъ—прусскій или англо-саксонскій?

Въ самомъ дѣлѣ, вообразите себѣ несчастнаго юношу, воспитаннаго въ нѣмецкой школѣ, въ основѣ обученія котораго лежала географія Пруссіи и исторія Пруссіи или вѣрнѣе ея самодержца, юношу не имѣющаго никакого представленія о внѣшнемъ мірѣ, никакой идеи и никакого опыта независимой жизни, представьте себѣ это безпомощное созданіе внезапно встрѣтившимся ли-

цомъ къ лицу на какой-нибудь точкѣ земного шара съ дѣтиной, выкованнымъ въ только-что описанной школѣ и вы ни одной минуты не усомнитесь въ томъ, кто изъ нихъ долженъ быть побѣдителемъ.

Я поставилъ лицомъ къ лицу двѣ програмы: одну исходящую отъ могущественнѣйшаго монарха Европы, другую отъ нѣсколькихъ частныхъ лицъ — и думаю, что вѣроятно великій монархъ не понялъ того, что для самодержца, желающаго возбудить инпціативу и энергію его подданныхъ, самое лучшее средство — это устранить себя отъ всякаго личнаго воздѣйствія. Частная инпціатива начинается тамъ, гдѣ кончается вмѣшательство власти.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Англійская школа.

I.

Хотя англійское воспитаніе вообще лучше нашего, тѣмъ не менѣе, значительно дальше уйдя впередъ по пути новой жизни и поэтому сильнѣе чувствуя запросы ея, Англичане больше, чѣмъ мы, заняты реформою своей школы.

Однажды въ Эдинбургѣ, когда я разговаривалъ съ профессоромъ Лендскаго университета относительно образованія въ Англіи,—мой собесѣдникъ сказалъ мнѣ: «Завтра на Summer Meeting[1]) ожидаютъ одного человѣка, который можетъ васъ заинтересовать. Это докторъ Сэсиль Редди, основатель и директоръ школы, устроенной въ центрѣ Англіи».

На другой день я испыталъ чувство большого удивленія, когда мы были представлены другъ другу.

---

[1]) О Summer Meeting, см. 2 часть.

У себя на родинѣ мы привыкли къ особому классическому типу директора школы: прямая фигура, длинный черный сюртукъ, медленная походка, торжественный видъ, разговоръ полонъ нравственныхъ сентенцій, способныхъ просвѣтить умъ и сердце самаго испорченнаго юноши и необычайное достоинство,—вотъ обычный типъ нашего директора.

Но человѣкъ, который крѣпко пожалъ мнѣ руку, имѣлъ совершенно иной видъ. Пробовали ли вы когда нибудь представить себѣ переселенца далекой Америки? Что касается меня, то я воображаю его себѣ не иначе, какъ докторомъ Редди. Высокій, тонкій, съ крѣпкими мускулами, онъ замѣчательно хорошо сложенъ для всякаго рода спорта, требующаго подвижности, гибкости и энергіи. Костюмъ дополняетъ физіономію; сѣрая суконная куртка съ поясомъ, обрисовывающимъ талію, короткіе брюки, толстые суконные чулки подвязанные ниже колѣна, пара солидныхъ башмаковъ и наконецъ на головѣ небольшой беретъ. Я привожу эти подробности потому, что типъ директора кажется мнѣ живымъ изображеніемъ типа школы, которую я имѣю въ виду описать.

На другой день въ субботу,—день, когда чтенія на Summer Meeting оканчиваются, докторъ Редди и я вскарабкались на огромный англійскій омнибусъ, увозившій членовъ митинга на экскурсію. Въ теченіе всего переѣзда и большую часть дня г. Редди излагалъ мнѣ идею и планъ своей школы.

«Нынѣшнее образованіе, говорилъ онъ, не отвѣчаетъ условіямъ современной жизни. Оно подготовляетъ людей для прошлаго, а не для настоящаго. Большая часть нашей молодежи тратитъ бездну времени на изученіе мертвыхъ языковъ, пользоваться которыми въ жизни приходится въ весьма рѣдкихъ случаяхъ. Новыхъ же языковъ и естественныхъ наукъ они едва касаются и потому выходятъ невѣждами относительно дѣйствительной жизни и истиннаго значенія вещей. Наша система игръ такъ же нуждается въ реформахъ, какъ и система труда. У насъ такой же излишекъ атлетики, какъ и классицизма. Но что дѣлаетъ реформу трудною, такъ это то, что школы подвержены вліянію университетовъ, для которыхъ онѣ готовятъ небольшое число учениковъ. Эти университеты, какъ всѣ устарѣлыя учрежденія, не являются господами своей собственной воли. Какой-то невидимый и неосязаемый призракъ паритъ надъ ректорами и профессорами ихъ—это духъ преданій и привычки, который гораздо сильнѣе самой власти».

Прекрасно, но какимъ образомъ ваша школа можетъ измѣнить эту систему?

«Наша цѣль—достигнуть полнаго и гармоничнаго развитія у человѣка всѣхъ его способностей. Ребенокъ долженъ сдѣлаться такимъ человѣкомъ, чтобы онъ былъ въ состояніи выполнить всѣ цѣли жизни. Для этого школа не должна быть такою средою, гдѣ соприкосновеніе съ жизнью совершается только съ помощью книгъ.

Она должна быть маленькимъ міркомъ, въ которомъ ребенокъ долженъ стоять возможно ближе къ природѣ вещей. Не слѣдуетъ учить только теоріи явленій, но и практикѣ ихъ. Эти два элемента должны такъ же незамѣтно соединяться вмѣстѣ въ школѣ, какъ это происходитъ вокругъ насъ. Это необходимо для того, чтобы молодой человѣкъ вступалъ въ жизнь не какъ въ совершенно новый міръ, къ которому онъ не былъ подготовленъ и въ которомъ онъ чувствовалъ бы себя заблудившимся.

«Человѣкъ представляетъ собою не одно только духовное существо, но умъ и душу, соединенные съ тѣломъ, а поэтому необходимо также разрабатывать его энергію, волю, физическую ловкость, силу и выносливость»...

Наша экскурсія должна была окончиться въ этотъ день посѣщеніемъ старинной церкви въ Дэнфермлинѣ, послѣ чего мы имѣли въ виду отправиться на чай къ крупному сосѣднему помѣщику г. Генри Бевериджу. Г. Бевериджъ пригласилъ меня остаться до утра понедѣльника. Я спросилъ его—слышалъ ли онъ что-нибудь о школѣ г. Редди, онъ отвѣтилъ, что былъ тамъ и что его старшій тринадцатилѣтній сынъ поступаетъ туда черезъ мѣсяцъ. Не довольствуясь собственнымъ посѣщеніемъ, онъ написалъ еще нѣсколькимъ отцамъ семействъ, спрашивая, довольны ли они были тѣмъ обученіемъ, которое давалось ихъ сыновьямъ?

Ихъ отвѣты и мнѣніе г. Бевериджа побудили меня заняться этою школою и вотъ результаты моихъ изслѣдованій.

II.

Школа, основанная г. Редди, была открыта въ октябрѣ 1889 г. въ Абботсхолмѣ—въ Дербайширѣ. Она расположена въ имѣніи вдали отъ центровъ городской жизни, что въ настоящее время считается однимъ изъ благопріятнѣйшихъ условій.

Несмотря на недавнее основаніе, это учебное заведеніе вызвало уже появленіе на свѣтъ другой школы, устроенной по такому же типу однимъ изъ учителей Абботсхолма, г. Бадлей, подготовленнымъ къ этому г. Редди. Послѣдняя находится на югѣ Англіи въ Суссексѣ въ Бедалесѣ.

Сейчасъ у меня передъ глазами лежитъ книжка Review of Reviews, гдѣ подъ заголовкомъ «Два опыта—Абботсхолмъ и Бедалесъ» дается краткое иллюстрированное описаніе этихъ двухъ школъ; затѣмъ я самъ недавно имѣлъ возможность посѣтить Бедалесъ и тамъ во всѣхъ подробностяхъ изучить постановку дѣла.

Обѣ школы своимъ внѣшнимъ видомъ совершенно не походятъ на наши сухія и угрюмыя училищныя зданія. Это обыкновенные англійскіе коттеджи. Они напоминаютъ собою родительскій домъ съ его естественною жизнью, а не казарму и не тюрьму съ ихъ искусственными условіями существованія.

Открытый видъ, чистый воздухъ, обиліе свѣта и зелень замѣняютъ собою тѣсные дворы нашихъ школъ, закрытые со всѣхъ сторонъ высокими зданіями, и производятъ впечатлѣніе весьма симпатичное.

Это впечатлѣніе усиливается по мѣрѣ того, какъ вы проникаете во внутрь. Вотъ, напримѣръ, школьная столовая въ Бедалесѣ—это совершенно столовая хорошаго дома; она веселая и элегантная. Столъ покрытъ скатертью, мебель подобрана со вкусомъ и содержится прекрасно; рояль, картины, статуи, мягкія кресла указываютъ на заботливость о красотѣ и удобствахъ. Сравните это съ нашими безобразными школьными трапезными и уже этотъ наружный видъ дастъ вамъ идею о совершенно особой системѣ воспитанія, которой должны здѣсь слѣдовать.

Впечатлѣніе будетъ еще полнѣе, если я добавлю, что учителя и директоръ школы съ его женою и дочерьми обѣдаютъ вмѣстѣ съ учениками. Получается совершенно семейная обстановка. Ребенокъ не вырывается насильно изъ дѣйствительной жизни, онъ не переносится въ особый и совершенно искусственный міръ —онъ просто переходитъ изъ одного дома въ другой такой же. Программа такъ и говоритъ, что школа представляетъ собою не одно только мѣсто, гдѣ дается образованіе, а и домашній очагъ.

Такова рамка школы,—посмотримъ теперь, какова же сама картина.

Для лучшаго обозрѣнія ея, я полагаю наиболѣе удобнымъ привести сначала расписаніе занятій каждаго дня:

6 ч. 15 м. (зимою 7 ч.). Вставаніе и легкій завтракъ.
6 » 30 » Упражненіе въ гимнастикѣ.
6 » 45 » Первый классъ.
7 » 30 » Молитва въ училищной церкви.
7 » 45 » Завтракъ и затѣмъ уборка комнатъ. Каждый ученикъ долженъ убирать свою кровать самъ.
8 » 30 » Второй классъ.
10 » 45 » Легкій завтракъ и въ хорошую погоду упражненіе легкихъ на свѣжемъ воздухѣ, при чемъ ученики раздѣваются до пояса.
11 » 15 » Третій классъ.
12 » 45 » Пѣніе или плаваніе въ рѣкѣ, смотря по сезону.
1 » — » Обѣдъ.
1 » 30 » Упражненіе на органѣ или піанино.
1 » 45 » Игры и работы въ саду или въ огородѣ, или экскурсіи пѣшкомъ или на велосипедѣ.
4 » — » Работы въ мастерскихъ.
6 » — » Чай.
6 » 30 » Пѣніе, музыка, декламація и т. п.
8 » 30 » Ужинъ и молитва.
9 » — » Отходъ ко сну.

Первое впечатлѣніе расписанія — это разнообразіе упражненій въ теченіе дня, вызываемое

заботою избѣжать переутомленія и въ то же время привлечь на работу всѣ природныя силы человѣка.

Въ общемъ время распредѣляется:

на умственный трудъ	5 ч.
» физическія упражненія и ручной трудъ	4½ ч.
» занятія артистическія и свѣтскіе разговоры	2½ ч.
» сонъ	9 ч.
» обѣдъ и свободное время . . .	3 ч.
Итого	24 ч.

Такимъ образомъ каждый день [1]) раздѣленъ на три части—утро посвящается умственному труду въ классѣ; послѣобѣденное время физическому труду въ полѣ или въ мастерскихъ; вечеръ—искусству и усвоенію свѣтскихъ пріемовъ.

Попробуемъ теперь на основаніи этого тройного подраздѣленія дать себѣ отчетъ въ работѣ школы и въ результатахъ ея трудовъ.

Главными правилами, соблюдаемыми при школьныхъ занятіяхъ, являются слѣдующія: ставить учениковъ въ такое положеніе по отношенію къ вещамъ и словамъ ихъ обозначающимъ, чтобы переходъ отъ наблюденія и опыта къ отвлеченнымъ разсужденіямъ совершался естественно и непрерывно. Воспитывать молодыхъ людей въ стремленіи извлекать изъ всякаго знанія пользу

[1]) Въ воскресенье занятій нѣтъ и каждый ученикъ располагаетъ временемъ по своему усмотрѣнію.

и пріобрѣтать знанія для самихъ себя, а не ради наградъ и похвальныхъ листовъ. «Не слѣдуетъ, говоритъ програма, пріучать дѣтей къ мысли, что награды и похвальные листы являются цѣлью и вѣнцомъ образованія. Ученики должны знать, что жизнь не лотерея и люди работаютъ не для удовлетворенія тщеславія».

По весьма распространенному въ Англіи и въ Соединенныхъ Штатахъ мнѣнію побужденіе учениковъ къ труду посредствомъ соревнованія весьма вредно, ибо при этомъ успѣхъ основывается не на чувствѣ долга, а на взаимной завистн, что способствуетъ развитію дурныхъ наклонностей человѣческой природы. Чтобы преобразовать ребенка въ человѣка, нужно обращаться съ нимъ, какъ съ взрослымъ, дѣйствуя возможно чаще на его совѣсть.

Изученію языковъ, въ особенности новыхъ, въ школѣ отводится большое мѣсто и способъ преподаванія ихъ существенно разнится отъ общепринятаго. Здѣсь принятъ тотъ естественный методъ, съ помощью котораго мы изучаемъ нашъ родной языкъ, т. е. воспитанники выучиваются сначала говорить, съ грамматикою же знакомятся по мѣрѣ дѣйствительной необходимости.

Въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ, т.-е. для дѣтей 10 и 11-лѣтняго возраста преподаваніе ведется на англійскомъ языкѣ. Въ теченіе слѣдующихъ двухъ лѣтъ говорятъ, какъ можно больше, по-французски; затѣмъ слѣдующіе два года по-нѣмецки. Латынь изучаютъ только желающіе.

Для того, чтобы дѣти не забывали языковъ, выученныхъ въ предшествующіе годы, они продолжаютъ говорить на нихъ по нѣсколько часовъ ежедневно.

Изученіе математики носитъ такой же практическій характеръ. Объяснивъ ученикамъ математическія правила, имъ сейчасъ же даютъ такія работы, гдѣ требуется приложеніе только что объясненнаго уже на дѣлѣ. Вмѣсто отвлеченныхъ примѣровъ изъ задачниковъ, имъ поручаютъ задачи по межеванію, поручаютъ вести отчетъ по содержанію фермы, сада, мастерской, химической лабораторіи, столовой, отопленію. Все это они должны выполнять не какъ примѣрную работу, а какъ дѣйствительную. При такомъ способѣ изученія каждый ученикъ видитъ практическую пользу науки. Ребенокъ незамѣтно вырабатывается въ хозяина, способнаго вести домъ и разсчитывать комерческія и промышленныя предпріятія.

Отправною точкою изученія естественныхъ наукъ является прямое наблюденіе. Это облегчается тѣмъ, что школа находится въ деревнѣ и дѣти очень легко могутъ собирать образцы изъ царства минералогіи, растительнаго и животнаго. Здѣсь точно такъ же, какъ и въ отношеніи языковъ, обученіе ведется естественнымъ способомъ: жизнь, привычки и наружныя части животнаго изучаются прежде внутреннихъ органовъ и скелета; формы и строеніе растеній прежде классификаціи ихъ; названіе и видъ свѣтилъ и планетъ прежде законовъ движенія ихъ.

Экскурсіи, о которыхъ упоминалось въ расписаніи, представляютъ собою великолѣпное средство для такихъ разнообразныхъ наблюденій. Наука такимъ образомъ дѣлается простою и привлекательною, она легче проникаетъ въ сознаніе и глубже запечатлѣвается въ немъ; она оставляетъ послѣ себя не отвращеніе, какъ это часто случается съ нашими методами, а желаніе продолжать ее даже по выходѣ изъ школы, потому что послѣдняя умѣло пробудила интересъ къ знаніямъ.

При изученіи исторіи обращаютъ вниманіе не на засореніе головы фактами и цифрами хронологіи, а на выясненіе причинъ и слѣдствій историческихъ событій. Стараются выяснить связь между физическими и политическими условіями страны и торговымъ развитіемъ ея. Начавъ съ исторіи Англіи, переходятъ затѣмъ къ характернымъ періодамъ жизни другихъ народовъ и государствъ. Изъ исторіи Греціи показываютъ, напримѣръ, происхожденіе нѣкоторой части современныхъ обществъ. По исторіи Рима изучаютъ государство съ огромною властью народа, сильно способствовавшею распространенію расы за предѣлы государства.

До пятнадцатилѣтняго возраста всѣ ученики получаютъ одно и то же образованіе, а затѣмъ каждый можетъ предпочесть тотъ или другой предметъ въ зависимости отъ того, желаетъ ли онъ идти въ университетъ или на государственную службу, или заняться земледѣліемъ, промышленностью, торговлею, или сдѣлаться колонистомъ.

Эта гибкость програмы, это отсутствіе законченѣлыхъ рамокъ, въ которыя должны войти ученики, является настолько знаменательнымъ, что его нельзя обойти молчаніемъ. Видно сразу, что здѣсь образованіе для дѣтей, а не наоборотъ.

III.

Науки, о которыхъ мы только что говорили, составляютъ предметъ трехъ утреннихъ классовъ. Послѣобѣденное время посвящено почти исключительно ручному труду и физическимъ упражненіямъ, т.-е. воспитанію тѣла послѣ воспитанія духа.

«Наша цѣль, говоритъ програма, заключается въ томъ, чтобы развить въ ученикѣ физическую сторону, знаніе и интересъ къ занятіямъ промышленнымъ, энергію въ предпріятіяхъ и точную оцѣнку исполненнаго труда, независимо отъ того, будетъ ли ученикъ впослѣдствіи выполнять этотъ трудъ самъ, или же только руководить имъ. Въ жизни очень много неудачъ происходитъ отъ физической слабости. Въ виду этого дѣти каждый день должны продѣлывать физическія упражненія и исполнять ручной трудъ. Это необходимо, чтобы поднять энергію и ослабить чувствительность, происходящую отъ умственнаго переутомленія и сидячей жизни».

И здѣсь главная забота заключается въ томъ, чтобы трудъ былъ наиболѣе полезнымъ и школьная практика возможно ближе подходила къ тому,

что нужно въ дѣйствительной жизни. Такъ, подобно Робинзону Крузое, ученики однимъ своимъ трудомъ создали почти все школьное хозяйство.

Во время основанія школы садъ былъ полонъ дурныхъ травъ, ферма засыпана щебнемъ и мусоромъ, все это было выполото и убрано дѣтскими руками, затѣмъ ими проложены были дороги, устроена цѣлая система осушки, выкрашены всѣ зданія и т. д.

Въ мастерской, гдѣ обучаются столярному и плотничному ремеслу, ученики изготовили большое количество разныхъ вещей. Изъ числа этихъ вещей я замѣтилъ столъ, шкапъ, домикъ для утокъ, голубятню, деревянный сарай, двѣ лодки, третья была еще въ работѣ.

Любопытно, что всѣ работы исполняются учениками всегда по собственному побужденію. Такъ, во время болѣзни одного изъ служащихъ на фермѣ, ученики въ теченіе трехъ дней охотно исполняли его работу и ухаживали за животными. Когда у нихъ явилось желаніе имѣть лошадь, они отправились на ярмарку и купили ее. Трое старшихъ научили остальныхъ ѣздить верхомъ и управлять экипажемъ.

Въ то время, когда я пишу эти строки, я получилъ письмо г. Бевериджа, только что отвезшаго въ школу своего сына.

«Въ моментъ моего прибытія нѣсколько дѣтей раскрашивали крикетъ, изготовленный ими въ прошломъ году.

«Теперь идетъ вопросъ о постройкѣ моста черезъ рѣку шириною 30—40 метровъ. Быки будутъ каменные; постройка будетъ выполнена учениками.

«Въ небольшой, густо заросшей деревьями лощинѣ, круто спускающейся къ рѣкѣ отъ возвышенія, на которомъ расположена школа, протекаетъ ручей. Ученики построили здѣсь цѣлую систему небольшихъ прудковъ или резервуаровъ и связали ихъ гирляндами дорожекъ. Всѣ работы были выполнены дѣтьми, кромѣ тѣхъ рѣдкихъ случаевъ, гдѣ совѣтъ каменщика признавался безусловно необходимымъ.

«Выработанъ также проектъ увеличенія школьныхъ зданій на сто учениковъ,—предѣльное число, при которомъ, по мнѣнію г. Редди, можно еще съ успѣхомъ руководить школою. Въ видѣ предварительной работы ученикамъ поручено произвести съемку и составить точный планъ зданій и. т. д.»...

Насколько всѣ эти занятія и ручной трудъ оказываются полезными для физическаго развитія дѣтей, объ этомъ можно судить, основываясь на весьма точныхъ наблюденіяхъ, произведенныхъ школою.

«Мы установили, говоритъ г. Редди, сравнительное измѣреніе каждаго мальчика въ теченіе времени, проведеннаго имъ въ школѣ и на вакаціяхъ. Если-бы физическое развитіе за время пребыванія въ школѣ было меньшее, то ясно, что нашъ режимъ былъ бы вреденъ. Правда, нашъ

балансъ не давалъ намъ указанія на степень подвижности и гибкости, пріобрѣтенныхъ нашими молодыми людьми, но было весьма интересно отмѣтить, что эти качества были пріобрѣтены не за счетъ вѣса».

Въ составленныхъ по этому случаю таблицахъ, первой для сравнительнаго вѣса и второй для сравнительнаго роста, ясно видно, что во время школьнаго періода физическое развитіе учениковъ было больше, чѣмъ во время пребыванія ихъ дома.

«Не придавая чрезмѣрнаго значенія этимъ цифрамъ, продолжаетъ Редди, все же нужно признать, что со своею системою питанія, одежды и жизни, наша школа представляетъ собою фабрику людей здоровыхъ и сильныхъ. У насъ было мало случаевъ нездоровья; даже головныя боли и насморкъ случались рѣдко. Режимъ, которому мы слѣдуемъ, научаетъ молодыхъ людей тому, что человѣкъ долженъ имѣть хорошее здоровье и что болѣзнь является слѣдствіемъ ошибки, невѣжества, переутомленія, дурного пониманія труда, или порока. Мы придаемъ большую важность тому, чтобы уяснить ученикамъ необходимость гигіены и чистоплотности». И дѣйствительно, ученическій туалетъ, въ смыслѣ освѣженія всего тѣла, совершается здѣсь весьма тщательно. Я отмѣчаю послѣднее, какъ предметъ для сравненія съ нашими школами, гдѣ вода расходуется такъ скупо, какъ будто она составляетъ предметъ необычайной роскоши. Въ отношеніи воз-

духа мы такъ же экономны, какъ и въ отношеніи воды, въ Абботсхолмѣ же и Бедалесѣ дѣти спятъ при открытыхъ окнахъ даже зимою.

IV.

Послѣ классныхъ занятій, заполняющихъ собою утро, и послѣ ручного труда и физическихъ упражненій, наполняющихъ послѣобѣденное время, мы подошли къ шести часамъ—времени чая. До того, какъ ложиться спать, остается еще три часа,—какъ же пользуются ими?

По опредѣленію Дебоналя человѣкъ есть духовное существо, обслуживаемое органами, и мы только что видѣли, что для развитія перваго посвящено утро, а для развитія вторыхъ середина дня. Но кромѣ того человѣкъ есть еще существо не только общественное, но и общительное, а поэтому, чтобы сдѣлать изъ ребенка хорошо воспитаннаго свѣтскаго человѣка, надо обратить вниманіе и на эту сторону.

«Наша цѣль, говоритъ Редди, заключается въ томъ, чтобы пріучить молодыхъ людей не быть ни угловатыми, ни застѣнчивыми и умѣть держать себя въ обществѣ старшихъ. Поэтому каждый вечеръ они сходятся въ залъ, гдѣ встрѣчаются со школьными дамами и посѣщающими насъ посторонними лицами. Залъ, въ которомъ устраиваются такіе вечера, уставленъ хорошею мебелью, украшенъ картинами и статуями и представляетъ собою настоящій семейный салонъ.

Но здѣсь не довольствуются одними только разговорами; время посящается музыкѣ, пѣнію, декламаціи.

Музыка, по словамъ програмы, является главнымъ занятіемъ. «Каждую недѣлю у насъ устраиваются музыкальные вечера и каждый вечеръ исполняются пьесы на роялѣ. Это имѣетъ огромное вліяніе на дѣтей. Ученики имѣютъ столько же скрипокъ, сколько и фотографическихъ апаратовъ».

Одинъ вечеръ въ недѣлю посвящается чтенію Шекспира.

Для драматическихъ представленій воспитанники сами выстроили театръ. Наконецъ, у нихъ есть свой собственный иллюстрированный журналъ.

Трудовой день, начавшійся молитвою въ домовой церкви, заканчивается тамъ же. Такъ какъ школа не принадлежитъ ни къ какой протестантской сектѣ, то въ церкви ограничиваются чтеніемъ изъ Библіи, пѣніемъ псалмовъ и краткими поученіями религіозно-нравственнаго характера. Въ воскресные же дни ученики, располагая свободнымъ временемъ, могутъ присутствовать на богослуженіи въ церквахъ сосѣднихъ приходовъ.

Относительно религіи программа говоритъ такъ: «Мы не представляемъ дѣтямъ религію, какъ часть жизни, но какъ одно цѣлое и гармоничное, которое должно проникать человѣка насквозь, несмотря на разнообразіе религіозныхъ ученій. Въ теченіе четверти часа утромъ и ве-

черомъ ученики собираются для того, чтобы при помощи внѣшнихъ знаковъ выразить свою вѣру и надежду».

V.

Однажды, когда я разговаривалъ объ этой новой школѣ съ однимъ изъ моихъ друзей, онъ замѣтилъ мнѣ: «Несомнѣнно опытъ весьма интересный, но мнѣ кажется, что школа имѣетъ одинъ крупный недостатокъ—это то, что она представляетъ собою тотъ же закрытый пансіонъ».

Для того, чтобы выяснить это крупное недоразумѣніе, напомнимъ то, что говорилось въ началѣ этой книги, именно, что каждый народъ создаетъ для себя такой школьный режимъ, какой наиболѣе соотвѣтствуетъ его общественному состоянію, т. е. нравамъ и обычаямъ.

Въ этомъ отношеніи соціальная наука подраздѣляетъ всѣ народы на три типа:

1. Типъ общинно-семейной формаціи, характеризующійся группировкою нѣсколькихъ семействъ у одного домашняго очага. Къ этому типу принадлежатъ отсталые народы Азіи и Восточной Европы. Тамъ при устройствѣ своего положенія дѣти разсчитываютъ не на самихъ себя, а на семейную общину, которая удерживаетъ ихъ въ своей средѣ и заботится обо всѣхъ ихъ нуждахъ. При такихъ условіяхъ потребность въ личномъ образованіи чувствуется весьма слабо и ей въ

достаточной степени удовлетворяютъ тѣ знанія, которыя ребенокъ получаетъ у старшихъ членовъ семьи. И дѣйствительно народы общинно-семейной формаціи не отличаются богатствомъ школъ и ихъ образованіе является въ самомъ полномъ смыслѣ слова домашнимъ.

2. Типъ общинно-государственнаго строя (уклада, формаціи), характеризующійся тѣмъ, что здѣсь мѣсто распавшейся общины-семьи заняла община-государство. Къ этому типу принадлежитъ большая часть народовъ Западной Европы, въ частности Франція и Германія. Здѣсь молодежь при устройствѣ своего положенія разсчитываетъ на Государство, т. е. на тѣ мѣста, которыми располагаетъ послѣднее въ администраціи и въ арміи. Для полученія этихъ мѣстъ необходимо выдержать экзамены, которые, дѣлаясь все труднѣе и труднѣе, вызвали появленіе на свѣтъ особой образовательной системы, извѣстной подъ именемъ «накаливанія», и способствовали развитію особаго типа школы—огромныхъ закрытыхъ пансіоновъ на 500—1000 человѣкъ, гдѣ молодые люди, кромѣ искусственной, напоминающей собою тюремную, жизни, подвергаются особой тренировкѣ. При этомъ вниманіе и помыслы учениковъ и учителей устремлены на одинъ только моментъ—экзамены. Заботы обо всей остальной жизни возлагаются на Государство.

3. Типъ индивидуальной формаціи—высшій типъ, гдѣ каждая отдѣльная личность освободилась уже отъ власти семейной общины и отъ

зависимости отъ общиннаго Государства. Чистѣйшимъ образцомъ такого типа являются расы — скандинавская и англо-саксонская. Здѣсь каждый человѣкъ при устройствѣ своей жизни разсчитываетъ не на семейную общину, давно развалившуюся, ни на общину государственную, располагающую, благодаря слабой централизаціи, небольшимъ количествомъ мѣстъ, а на самого себя, на свою инициативу, знанія, энергію и предпріимчивость.

Для того же, чтобы развить всѣ эти способности, для того, чтобы образовать человѣка дѣйствительно опытнаго, могущаго сейчасъ же по выходѣ изъ школы стать на самостоятельную работу, необходимо, чтобы весь школьный режимъ какъ можно болѣе подходилъ къ условіямъ нормальной жизни.

Такимъ запросамъ можетъ отвѣчать только такая школа, которая при богатствѣ образовательныхъ средствъ и наличіи опытныхъ руководителей напоминала бы собою не казарму, а большую, живущую образцовою жизнью, семью.

Между такою школою и французскими закрытыми пансіонами лежитъ цѣлая пропасть, образуемая разными степенями общественнаго состоянія двухъ расъ.

ГЛАВА IV.

Какъ нужно воспитывать нашихъ дѣтей?

I.

По счастью или по несчастью, понимайте это какъ хотите, но мы живемъ въ такое время, когда все человѣчество переходитъ къ совершенно новымъ условіямъ жизни.

Причины этому не случайны, а вполнѣ естественны и заключаются въ измѣненіи способовъ добыванія, обработки и перевозки всѣхъ тѣхъ средствъ, которыя необходимы для существованія человѣка.

Въ прежнее время люди работали въ маленькихъ мастерскихъ, часто просто у себя дома и для ограниченнаго числа мѣстныхъ покупателей. Трудъ былъ большею частью ручной, методы были устойчивы; они передавались по наслѣдству отъ отца къ сыну съ религіозною обрядностью; нововведенія были ничтожны. Конкурировать при-

ходилось только съ ремесленниками, жившими въ ближайшемъ сосѣдствѣ, потому что слабость перевозочныхъ средствъ не позволяла ни подвозить товары издалека, ни посылать ихъ въ отдаленныя мѣста; кромѣ того и эта конкуренція ослаблялась серіею ограничительныхъ законовъ, опредѣлявшихъ методы труда, число хозяевъ, учениковъ, рабочихъ и т. п. Словомъ, все было направлено къ тому, чтобы обезпечить устойчивость жизни. При такихъ условіяхъ и воспитаніе, построенное на изученіи прошлаго и на сохраненіи традицій, какъ нельзя лучше отвѣчало потребностямъ общества.

Въ настоящее время всѣ эти условія совершенно измѣнились. Производство совершается въ огромныхъ мастерскихъ. Работу слабыхъ человѣческихъ мускуловъ замѣнили двигатели почти безграничной силы. Традиція уступила мѣсто нововведеніямъ, ежедневно вытѣсняющимъ одно другое. Фабрики и заводы работаютъ не только для потребителей ближайшихъ мѣстъ, но для покупателей съ другого конца земного шара. Конкуренція растетъ съ каждымъ днемъ и для того, чтобы не быть раздавленнымъ ею, надо умѣть производить больше, лучше и дешевле.

Вся эта лихорадка жизни вызвана была, если можно такъ выразиться, взрывомъ естественныхъ наукъ. Сказавъ свое первое слово, онѣ вывели человѣчество на путь такихъ матеріальныхъ преобразованій, конецъ которыхъ скрытъ въ безпредѣльной глубинѣ тайниковъ природы.

Вступленіе въ эту боевую обстановку жизни создало такую же разницу между человѣкомъ прошлаго и человѣкомъ настоящаго, какая существуетъ между солдатомъ, призваннымъ защищать крѣпость, и солдатомъ, который долженъ вести войну въ полѣ. Разница огромная, но никакого трагизма здѣсь нѣтъ, ибо, не препятствуя человѣку проникать въ тайны природы, Провидѣніе не отнимаетъ у него разума для того, чтобы онъ сумѣлъ приспособиться къ новой обстановкѣ. Онъ долженъ понять, что разъ рушатся тѣ устои, на которые онъ до сихъ поръ опирался, разъ ни семья, ни друзья, ни служебная карьера, ни приданое не представляютъ собою уже вполнѣ надежнаго обезпеченія, — то слѣдовательно ему необходимо расчитывать только на самого себя.

Но то воспитаніе и образованіе, которое получаютъ въ настоящее время наши дѣти, не даетъ для этого ни знаній, ни опыта и не благопріятствуетъ выработкѣ твердаго характера и устойчивости, а потому вопросъ объ иныхъ способахъ подготовки молодежи къ новымъ условіямъ жизни самъ собою выступаетъ на первый планъ.

Все это прекрасно, скажете вы, но какъ же приступить къ его разрѣшенію?

На это я отвѣчу вамъ, что чтобы избѣжать ощупи, ошибокъ и грубыхъ промаховъ, надо руководиться опытомъ, а такъ какъ у насъ самихъ такого опыта нѣтъ, то надо искать его въ другомъ мѣстѣ. Надо позаимствовать его у народовъ, уже одолѣвшихъ всѣ эти трудности и воспиты-

вающихъ своихъ дѣтей такимъ образомъ, что они какъ нельзя легче обходятся безъ всякой поддержки со стороны семьи, друзей и правительства.

Такіе народы существуютъ и надо быть слѣпымъ, чтобы не видѣть ихъ. Они въ настоящее время захватываютъ весь міръ, распахиваютъ новыя земли, колонизуютъ ихъ и повсюду тѣснятъ представителей стараго общественнаго порядка. Благодаря иниціативѣ и мощи человѣка, предоставленнаго самому себѣ, они творятъ настоящія чудеса, и если вы хотите уловить разницу между людьми вышедшими изъ новой школы и людьми стараго воспитанія, то сравните то, что сдѣлано первыми въ Сѣверной Америкѣ съ тѣмъ, что сдѣлано вторыми въ Южной. Въ первомъ случаѣ вы увидите народы ушедшіе въ страшную даль передовой жизни, народы развившіе свое земледѣліе, торговлю и промышленность до невѣроятныхъ размѣровъ. Во второмъ—народы отсталые, завязшіе въ тинѣ праздной жизни, чиновничества и политическихъ революцій. Въ одномъ мѣстѣ вы видите ярко разгорающуюся зарю будущаго, въ другомъ кроваво-мрачный закатъ прошлаго, уходящаго въ тьму забвенія.

Это прошлое дѣйствительно уходитъ уже поспѣшными шагами и несчастная Южная Америка начинаетъ уже наводняться могучими отпрысками сѣверныхъ титановъ. Они осѣдаютъ уже на лучшихъ земляхъ, покинутыхъ лѣнивыми потомками Испанцевъ и Португальцевъ. Они овла-

дѣваютъ уже плантаціями, рудниками, желѣзными дорогами, банками и т. д. и т. д.

Во время послѣдней нашей всемірной выставки я разговаривалъ съ предсѣдателемъ отдѣла Аргентинской республики. Разсказывая объ этомъ наплывѣ въ Аргентину Англичанъ и ихъ братьевъ Янки, мой собесѣдникъ приходилъ въ отчаяніе, изливался въ жалобахъ и упрекахъ, словомъ поступалъ совершенно такъ, какъ поступаютъ всѣ слабые люди, ибо сидѣть и плакать гораздо легче, чѣмъ взять себя въ руки и безъ колебанія вступить на путь, требующій постоянныхъ усилій и неустанной борьбы. Послѣдній же путь и есть именно тотъ, по которому идутъ сѣверные завоеватели. Вотъ народы, не чувствующіе страха передъ боевою жизнью! вотъ люди, которые, благодаря развитію личности, сохранили въ себѣ энергію не только нравственную, но и религіозную! Дѣйствительно, будучи весьма далеки отъ фанатизма, они въ то же самое время являются гораздо болѣе религіозными, чѣмъ, напримѣръ, мы, и это объясняется слѣдующимъ образомъ.

При старой формѣ общественнаго строя человѣкъ опирался не на самого себя, не на свою волю, а стоялъ болѣе или менѣе крѣпко, благодаря поддержкѣ среды, въ которой онъ находился, т. е. семьѣ, цеху, чиновничьей корпораціи и т. д. Подпоры, которыя поддерживали его въ идеяхъ, вѣрованіяхъ и традиціяхъ политическихъ, общественныхъ и религіозныхъ, находи-

лись снаружи, а не внутри человѣка. Онъ думалъ и дѣйствовалъ такъ, какъ это было принято въ его средѣ. Въ свою очередь и сами эти устои были достаточно прочны, потому что опирались одинъ на другой, подобно старымъ домамъ, гдѣ стѣны поддерживаются сосѣдними постройками. Но вотъ сосѣднія постройки, которыми въ данномъ случаѣ являются условія матеріальной жизни, оказались разрушенными; естественно, что вмѣстѣ съ ними началъ рушиться и устарѣлый общественный строй. Совершенно неподготовленные къ такому непредвидѣнному нами крушенію, мы растерянно бродимъ теперь среди развалинъ, ощупываемъ ихъ и зовемъ на помощь родныхъ, государство, церковь, словомъ все, кромѣ самихъ себя. Мы наполняемъ воздухъ нашими жалобами, мы плачемся, ищемъ виновныхъ, а между тѣмъ намъ нужно не это, намъ нужно призвать на помощь свое собственное мужество и хладнокровіе и, посмотрѣвъ, что дѣлаютъ другіе умные народы, послѣдовать ихъ примѣру.

II.

Прекрасно, что же, однако, дѣлаютъ эти народы для своихъ дѣтей?

А вотъ что:

1) Прежде всего у этихъ народовъ родители не считаютъ своихъ дѣтей своею личною собственностью, не смотрятъ на нихъ, какъ на се-

мейную принадлежность, или какъ на кандидатовъ, которые должны будутъ занять вакансію, очистившуюся въ жизни послѣ смерти родителей. Наоборотъ, они смотрятъ на своихъ дѣтей, какъ на существа, долженствующія въ свое время сдѣлаться совершенно независимыми. Поэтому первая забота ихъ заключается въ томъ, чтобы ускорить это необходимое и неизбѣжное отдѣленіе при условіяхъ наиболѣе благопріятныхъ. Такое родительское самопожертвованіе очень рѣзко отличается отъ нашего, хорошо замаскированнаго себялюбія, благодаря которому мы стараемся удержать нашихъ дѣтей вблизи себя, вышколить ихъ по своему образцу и сдѣлать изъ нихъ пріятный для насъ самихъ антуражъ. И мнѣ, и другимъ не разъ приходилось видѣть, какъ разстраивались браки, заранѣе сулившіе счастливую семейную жизнь, только изъ-за того, что новобрачные должны были уѣхать, я не говорю за границу, а просто въ провинцію. Да, у насъ очень любятъ дѣтей, но только для кого,—для нихъ, или для самихъ себя?

2) У этихъ народовъ родители съ первыхъ же дней начинаютъ обращаться съ своими дѣтьми, какъ съ людьми взрослыми, имѣющими свое собственное самолюбіе и достоинство, и, благодаря этому, дѣйствительно дѣлаютъ ихъ людьми взрослыми и понимающими себѣ цѣну. Мы же, наоборотъ, совершенно забываемъ, что какъ обращаются съ людьми,—таковыми они и выходятъ, и относимся къ нашимъ дѣтямъ, какъ къ ма-

ленькимъ даже тогда, когда они по лѣтамъ уже давно сдѣлались солидными людьми. Мы не можемъ отвыкнуть отъ мысли, что они дѣти только потому, что мы ихъ родители.

3) У этихъ народовъ родители при воспитаніи дѣтей принимаютъ во вниманіе потребности и запросы не той жизни, которою жили они сами, а новой, стоящей передъ дѣтьми.

4) У этихъ народовъ родители обращаютъ огромное вниманіе не только на здоровье дѣтей, но и на возможно полное развитіе физическихъ силъ и физической энергіи, при чемъ стараются достигнуть этого не посредствомъ избытка тѣлесныхъ упражненій и не головоломною гимнастикою, а путемъ такихъ игръ, которыя, кромѣ упражненія всѣхъ мускуловъ, вырабатываютъ въ человѣкѣ спокойствіе и самообладаніе.

5) Съ малыхъ лѣтъ они ставятъ своихъ дѣтей въ близкое соприкосновеніе съ дѣйствительною жизнью. Съ этою цѣлью они разрѣшаютъ имъ уходить и возвращаться безъ провожатаго и даютъ имъ порученія, иногда довольно серьезнаго свойства.

6) У этихъ народовъ родители обыкновенно научаютъ своихъ дѣтей ручному труду. Для насъ, при томъ величественномъ презрѣніи, которое мы питаемъ ко всякому ремеслу, это должно показаться особенно страннымъ, но они уже давно освободились отъ этой старой ошибки, бывшей для насъ гибельнѣе ста пораженій на полѣ битвы. Они не думаютъ, что есть занятія

благородныя и неблагородныя, а полагаютъ, что есть люди способные и неспособные, тружешики и лѣнтяи. Такъ, если сынъ лорда сдѣлается фермеромъ, фабрикантомъ или купцомъ, то никто не скажетъ, что этимъ онъ унизилъ свое достоинство. Есть, впрочемъ, одно занятіе, которое они считаютъ хуже другихъ и чуждаются его,—это занятіе чиновника и политика; ему ставятъ въ упрекъ двѣ вещи: во-первыхъ, что оно плохо оплачивается, и, во-вторыхъ, что отнимаетъ у человѣка его независимость. Благодаря такому взгляду на службу со стороны самихъ Англо-Саксовъ, всѣ немногочисленныя мѣста въ Англіи занимаются народами кельтской расы, Ирландцами, Шотландцами и Валлійцами, а въ Соединенныхъ Штатахъ—Ирландцами и Нѣмцами.

Стремленіе научить дѣтей ручному труду настолько велико, что тамъ исключительно на опытѣ изучаютъ всѣ тѣ искусства (инженерное, строительное и т. д.), которыя у насъ преподаются въ школѣ, и насколько такой способъ лучше нашего, можно судить уже по тому, что хорошимъ инженеромъ можно сдѣлаться не благодаря долгому сидѣнію за книгами, а благодаря практикѣ въ мастерскихъ.

7) У этихъ народовъ родители стараются опередить своихъ дѣтей въ изученіи всѣхъ полезныхъ новостей. Да и какъ можетъ быть иначе въ обществѣ, гдѣ всѣ умы обращены въ сторону будущаго, а не прошедшаго, къ дѣлу живому и постоянно совершенствующемуся, а не къ адми-

нистративной дѣятельности, застывшей въ своихъ казенныхъ формахъ. Благодаря этому, Англо-Саксы испытываютъ постоянную потребность знать всѣ событія, собирать положительные и хорошо провѣренные факты и быть освѣдомленными обо всемъ, что творится на бѣломъ свѣтѣ. Этими требованіями объясняется и характеръ англійскихъ и американскихъ газетъ, столь же похожихъ на наши, какъ день на ночь. Въ самомъ дѣлѣ, цѣль нашихъ газетъ — это развлекать читателя или разжигать въ немъ политическія страсти, т. е. въ обоихъ случаяхъ напрасно терять время, тогда какъ цѣль англо-саксонскихъ освѣдомлять читателей быстро и точно; вотъ почему вы не найдете тамъ ни длинныхъ теоретическихъ разсужденій, ни переливанія изъ пустого въ порожнее, хотя бы и очень остроумнаго, а одни только факты, факты и факты.

Послѣ сказаннаго нельзя, конечно, удивляться тому, что и разговоръ отца съ своими дѣтьми носитъ обыкновенно характеръ серьезный и дѣловой.

8) Затѣмъ они никогда не злоупотребляютъ своимъ родительскимъ авторитетомъ и прибѣгаютъ къ нему лишь въ самыхъ крайнихъ случаяхъ. Они полагаютъ, что истиннымъ воспитаніемъ является только такое, гдѣ нѣтъ принужденія, а есть увлеченіе. Они рѣдко бранятъ дѣтей и прибѣгаютъ больше къ намекамъ и совѣтамъ, причемъ высказываютъ ихъ безъ подчеркиванія

родительской власти, а такимъ образомъ, чтобы ребенокъ путемъ собственныхъ умозаключеній дошелъ до того, что отъ него требуется и что онъ долженъ дѣлать.

9) Наконецъ самое важное: дѣти знаютъ, что родители не будутъ заботиться объ устройствѣ ихъ судьбы.

Недавно я перечитывалъ письма Франклина. Въ одномъ изъ нихъ, адресованномъ на имя матери, онъ говоритъ объ одномъ изъ своихъ сыновей, который не очень заботился о своемъ будущемъ, разсчитывая, повидимому, на отцовское наслѣдство. «Я разувѣрю его, пишетъ Франклинъ, ибо по тому способу, какъ я расходую деньги, онъ увидитъ, что я не оставлю ему ничего».

Вы, конечно, придете въ ужасъ отъ мысли оставить вашихъ дѣтей безъ наслѣдственнаго состоянія, но не забывайте при этомъ, что если отецъ англо-саксонской семьи не даетъ повидимому ни одной копѣйки своимъ дѣтямъ, то въ дѣйствительности онъ даетъ имъ безконечно больше, чѣмъ отецъ французской семьи, ибо онъ даетъ имъ то, чего ни вы, ни я не умѣемъ дать нашимъ дѣтямъ, т. е. дьявольскую иниціативу, самостоятельность и способность рѣшать свои дѣла—качества, которыя мы оплачиваемъ золотомъ, собираемымъ съ такимъ трудомъ и лишь для того, чтобы заглушить ихъ. Въ самомъ дѣлѣ мы скряжничаемъ, экономимъ, живемъ, какъ нищіе, мы практикуемъ систематическое безплодіе и все это для того, чтобы дать нашимъ дѣтямъ воз-

можность вести праздную или почти праздную жизнь. Мы полагаемъ, что такимъ способомъ мы обезпечиваемъ ихъ будущность. Однако взгляните вокругъ себя, посмотрите на тѣхъ людей, которые быстро подымаются по общественной лѣстницѣ и наилучше успѣваютъ во всѣхъ родахъ дѣятельности: въ девяти случаяхъ изъ десяти это люди, не опирающіеся ни на чью помощь, люди, долгое время терпѣвшіе голодъ и холодъ, но зато закалившіе себя въ этой жизни, выработавшіе въ себѣ волю, характеръ и привычку къ труду. А теперь посмотрите въ другую сторону, на тѣхъ маменькиныхъ сынковъ, которые разсчитывали не на свой личный трудъ, а на семью, на деньги родителей и на приданое жены. Съ каждымъ днемъ они опускаются все ниже и ниже. Несмотря на свое «весьма заботливое» воспитаніе, они слабѣе и ниже всѣхъ. Они потеряли въ этой странѣ всякое вліяніе и всякое направленіе. Неспособные къ личному труду, они представляютъ собою нуль, имѣющій значеніе только при еще непрожившихся родителяхъ или при богатой женѣ.

Воспитанные такимъ образомъ въ постоянномъ соприкосновеніи съ дѣйствительною жизнью, съ дѣтскихъ лѣтъ привыкшіе считать себя самостоятельными людьми и разсчитывать только на свои собственныя силы, пріученные наконецъ смотрѣть на жизнь какъ на поле дѣятельности,— такіе молодые люди естественно не испытываютъ ни малѣйшаго страха передъ трудностями жизни.

Наоборотъ, они любятъ препятствія, они чувствуютъ въ нихъ потребность, и, вооруженные такъ серьезно воспитаніемъ, одолѣваютъ ихъ.—Постоянная же побѣда надъ трудностями жизни поднимаетъ ихъ духъ и дѣлаетъ ихъ настолько бодрыми и сильными, что они безъ всякихъ видимыхъ усилій обгоняютъ всѣхъ своихъ соперниковъ.

Итакъ, судите, сравнивайте и рѣшайте—что намъ дѣлать. Я сдѣлалъ попытку показать вамъ тѣ скрытыя пружины, которыя двигаютъ собою расу, являющуюся въ настоящее время наболѣе сильною и наболѣе грозною для старыхъ и старѣющихся народовъ. Эта раса совершаетъ нашествіе на весь міръ, и это нашествіе представляетъ собою своего рода чудо, такъ какъ завоеватель не располагаетъ ни большою арміею, ни сильною общественною властью. Въ чемъ же его могущество? Это могущество заключается въ колоссальной общественной силѣ, которая въ сотни разъ превосходитъ собою силу всякой арміи и всякой общественной власти.

Величайшая опасность, страшная гроза и сильнѣйшій соперникъ находятся не тамъ, гдѣ мы думаемъ, не по ту сторону Рейна, гдѣ милитаризмъ и соціализмъ взяли на себя заботу освободить насъ отъ нашего врага, а по другую сторону Ламанша и Атлантическаго океана. Эта опасность начинаетъ распространяться по всему міру, она зарождается въ каждой точкѣ, гдѣ появляется англо-саксонскій колонистъ. Къ этому

человѣку питаютъ презрѣніе, потому что онъ приходитъ не какъ Германецъ, съ огромными батальонами и усовершенствованнымъ оружіемъ, а одинъ съ мирною сохою. Его презираютъ, потому что не знаютъ, что̀ такое соха и что̀ значитъ этотъ человѣкъ!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Домашняя жизнь.

Только что разобранное различіе воспитанія у Французовъ и Англо-Саксовъ отражается прежде всего на частной (домашней) жизни обоихъ народовъ. У насъ оно даетъ въ результатѣ ослабленіе жизненной силы націи и уменьшеніе общественныхъ богатствъ; у нашихъ же сосѣдей наоборотъ: оно вырабатываетъ способность къ постоянному самоусовершенствованію и къ преодолѣнію всѣхъ трудностей жизни. Въ подтвержденіе этого я приведу здѣсь нѣсколько примѣровъ, взятыхъ мною во Франціи и въ Англіи.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Рождаемость во Франціи.

I.

Уменьшеніе населенія во Франціи представляетъ собою фактъ, въ непреложности котораго можно весьма легко убѣдиться по цифрамъ, даваемымъ статистикою.

Слѣдующая таблица показываетъ число рожденій, приходившихся въ разные года на 10.000 жизней.

Года.	Рожд.	Года.	Рожд.
1770—1780	380	1841—1850	274
1801—1810	325	1851—1860	267
1811—1820	316	1861—1868	264
1821—1830	309	1869—1880	245
1831—1840	289	1880—1896	220

Такимъ образомъ, съ 1770 г. по 1895 г. пропорція рожденій упала съ 380 на 220, т. е. уменьшилась болѣе, чѣмъ на одну треть.

Въ 1881 г. число рожденій было 937,057, а въ 1890 г.—838.057, т. е. на 100.000 менѣе. Замѣтьте при этомъ, что эта цифра рожденій была на 38.446 менѣе цифры умершихъ. Такая побѣда смерти надъ жизнью совершилась въ періодъ полнаго мира! И это явленіе повторяется теперь изъ года въ годъ; такъ въ 1890 г. было:

42.520	рожденій	менѣе	чѣмъ	въ	. . 1889 г.
44.580	»	»	»	»	. . 1888 »
61.275	»	»	»	»	. . 1887 »
74.779	»	»	»	»	. . 1886 »
86.499	»	»	»	»	. . 1885 »
99.699	»	»	»	»	. . 1884 »
99.885	»	»	»	»	. . 1883 »

Число браковъ точно также уменьшается изъ года въ годъ, однакоже въ нѣсколько меньшей пропорціи.

Въ	1884 г.	было	. . . . 289.555	браковъ
»	1885 »	»	. . . . 283.170	»
»	1886 »	»	. . . . 283.208	»
»	1887 »	»	. . . . 277.060	»
»	1888 »	»	. . . . 276.848	»
»	1889 »	»	. . . . 272.934	»
»	1890 »	»	. . . . 269.332	»

То есть въ послѣднемъ 1890 г. число браковъ было на 20.223 менѣе, чѣмъ шесть лѣтъ назадъ,—въ 1884 г.

Наоборотъ, число умершихъ возрастаетъ.

Въ 1881 г. ихъ было	. . . . .		828.928
» 1882 »	»	. . . . .	833.539
» 1883 »	»	. . . . .	841.141
» 1884 »	»	. . . . .	858.784
» 1886 »	»	. . . . .	860.222
» 1890 »	»	. . . . .	876.505

Такимъ образомъ въ 1890 г. было на 47.677 умершихъ больше, чѣмъ въ 1881 г., и на 35.364 больше, чѣмъ въ 1883 г.; а такъ какъ и число рожденій было на 100.000 менѣе соотвѣтствующей цифры этого года, то въ наличномъ составѣ населенія Франціи оказалось 135.000 незаполненныхъ мѣстъ.

Если теперь мы сравнимъ рождаемость Франціи съ таковою же въ другихъ странахъ, то увидимъ, что для удвоенія числа жителей потребуется—для Норвегіи 51 годъ, Австріи 62 года, Англіи 63, Даніи 73, Швеціи 89, Германіи 98 и Франціи 334 года.

Итакъ, ослабленіе рождаемости во Франціи есть фактъ, не подлежащій сомнѣнію.

Такъ какъ естественнымъ центромъ производства населенія является семья, то для объясненія такого явленія надо искать причину, дѣйствующую непосредственно и энергично на этотъ центръ. Надо, слѣдовательно, полагать, что условія, въ которыхъ находится французская семья, должны быть особенно трудными.

Естественное стремленіе каждой семьи заключается въ увѣковѣченіи ея; человѣкъ любитъ видѣть свое собственное возрожденіе въ многочисленныхъ дѣтяхъ, и если нѣтъ ничего препятствующаго этой любви и этому стремленію—ему отдаются охотно; дѣти появляются на свѣтъ въ большомъ количествѣ и рожденіе ихъ встрѣчается радостью. Въ такихъ случаяхъ дѣти представляютъ собою источникъ силы, а не помѣху.

Это бываетъ тамъ, гдѣ сложный вопросъ устройства дѣтей разрѣшается легко и естественно, благодаря укладу общественной жизни. Такъ, напримѣръ, на Востокѣ у народовъ семейно-общиннаго типа родители могутъ разсчитывать на помощь общины, а потому Востокъ особенно плодороденъ. Народное чувство выражается тамъ весьма характерными пословицами: «Богъ любитъ большую семью», или «Горе безплодной женщинѣ!»

На противоположной сторонѣ соціальнаго міра мы видимъ такое же плодородіе у народовъ индивидуальной формаціи. Тамъ точно также судьба дѣтей обезпечена, конечно, не общиною, но сильнымъ развитіемъ иниціативы молодыхъ людей и выработкою въ нихъ способности къ самостоятельному устройству своей судьбы. Здѣсь отцамъ не приходится заботиться ни о замѣщеніи своихъ дѣтей на службу, ни о накопленіи имъ приданаго

Почему же мы видимъ совершенно другое во Франціи? Почему у насъ не завидуютъ больше семьямъ, имѣющимъ много дѣтей, а наоборотъ—сожалѣютъ ихъ? Почему у насъ считается идеа-

ломъ имѣть только мальчика и дѣвочку или даже одного единственнаго сына?

На всѣ эти вопросы можетъ быть только одинъ отвѣтъ: потому что у насъ большая семья является такою страшною тяжестью, что при самой искренней любви къ ней не остается ничего другого, какъ избавиться отъ нея.

Въ самомъ дѣлѣ, вы женитесь,—черезъ годъ у васъ появляется ребенокъ; но глядя на эту бѣлокурую головку, на это улыбающееся вамъ личико, вы невольно думаете, что въ лицѣ этого крохотнаго существа вашей семьѣ посылается не благословеніе Божіе, а на вашу шею свалится забота о приданомъ [1]). Черезъ 20 мѣсяцевъ или черезъ два года у васъ новый ребенокъ, а вмѣстѣ съ нимъ передъ вашими глазами встаетъ перспектива и новаго приданаго; два приданыхъ въ какихъ нибудь 20—25 лѣтъ. Вы чувствуете себя неспособнымъ выносить еще большее бремя и подъ давленіемъ этой матеріальной необходимости рѣшаетесь сократить расходы. Вотъ почему Французы имѣютъ мало дѣтей. Обычай возлагаетъ на нихъ непосильную задачу, трудъ каторжника. Не имѣя силъ уничтожить обычай, они уничтожаютъ расу.

Вы увидите сейчасъ, что сама статистика даетъ доказательства тому, какое вліяніе оказываетъ приданое на систематическое безплодіе француз-

---

[1]) Во Франціи приданое дается не только дочерямъ, но и сыновьямъ. Прим. перевод.

ской семьи. Дѣйствительно, какіе классы имѣютъ менѣе всего дѣтей?—самые богатые и самые предусмотрительные, т. е. тѣ, которые могутъ напередъ расчесть величину нужнаго имъ приданаго. Наоборотъ, бѣдный, мало предусмотрительный классъ рабочихъ, оставляющій своихъ дѣтей на волю Божію, имѣетъ ихъ большое количество. Такъ въ Сѣверномъ департаментѣ съ сильно развитою промышленностью и большимъ рабочимъ населеніемъ мы видимъ значительный перевѣсъ рождающихся надъ умирающими (51.197 рожденій на 35.089 смертей). Наоборотъ, въ департаментахъ съ богатою сельско-хозяйственною культурою число умирающихъ превосходитъ число рожденій. Такъ въ департаментѣ Уазъ на 6.851 родившихся приходится 9.068 умершихъ; въ департаментѣ Орнъ на 6.851 рожденій—8.534 смертей и т. д.

Основываясь на этихъ фактахъ, невольно приходишь къ выводу, что рождаемость во Франціи поддерживается главнымъ образомъ только классами бѣдными, мало предусмотрительными и неспособными,—какую же будущность готовятъ нашему отечеству такія поколѣнія?

II.

Установивъ такимъ образомъ причины уменьшенія рождаемости во Франціи, намъ остается выяснить еще одинъ вопросъ, какъ надо смотрѣть на подобное явленіе, т. е. считать ли его

полезнымъ для государства или же опаснымъ, радоваться ли ему или сокрушаться? Экономисты и въ этомъ случаѣ, какъ во многихъ другихъ, высказываютъ самыя противоположныя мнѣнія.

Такъ Морисъ Блокъ доказываетъ, напримѣръ, что быстрый ростъ народа, способствуя развитію бѣдности, является одною изъ причинъ ослабленія его. Ту же мысль поддерживаетъ и де-Молинари.

Но приводятъ ли къ такому заключенію сами факты?

Прежде всего они не даютъ доказательствъ тому, чтобы безплодіе было полезно для Франціи.

Если бы наша страна была окружена китайскою стѣною, не позволявшею проникать къ намъ никакимъ иностраннымъ элементамъ, тогда дѣйствительно, благодаря менѣе густому заселенію, мы чувствовали бы себя свободнѣе, на каждаго жителя приходилось бы большее количество природныхъ богатствъ и не было бы такой конкуренціи труда. Но вѣдь на дѣлѣ выходитъ иначе—всѣ образовавшіяся нашимъ безплодіемъ пустыя мѣста сейчасъ же заполняются иностранцами. Съ каждымъ годомъ къ намъ просачивается все большее и большее количество Бельгійцевъ, Нѣмцевъ, Швейцарцевъ, Итальянцевъ, испанскихъ Басковъ. Въ 1851 г. у насъ было 379.000 иностранцевъ, въ 1872 г.—799.000, а въ 1891 г. 1.001.000, или одинъ иностранецъ на 73 француза. «Прониканіе чужеземцевъ во Францію, говоритъ де-Фовиль, представляетъ собой весьма важный фактъ.

Безъ этого подкрѣпленія извнѣ коренное населеніе осталось бы почти въ неподвижномъ состояніи... Франція представляетъ собою страну съ наиболѣе слабымъ выселеніемъ и съ наиболѣе сильнымъ вселеніемъ».

Конечно сторонники безплодія отлично знаютъ это, но они не только не пугаются подобнаго явленія, а наоборотъ—привѣтствуютъ его, потому что, по ихъ словамъ, въ этомъ заключается особая экономическая выгода — Государство получаетъ готовыхъ работниковъ, обученіе которыхъ не стоило ему ничего.

«Предположимъ, говоритъ де-Молинари, что вмѣсто того, чтобы ввезти этотъ милліонъ взрослыхъ работниковъ, явившихся пополнить недостатокъ населенія, Франція воспитывала бы ихъ сама,—что бы это стоило ей? Для полученія милліона людей двадцатилѣтняго возраста надо произвести на свѣтъ 1.300.000 дѣтей. А хотите ли знать, сколько въ среднемъ стоитъ воспитаніе и обученіе милліона взрослыхъ? Три съ половиною миліарда! Стало быть, Франція сберегла такую сумму тѣмъ, что привезла себѣ готовыхъ работниковъ, вмѣсто того, чтобы готовить ихъ у себя дома. А такое сбереженіе не способствовало ли развитію благосостоянія общественнаго и личнаго? Не то же ли самое было бы, если бы Франція получила даромъ изъ сосѣднихъ странъ милліонъ быковъ, которые должны были бы восполнить недостатокъ ея рабочаго скота,—она была бы облагодѣтельствована какъ разъ на

сумму тѣхъ расходовъ, которые сдѣланы были Бельгіей, Швейцаріей и др. странами, выростившими этихъ быковъ до рабочаго возраста».

Для вѣрности этихъ разсужденій не достаетъ весьма немногаго, именно, чтобы человѣкъ былъ быкомъ, а такъ какъ онъ не быкъ, то изъ этого получается слѣдующее: наши единственные сыновья, воспитанные на колѣняхъ у своихъ матерей и съ малыхъ лѣтъ не привыкшіе къ тому, что слѣдуетъ разсчитывать не на родительскія средства и не на приданое жены, а только на собственный трудъ, являются плохими работниками. Какъ только они сталкиваются съ дѣтьми, вышедшими изъ большой семьи и выросшими въ школѣ лишеній и труда—они сейчасъ же уступаютъ своимъ соперникамъ и терпятъ сплошную, позорную неудачу.

Сами же наши комерсанты и инженеры предпочитаютъ брать къ себѣ на службу и на работы не своихъ соотечественниковъ, а Нѣмцевъ, Бельгійцевъ, Швейцарцевъ и Итальянцевъ, находя ихъ болѣе послушными, болѣе трудолюбивыми, болѣе терпѣливыми и менѣе требовательными.

Эти иностранцы дѣлаютъ сбереженія изъ жалованья, котораго не хватаетъ нашимъ рабочимъ. Безъ нихъ наше производство стоило бы вдвое дороже и мы были бы еще болѣе безсильными въ нашей борьбѣ съ иностранной конкуренціей.

Они дѣйствительно спасаютъ нашу промышленность и земледѣліе своимъ здоровымъ умомъ и крѣпкими мускулами.

Но мы сами –мы-то какою цѣною покупаемъ это спасеніе?

Мы покупаемъ его цѣною нашего нравственнаго достоинства, цѣною нашей пониженной энергіи, цѣною нашего безсилія въ дѣлѣ колонизаціи, цѣною смерти нашего мірового престижа, наконецъ цѣною существованія самой народности, все болѣе и болѣе заливаемой иностранными потоками.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Французскіе финансы.

I.

Обыкновенно всѣ очень охотно говорятъ, что нынѣшній вѣкъ—это вѣкъ денегъ и, произнося эту фразу, одни обнаруживаютъ чувство радости, другіе испытываютъ смутную тревогу.

Дѣйствительно нельзя не признать, что мы живемъ въ такую эпоху, когда денежныя операціи и биржевая игра достигли размѣровъ прямо неслыханныхъ. Но вѣдь такое явленіе вовсе не случайно, оно пришло въ міръ не по чьей-либо прихоти, а самымъ естественнымъ образомъ.

Своимъ страшнымъ могуществомъ деньги обязаны каменному углю. Открытіе этого минерала дало толчокъ цѣлому ряду огромныхъ предпріятій. Первымъ изъ нихъ явилась добыча самаго угля. Этотъ продуктъ находится въ землѣ не въ видѣ отдѣльныхъ жилъ, какъ металлы, а въ видѣ

такихъ мощныхъ пластовъ, разработка которыхъ можетъ производиться до безконечности.

Добычу выгодно производить въ очень большихъ размѣрахъ, потому что каменный уголь необходимъ для всей промышленности. Стало быть, съ одной стороны, такое предпріятіе, требуя большого количества рабочихъ, вызываетъ и страшные расходы; съ другой же стороны, будучи надежнымъ и прибыльнымъ дѣломъ, оно представляетъ собою хорошее помѣщеніе капитала.

Вести такое предпріятіе средствами одной, хотя бы и очень богатой, семьи нельзя, поэтому явилась потребность въ соединеніи денежныхъ людей въ особые союзы.

Затѣмъ съ открытіемъ каменнаго угля начался страшный переворотъ во всей промышленности—домашнее производство и маленькія мастерскія начали быстро уступать мѣсто обширнымъ фабрикамъ и заводамъ съ цѣлыми арміями рабочихъ, т. е., другими словами, снова явилась потребность въ соединеніи капиталовъ.

Далѣе, благодаря огромной двигательной силѣ, каменный уголь повліялъ на измѣненіе способовъ перевозки. Гужевые транспорты и перекладныя на сушѣ и парусники на морѣ уступили мѣсто желѣзнымъ дорогамъ и пароходамъ, а это въ свою очередь опять-таки потребовало образованія акціонерныхъ компаній.

Наконецъ и сами государства принялись за выполненіе такихъ общественныхъ работъ, для которыхъ бюджетныя средства оказались недо-

статочными; потребовались займы, а вмѣстѣ съ ними появились на свѣтъ еще болѣе могущественныя, чѣмъ всѣ предыдущія, общества капиталистовъ, ссужающихъ государства деньгами.

Вотъ какимъ совершенно естественнымъ способомъ, а не благодаря чьей нибудь хитроумной комбинаціи, деньги начали пріобрѣтать колоссальную силу.

Не менѣе естественными являются и тѣ причины, которыя заставили людей броситься съ такимъ увлеченіемъ на движимыя цѣнности. Дѣйствительно, будучи дѣлимыми до безконечности, онѣ доступны для самаго скромнаго капиталиста; онѣ даютъ доходъ, не требуя ровно никакого труда и никакой заботы; этотъ доходъ является къ вамъ (если только онъ является) періодически и регулярно, чего не бываетъ ни въ сельскомъ хозяйствѣ, ни въ торговлѣ, ни въ промышленности. Кромѣ того, движимыя цѣнности имѣютъ еще заманчивую перспективу въ повышеніи цѣны бумагъ, въ выигрышахъ и другихъ благопріятныхъ случаяхъ, когда счастье приходитъ къ вамъ во время сна; надежда на возможность такого счастья является тѣмъ большею, что въ теченіе долгаго времени, т. е. въ эпоху, когда работы еще только начинались, когда потребности были огромны, а конкуренція еще мало развита, многія изъ этихъ предпріятій дѣйствительно въ короткое время давали колоссальную прибыль, такъ акціи Суэцкаго канала, стоившія вначалѣ 500 фр., поднялись те-

перь почти до 8000 фр. Наконецъ биржевыя цѣнности, благодаря легкости покупки и продажи ихъ и постоянному колебанію цѣны, привлекаютъ многихъ самымъ процессомъ игры. Владѣя этими цѣнностями, каждый видитъ не только способъ удобнаго управленія своимъ состояніемъ, но и возможность увеличить его сразу до безконечности. Вотъ причины, толкающія людей на денежныя цѣнности.

Открывъ каждому надежду на возможность обогащенія, это движеніе вскружило всѣмъ головы; оно создало религіозное поклоненіе деньгамъ; оно поставило финансистовъ на пьедесталъ и сдѣлало ихъ королями эпохи.

Но эта красивая медаль имѣетъ и свою обратную сторону. Никогда изображеніе Фортуны стоящею на вертящемся колесѣ не было болѣе точнымъ, какъ въ данномъ случаѣ. Движимыя цѣнности дѣйствительно крайне неустойчивы. Онѣ находятся въ зависимости отъ малѣйшихъ колебаній рынка, а послѣдній отъ всѣхъ прихотей политики и спекуляціи.

Нѣтъ надобности приводить здѣсь всѣмъ извѣстные примѣры биржевыхъ кризисовъ, но въ нѣкоторые моменты такой кризисъ бываетъ настолько сильнымъ и ударяетъ сразу по головѣ такую массу людей, что становится настоящею катастрофою. Вотъ тогда-то подымается страшный вопль. Всѣ, чьи интересы оказались затронутыми, начинаютъ сыпать на голову финансистовъ самыя страстныя обвиненія, хотя сами обвини-

тели оказываются едва-ли болѣе правыми, чѣмъ финансисты. Въ самомъ дѣлѣ, если хотите получать прибыль, надо участвовать и въ рискѣ, ибо и то и другое суть естественные плоды финансовой системы.

II.

За послѣднее время во Франціи вышла такая масса книгъ, имѣвшихъ цѣлью поднять тревогу по поводу той опасности, которую представляютъ собою Евреи и денежная спекуляція, что изъ подобныхъ книгъ можно было бы составить цѣлую библіотеку. Хотя во всѣхъ этихъ работахъ рѣзко бросается въ глаза не спокойствіе и разсудительность, а необузданная страстность, тѣмъ не менѣе такое дружное поднятіе щитовъ представляетъ собою характерный признакъ безпокойства, испытываемаго французскимъ обществомъ.

Эта тревога происходитъ не потому, что неустойчивость биржевыхъ цѣнностей во Франціи больше, чѣмъ въ Англіи, Скандинавскихъ государствахъ, Германіи или Соединенныхъ Штатахъ, а потому, что во всѣхъ другихъ государствахъ публика обращаетъ въ бумажныя цѣнности только свои сбереженія, Французы же бросили на биржу не только свою экономію, но и родовыя помѣстья.

Всѣ привыкли считать Францію страною съ наибольшимъ изобиліемъ свободныхъ денегъ. Это совершенно вѣрно, но такое изобиліе является

слѣдствіемъ стремленія Французовъ перевести все свое состояніе въ деньги, сдѣлать его, какъ у насъ выражаются, «прозрачнымъ» и держать его въ портфелѣ. Благодаря этому, дѣйствительно большая часть финансовыхъ операцій всего міра совершается во Франціи и наше отечество представляетъ собою огромный денежный рынокъ въ томъ смыслѣ, что на немъ каждый ловкій финансистъ можетъ забрасывать свои сѣти съ наибольшимъ успѣхомъ. Французскія деньги текутъ за границу тысячами ручьевъ, но не всегда возвращаются обратно; онѣ текли въ Турцію, Гондурасъ, Венецуэлу, испанскіе рудники, Аргентину, Перу и т. д.

Наконецъ, два величайшія предпріятія позднѣйшаго времени — прорытіе Суэцкаго и Панамскаго каналовъ задуманы и выполнены большею частью не при помощи ли французскихъ денегъ? Да, но это вовсе не говоритъ о томъ, чтобы эти предпріятія остались во французскихъ рукахъ. Они уже принадлежатъ — Суецъ Англичанамъ, а Панама Американцамъ. Французы платятъ, а пользуются другіе.

И такъ, тотъ фактъ, что Франція представляетъ собою страну съ наиболѣе подвижнымъ состояніемъ, не подлежитъ сомнѣнію, но въ чемъ же причина его? Эта причина заключается въ томъ, что Французы оказываютъ все большее и большее пренебреженіе къ тремъ главнымъ источникамъ, питающимъ общественноебогатство,— земледѣлію, промышленности и торговлѣ.

Нѣтъ надобности доказывать, съ какою настойчивостью монархія, особенно при Людовикѣ XIV, отрывала дворянство отъ земли ко двору. Высшій классъ мало-по-малу отвыкъ отъ деревенской жизни и земледѣлія; онъ сдѣлался городскимъ классомъ, и Франція въ настоящее время представляетъ государство, гдѣ крупные землевладѣльцы менѣе всего занимаются сельскимъ хозяйствомъ.

Вотъ почему капиталы, которые должны были возвратиться въ землю и пойти на улучшеніе сельскаго хозяйства, оказываются свободными.

Эти деньги могли бы пойти въ промышленность и торговлю, но, благодаря глупому предразсудку, высшій классъ смотритъ на эти занятія какъ на добровольный отказъ отъ дворянства. За нихъ берутся только для того, чтобы возможно скорѣе нажить себѣ состояніе и затѣмъ самому сдѣлаться рантье, а сыновей опредѣлить на государственную службу.

Служба въ арміи или по администраціи—это мечта буквально каждаго француза. Онъ считаетъ это лучшимъ средствомъ быть на виду, найти богатую невѣсту и проникнуть въ свѣтъ!

Французъ является или чиновникомъ или кандидатомъ на него. По этому званію онъ получаетъ жалованье и дѣлаетъ изъ него сбереженія; но по только что изложеннымъ причинамъ онъ не имѣетъ ни мысли, ни желанія использовать эту экономію на промышленность, торговлю или

земледѣліе—эти занятія ему совершенно чужды и онъ предпочитаетъ имъ биржу.

Наконецъ, послѣднее обстоятельство, увеличивающее экономію французской семьи—это ограниченное количество дѣтей. Деньги, которыя у другихъ народовъ идутъ на воспитаніе многочисленнаго молодого поколѣнія, оказываются у французовъ свободными для финансовыхъ операцій, а систематическое безплодіе, вызывающее потерю общественной силы для будущаго, въ настоящемъ даетъ увеличеніе свободнаго капитала.

Разсчитайте теперь послѣдствія хорошаго финансоваго краха для людей, у которыхъ все состояніе въ биржевыхъ цѣнностяхъ, тогда вамъ понятна будетъ и причина тревоги французскаго общества.

III.

Совершенно въ иномъ положеніи находятся Англо-Саксы. У этихъ народовъ земледѣліе не оставлено ни высшимъ классомъ, ни массою народа—англійскіе лорды имѣютъ обширныя помѣстья и живутъ въ нихъ. Если они обрабатываютъ сами не всю землю, то во всякомъ случаѣ извѣстную часть оставляютъ для собственнаго хозяйничанья. Благодаря этому, они хорошо освѣдомлены въ хозяйствѣ, интересуются имъ и охотно расходуютъ на него свои капиталы.

Посмотрите на многочисленныхъ эмигрантовъ въ Соединенныхъ Штатахъ, въ Австраліи, Новой

Голландіи и т. д. Вездѣ они прежде всего стараются прикрѣпиться къ землѣ. Владѣть землею и работать на ней составляетъ для нихъ предметъ величайшаго честолюбія.

Но сельское хозяйство является не единственною стороною дѣятельности этой расы. Сыновья англійскаго лорда, если не отправляются заграницу въ качествѣ колонистовъ, то устраиваются въ Англіи, какъ промышленники и купцы, при чемъ ни они сами и никто изъ окружающихъ не считаютъ, что эти занятія являются для нихъ унизительными. Такимъ почтительнымъ отношеніемъ къ промышленности и торговлѣ только и можно объяснить чудовищное развитіе этихъ занятій въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ.

Правда, что кромѣ этой любви къ земледѣлію, промышленности и торговлѣ самый укладъ общественной жизни Англо-Саксовъ помогаетъ развитію этихъ занятій, именно, во-первыхъ слабо развитая бюрократія отвлекаетъ на службу весьма незначительную часть молодежи и во-вторыхъ отсутствіе обычая надѣлять сыновей и дочерей имуществомъ даетъ каждому отцу семьи возможность располагать своимъ имуществомъ до самой своей смерти.

При такихъ условіяхъ весьма понятно, что, вкладывая всю душу и средства въ избранное имъ дѣло, Англо-Саксъ если и покупаетъ биржевыя цѣнности, то дѣлаетъ это подобно благоразумному и выдержанному путешественнику, который, заѣхавъ въ Монако, попробуетъ рискнуть

нѣсколькими стами франковъ, выиграть—хорошо, а проиграть—бѣда не велика, дѣло идетъ не о цѣломъ состояніи.

Совсѣмъ другое получается тамъ, гдѣ мобилизованы всѣ капиталы.

Эта мобилизація нашихъ состояній дѣлаетъ Францію настоящею обѣтованною землею финансистовъ вообще и Евреевъ въ частности. Еврей представляетъ собою такое растеніе, которое развивается только на благопріятной почвѣ. Почему онъ плохо прижившается въ Англіи, въ Скандинавскихъ государствахъ, въ Соединенныхъ Штатахъ и въ Австраліи?—Да потому, что тамъ всѣ состоянія не мобилизованы и каждый вкладываетъ свои деньги въ землю, фабрику и магазинъ. Тамъ, гдѣ нечего взять, гдѣ каждый умѣетъ защищать свое имущество, Еврей изгоняется самъ собою, или по крайней мѣрѣ теряетъ свои вредныя качества.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Подготовка Англичанъ къ борьбѣ за существованіе. Типы и характеры.

I.

Въ маѣ 1892 г. я получилъ изъ Англіи двойное приглашеніе: одно отъ имени Британскаго общества поощренія наукъ (British Association for the advancement of science), которое должно было собраться на 62-й конгрессъ въ Эдинбургѣ между 4 и 10-мъ августа, а другое отъ профессора Джедса (Geddes), основателя Лѣтней школы (Summer Meeting) въ Эдинбургѣ же, просившаго меня прочесть въ его школѣ нѣсколько лекцій по общественнымъ наукамъ.

Вотъ благодаря чему въ августѣ 1892 г. я очутился въ прелестномъ Эдинбургѣ, куда возвращался затѣмъ ежегодно въ теченіе четырехъ послѣдующихъ лѣтъ.

Summer Meeting, или Лѣтняя школа наукъ и искусствъ, извѣстная также подъ именемъ На

роднаго Университета (Extension Universitaire) представляетъ собою въ высшей степени любопытное, чисто англійское, учрежденіе.

Подъ этимъ именемъ во многихъ мѣстахъ Англіи, т. е. въ каждомъ университетскомъ городѣ, учреждаются на лѣтніе вакаціонные мѣсяцы платные курсы для слушателей обоего пола, желающихъ пріобрѣсти болѣе основательныя познанія по различнымъ отраслямъ наукъ.

У Англо-Саксовъ, стремящихся воспользоваться каждымъ удобнымъ случаемъ для самооблагорожденія и самоулучшенія, такіе курсы пользуются большимъ успѣхомъ и въ Англіи на нихъ собираются сотнями, а въ Соединенныхъ Штатахъ тысячами.

II.

Открывая въ первый разъ чтеніе лекцій въ Эдинбургѣ, я былъ удивленъ до чрезвычайности количествомъ слушателей, собравшихся въ числѣ 60—70. Согласитесь сами, что для лекціи, читанной на французскомъ языкѣ, такая многочисленная аудиторія была неожиданностью. Она состояла изъ нѣсколькихъ крупныхъ помѣщиковъ, профессоровъ и публицистовъ, нѣсколькихъ студентовъ, молодыхъ дѣвушекъ и главнымъ образомъ учителей и учительницъ.

Разговаривая съ одною изъ послѣднихъ по окончаніи лекціи, я сказалъ ей, что у насъ во Франціи ни одна учительница не согласилась бы

во время вакацій слушать курсы и при томъ еще платные. Моя собесѣдница была очень удивлена этимъ, такъ какъ по ея мнѣнію такое употребленіе вакацій казалось ей совершенно естественнымъ.

Что она говорила искренно, объ этомъ можно судить по тому, что на всѣхъ лѣтнихъ собраніяхъ подобнаго рода, имѣющихъ мѣсто при университетахъ Оксфорда, Кэмбриджа и т. д., собираются обыкновенно отъ шести до семи сотъ платныхъ слушателей.

Совершенно такое же стремленіе къ самоулучшенію, какое существуетъ въ городахъ, я замѣтилъ и въ деревнѣ, во время посѣщенія одной фермы, лежащей въ окрестностяхъ Эдинбурга.

Выйдя изъ вагона на станціи Р. мы увидѣли хозяина этой фермы, ѣдущаго къ намъ на встрѣчу. Могу васъ увѣрить, что по первому взгляду вы могли бы принять этого земледѣльца за дипломата, банкира или богатаго горожанина,— настолько онъ имѣлъ видъ настоящаго джентльмена. Его жакетная пара была отличнаго покроя и съ головы до ногъ онъ выглядѣлъ человѣкомъ, одѣвающимся у хорошаго портного.

Его ферма находилась въ полуверстѣ отъ станціи. Къ дому подводила аллея, хорошо содержимая и обсаженная съ обѣихъ сторонъ цвѣтами. Съ наружной стороны домъ имѣлъ видъ комфортабельнаго англійскаго коттеджа. Въ прихожей былъ коверъ, коверъ былъ на лѣстницѣ и въ коридорѣ. Мы прошли въ залъ, гдѣ насъ ожи-

дала хозяйка дома. Она встрѣтила насъ безъ малѣйшаго замѣшательства, какъ свѣтская женщина. Непринужденный разговоръ переходилъ отъ одного предмета къ другому. Подали очень хорошо сервированный чай. Горничная, принесшая его, вовсе не походила на толстую и неуклюжую дворовую дѣвку, перешагнувшую сразу изъ хлѣва въ салонъ, наоборотъ на ней уже былъ извѣстный стиль. На ней былъ бѣлый, вышитый и хорошо выглаженный передникъ, а на головѣ маленькій, кокетливый чепчикъ, какой носитъ прислуга въ хорошихъ англійскихъ домахъ. Очевидно это былъ обычный порядокъ дома а не импровизація ради пріѣзда гостей.

Глядя на этого англійскаго фермера, на его жилище и образъ жизни, я естественно переносясь мыслью къ тѣмъ обитателямъ деревни, которыхъ я могъ наблюдать въ разныхъ частяхъ Франціи. Только на сѣверѣ ея мнѣ приходилось встрѣчать высшій типъ нашего землевладѣльца, типъ образованный, окружающій себя нѣкоторымъ комфортомъ, имѣющій салонъ для пріема гостей и носящій приличный костюмъ, а не синюю рубаху на выпускъ. Въ другихъ же частяхъ—въ центрѣ, въ Бретани и даже въ богатой Нормандіи совсѣмъ другое дѣло. Въ этотъ моментъ мнѣ представился одинъ нормандскій земледѣлецъ, котораго я посѣщалъ нѣсколько разъ. Онъ имѣетъ около 150 десятинъ, т. е. ровно столько же, сколько и мой англійскій хозяинъ. Онъ богатъ, потому что даетъ своему сыну—единствен-

ному сыну, сто тысячъ приданаго. Онъ могъ бы жить комфортабельно, но у него нѣтъ къ этому ни малѣйшаго желанія и даже представленія объ этомъ. Онъ носитъ, какъ наши крестьяне, синюю блузу; въ дни же базара, отправляясь въ городъ, одѣваетъ грязный и весь заплатанный сюртукъ. Его жена въ такомъ же стилѣ. Она сама моетъ бѣлье у общаго колодца и ни костюмомъ, ни манерами, ни разговоромъ не разнится отъ своей судомойки. Внутренность жилища вполнѣ соотвѣтствуетъ хозяевамъ. Вся жизнь семьи проходитъ въ одной большой комнатѣ, дверь которой открывается прямо на дворъ фермы. Плохо выбѣленныя стѣны голы, какъ ладонь. Меблировка состоитъ изъ длиннаго стола въ нѣсколько досокъ, положенныхъ на козлы. На этомъ столѣ безъ скатерти ѣдятъ хозяева и слуги. Вокругъ стола, совсѣмъ подъ-стать ему, скамьи; три или четыре стула, съ прорванными сидѣньями; печка, гдѣ приготовляютъ пищу, и каменный столъ для мойки посуды; вотъ и все.

Я даю здѣсь описаніе не чего нибудь необыкновеннаго, а, наоборотъ, вывожу передъ вами самый обычный типъ французскаго фермера, котораго каждый изъ моихъ читателей могъ видѣть сотни разъ. Мы не обращаемъ на него вниманія и насъ не шокируетъ онъ только потому, что мы считаемъ такую жизнь естественною. Намъ кажется, что земледѣлецъ не можетъ и не долженъ жить иначе,—что непремѣннымъ условіемъ

занятія сельскимъ хозяйствомъ должны быть— отсутствіе удобства и невылазная грязь.

Но можетъ быть вы думаете также, что и мой Англичанинъ представляетъ собою исключительное явленіе. Я самъ думалъ это, пока не посѣтилъ жилищъ его рабочихъ.

Вы знаете, какъ живетъ рабочій на фермѣ во Франціи. Если онъ спитъ не въ гумнѣ на соломѣ и не въ конюшнѣ на грязной кровати, то его убѣжищемъ является отвратительная лачуга.

Я попросилъ у фермера Р. разрѣшеніе посмотрѣть помѣщеніе его рабочихъ. Мнѣ показали въ полуторастахъ шагахъ отъ фермы пять или шесть домиковъ, вытянутыхъ вдоль дороги въ одну линію. Наружный видъ ихъ привлекателенъ. Передъ каждымъ домомъ садикъ, засаженный одними только цвѣтами и прорѣзанный хорошо содержимыми дорожками. Позади каждаго домика имѣется отдѣльный огородъ.

Приближаясь къ одному изъ домовъ, мы увидѣли молодую женщину, одѣтую, какъ горожанка. Она катила передъ собою въ хорошенькой колясочкѣ ребенка, одѣтаго въ бѣлое.

Одинъ изъ моихъ товарищей, г. Боансаръ, спросилъ у фермера, что это вѣроятно дама, пріѣхавшая изъ города; но каково было наше удивленіе, когда оказалось, что это была жена рабочаго, живущаго въ этомъ же домѣ.

Фермеръ спросилъ ее, могутъ ли господа пріѣзжіе зайти къ ней и посмотрѣть ея домъ.

Она согласилась съ удовольствіемъ и сама повела насъ въ свою квартиру.

Передъ входною дверью лежалъ соломенный коврикъ, а въ маленькихъ сѣняхъ веревочная плетенка для вытиранія ногъ. Направо находилась небольшая комнатка для мойки посуды и бѣлья. Столовая, служившая въ то же время кухнею, представляла собою довольно просторную комнату, меблированную съ замѣтнымъ стремленіемъ къ комфорту. Печь наполовину углублена въ стѣну. Вся кухня содержалась въ порядкѣ и посуда блестѣла чистотою.

Изъ столовой мы прошли въ спальню. Здѣсь стояла желѣзная кровать, украшенная мѣдными шарами, блестѣвшими, какъ и посуда; возлѣ кровати комодъ; у противоположной стѣны диванчикъ и наконецъ туалетъ. На туалетѣ серія коробочекъ и разноцвѣтныхъ флаконовъ. На зеркало не безъ искусства наброшена въ видѣ рамки яркая матерія. Мнѣ очень понравилось это наивное стремленіе къ красотѣ, это стараніе возможно лучше устроить свой очагъ.

Такая заботливость о лучшемъ устройствѣ и украшеніи своихъ жилищъ распространена среди рабочихъ всѣхъ категорій. Въ самомъ дѣлѣ, тутъ же по сосѣдству съ фермою существуютъ каменно-угольныя копи, и я замѣтилъ, что большое количество домовъ рабочихъ содержится такъ же заботливо, какъ и на фермѣ; тѣ же маленькіе цвѣтники передъ входомъ; тѣ же бѣлыя или цвѣтныя занавѣски на окнахъ и т. д. Но тутъ же я

видѣть и нѣсколько улицъ рабочаго квартала, состоящихъ изъ старыхъ и неряшливыхъ лачугъ, сквозь разбитыя и закопченныя окна которыхъ виднѣлась крайне убогая внутренность, а возлѣ бѣгали дѣти босыя и оборванныя.

Директоръ копей объяснилъ мнѣ причину такого контраста: «Ирландскіе рабочіе не заботятся объ удобствѣ и не стараются содержать свои жилища въ порядкѣ, поэтому мы нанимаемъ для нихъ самые старые дома, которые стоятъ имъ дешевле и являются для нихъ достаточными. — Для Шотландцевъ же мы построили новые дома, которые вы видѣли и которые украшаются ихъ обитателями насколько можно лучше».

Фермеръ тоже подтвердилъ мнѣ эту сравнительную оцѣнку. Онъ также нанимаетъ на работы Ирландцевъ, особенно во время уборки хлѣба, и помѣщаетъ ихъ, какъ придется, ибо вопросъ о жилищѣ мало безпокоитъ ихъ.

Немного спустя я имѣлъ еще одно доказательство этому во время прогулки въ маленькомъ сосѣднемъ городкѣ Пиникъ. Мы были приглашены на чай къ 5 часамъ къ одному рабочему механику. Домъ, въ которомъ мы были приняты, представлялъ собою небольшое двухъэтажное зданіе, принадлежавшее нашему хозяину. Чай былъ поданъ въ комнатѣ, служившей гостиною и столовой. Я замѣтилъ здѣсь диванъ, піанино и коверъ, покрывавшій собою большую часть комнаты. Чай былъ сервированъ на большомъ четыреугольномъ столѣ и сервировка была прямо

роскошная: тонкая скатерть, красивый фарфоръ, пять-шесть тарелочекъ съ разными печеньями и поджареннымъ на маслѣ хлѣбомъ.

Я согласился на вторую чашку чаю, и прежде чѣмъ мнѣ налить ее, хозяйка слегка всполаснула чашку и вылила остатки въ полоскательницу. Я не ошибусь, если скажу, что у насъ во Франціи поступаютъ съ меньшею церемоніей въ домахъ буржуазіи; по крайней мѣрѣ я знаю это по опыту у меня и вокругъ меня.

Только что приведенные примѣры какъ нельзя лучше говорятъ о томъ, что здѣсь даже въ самыхъ низшихъ положеніяхъ человѣкъ живетъ лучше, съ большимъ удобствомъ, съ большею благопристойностью и большимъ внѣшнимъ порядкомъ, чѣмъ на материкѣ.

Глядя на здѣшняго рабочаго чувствуешь, что ему надо прибавить весьма немного для того, чтобы сдѣлать изъ него наружно, а можетъ быть и внутренно настоящаго джентльмена. Впрочемъ онъ уже и есть имъ, такъ сказать въ зачаточномъ состояніи, потому что во всѣхъ его дѣйствіяхъ замѣтны весьма характерные признаки смѣлаго и широкаго взгляда на жизнь. Такъ напр., онъ вовсе не дѣлаетъ сбереженій, а расходуетъ почти все, что зарабатываетъ. Свое положеніе онъ расчитываетъ улучшить не съ помощью экономіи, а переходомъ съ низшаго мѣста на высшее, болѣе почетное и лучше оплачиваемое и въ этомъ отношеніи онъ обнаруживаетъ большую изобрѣтательность и рѣшимость. Если

онъ находитъ для себя выгоднымъ, онъ не задумается оставить родину и отправиться на другой конецъ земного шара.

У насъ же какъ разъ наоборотъ. Главными средствами улучшенія нашего общественнаго положенія являются ограниченіе нашихъ нуждъ и уменьшеніе расходовъ. Благодаря этому мы часто довольствуемся тѣмъ, къ чему Англичанинъ относится съ презрѣніемъ. Наши чиновники, профессора, служащіе получаютъ меньше, чѣмъ въ Англіи, и однако многіе изъ нихъ ухитряются дѣлать сбереженія изъ жалованья, прямо смѣшного.

Привычка къ экономіи и скряжнической жизни кладетъ на насъ особый отпечатокъ, который мы сохраняемъ даже тогда, когда начинаемъ располагать крупными средствами. Мы довольствуемся очень скромнымъ комфортомъ, поверхностною роскошью и это въ лучшемъ случаѣ. Обыкновенно же нашею нищенскою жизнью мы походимъ на тѣхъ богатыхъ крестьянъ Нормандіи, о которыхъ я только что говорилъ.

Наши низшіе классы, благодаря экономіи, умѣютъ достичь богатства, но они мало способны къ тому, чтобы одновременно съ этимъ подняться и на высшую ступень общественнаго развитія, т. е. къ тому, чтобы испытывать удовлетвореніе, какое даетъ красиво устроенная домашняя жизнь.

III.

Послѣ одного изъ многихъ чтеній въ Лѣтней школѣ за мною прислали коляску, чтобы ѣхать на завтракъ къ одной семьѣ, живущей въ окрестностяхъ Эдинбурга. Этотъ визитъ интересовалъ меня особенно, потому что я ѣхалъ къ читателямъ нашего журнала «Science sociale» и мнѣ представлялся удобный случай самому наблюсти за впечатлѣніемъ, производимымъ нашими опытами по изученію англійскаго характера.

Семья моего хозяина представляла собою молодое супружество, состоящее изъ мужа, жены и, насколько помнится, трехъ дѣтей. Они живутъ круглый годъ въ деревнѣ, верстахъ въ шести отъ Эдинбурга.

Это пребываніе въ деревнѣ даже зимою является чисто англійскою чертою. Одна молодая дѣвушка, собираясь замужъ, говорила мнѣ, что она будетъ жить въ окрестностяхъ Эдинбурга, хотя ея мужъ долженъ каждый день бывать по дѣламъ въ городѣ. По ея словамъ, жизнь въ деревнѣ ей нравится больше, такъ какъ тамъ можно жить съ большимъ удобствомъ и большею независимостью. Мнѣ кажется, что эти два слова: «удобство» и «независимость» заключаютъ въ себѣ весь идеалъ земной жизни Англичанина, великолѣпно приспособляющагося къ уединенію и ограниченному кругу знакомыхъ. Въ этомъ огромная сила его и всей расы.

Прибывъ къ моимъ знакомымъ, я былъ принятъ съ поразительною сердечностью, какъ другъ, мысли котораго уже были извѣстны и пользовались сочувствіемъ.

Общественная наука проникаетъ въ голову Англичанина совсѣмъ другимъ образомъ, чѣмъ въ голову француза. Разница, какъ мнѣ кажется, заключается въ томъ, что французъ ищетъ въ ней такихъ идей и такой системы, съ помощью которой можно было бы управлять всѣмъ народомъ; Англичанинъ же почерпаетъ въ ней правила для практической жизни и для своего личнаго руководства. Эти два разныхъ способа сужденія и мысли отвѣчаютъ впрочемъ и разной общественной формаціи народовъ. Мы склоняемся болѣе къ общимъ идеямъ, Англичане же къ практическому примѣненію ихъ.

Такое заключеніе я вынесъ и послѣ разговора съ моими молодыми хозяевами.

Семья владѣетъ большимъ помѣстьемъ, которое въ то время было въ арендѣ. Срокъ аренды оканчивался черезъ годъ и владѣлецъ имѣлъ въ виду не возобновлять контракта, а отправиться въ свое имѣніе и начать хозяйничать самому. Пока же онъ подготовлялся къ этому практически. Онъ цѣлые дни проводилъ у сосѣдняго фермера для того, чтобы ознакомиться съ дѣломъ не по книгѣ, а на ежедневной практикѣ.

Замѣчу здѣсь кстати, что и тѣ Англичане, которые заняты другими дѣлами и цѣлые дни проводятъ въ городѣ, гораздо лучше подгото-

влены къ хозяйству, чѣмъ наши промышленники и торговцы.

Это предрасположеніе къ сельскому хозяйству вытекаетъ, мнѣ кажется, изъ полудеревенскаго воспитанія, которое получаютъ Англичане. Живя за городомъ въ отдѣльныхъ коттеджахъ, окруженныхъ садами, дѣти съ самыхъ малыхъ лѣтъ находятся въ близкомъ соприкосновеніи съ природой; они знакомятся прежде съ вещами, чѣмъ съ людьми; они выращиваютъ растенія, овощи, ухаживаютъ за домашними животными, т. е. пріобрѣтаютъ цѣлую массу цѣнныхъ познаній, благодаря простому механизму воспитанія.

Одинъ изъ нашихъ сотрудниковъ, г. Бюро, отправившійся въ нынѣшнемъ году въ Соединенные Штаты, былъ пораженъ такимъ характеромъ воспитанія даже въ городскихъ школахъ. Естественныя науки, въ особенности знаніе растеній и животныхъ, занимаютъ тамъ гораздо большее мѣста, чѣмъ у насъ. Онѣ изучаются не только по книгамъ, но и на примѣрѣ, при томъ, на сколько возможно, на живыхъ образцахъ. Ученикамъ предлагаютъ принести для слѣдующаго класса листъ или вѣтку дерева, которое должно быть изучено. Это дѣлается для того, чтобы углубить и закрѣпить познаніе каждой вещи съ помощью наблюденія ея собственными глазами и прикосновенія къ ней собственными руками. Понятно послѣ этого, насколько объясненіе профессора будетъ живымъ и убѣдительнымъ.

Но такое обученіе возможно только, если дѣти или хотя часть ихъ, живутъ за городомъ, или если они тѣмъ или инымъ способомъ находятся въ соприкосновеніи съ деревнею.

Тэнъ также замѣтилъ это предрасположеніе Англичанъ къ деревенской жизни. Въ городскомъ, салонѣ, говоритъ онъ, совершенно свободно бесѣдуютъ о сельскомъ хозяйствѣ, спорятъ о лучшихъ способахъ удобренія, входятъ въ подробности, приводятъ примѣры. Каждый интересуется разговоромъ и дамы принимаютъ въ немъ такое же участіе, какъ и мужчины.

Не удивительно послѣ этого, что и жена моего хозяина, такъ же какъ и онъ, охотно ѣдетъ въ деревню для того, чтобы жить тамъ и заниматься хозяйствомъ. Она долго говорила со мною съ видомъ человѣка рѣшившагося и твердо стоящаго на этомъ рѣшеніи. Если ея мужъ будетъ нуждаться въ ободреніи—она ободритъ и поддержитъ его; а поддержка жены придастъ мужу огромную силу.

Во Франціи многіе изъ моихъ друзей, владѣющіе землею и съ трудомъ находящіе арендаторовъ, очень хотѣли бы заниматься хозяйствомъ сами, но непреодолимымъ препятствіемъ для этого является упорство женъ. У насъ женщина еще болѣе удалена отъ деревенской жизни, чѣмъ мужчина; ей гораздо труднѣе обойтись безъ знакомствъ, визитовъ и салоновъ. Женщина во Франціи является главнымъ препятствіемъ къ подъему земледѣлія, промышленности и торговли,

тѣхъ занятій, которыя, благодаря ея предразсудкамъ, считаются низкими и недостойными. Говорятъ, что будто духовенство также имѣетъ вліяніе на женщинъ, но ради его добраго имени я предпочитаю думать, что это клевета.

Ни въ субботу, ни въ воскресенье у меня не было лекцій, такъ какъ въ Англіи, начиная съ полудня субботы и до утра понедѣльника, прекращаются всѣ занятія. По этому случаю человѣкъ, любящій парадоксы, могъ бы смѣло взять на себя задачу доказать, что Англичане представляютъ собою народъ, работающій больше всѣхъ и что они въ то же самое время являются народомъ, работающимъ меньше всѣхъ. Дѣйствительно, если что можно поставить рядомъ съ мощною дѣятельностью Англичанъ, такъ это ихъ отдыхъ. Наиболѣе точнымъ выраженіемъ этой мысли будетъ слѣдующее: Англичанинъ въ возможно меньшее время даетъ наибольшую сумму труда съ тѣмъ, чтобы потомъ получить возможно большую сумму отдыха.

Въ Лондонѣ я замѣчалъ, что большинство магазиновъ открывается не ранѣе девяти часовъ утра и закрывается гораздо раньше, чѣмъ у насъ. То же самое дѣлаютъ канцеляріи и дѣловыя конторы.

Въ общемъ дѣйствительный рабочій день, въ Англіи короче и это даетъ возможность Англичанину каждый вечеръ отправляться за городъ и иногда очень далеко, гдѣ онъ предпочитаетъ имѣть свое жилище не по сосѣдству съ дѣловымъ кварта-

ломъ. У насъ наоборотъ, большая часть торговцевъ имѣютъ квартиру сзади или надъ магазиномъ. Они могутъ такимъ образомъ начинать торговлю раньше и кончать ее позже. Кромѣ того, многіе не запираютъ своихъ лавокъ и въ воскресенье, а вечерняго отдыха въ субботу не признаетъ никто.

Если принять въ расчетъ только эти указанія, то можно придти къ заключенію, что французъ дастъ большую сумму труда, чѣмъ Англичанинъ; но здѣсь нужно не считать часы, а взвѣшивать ихъ. По вѣсу сумма труда Англичанина гораздо значительнѣе. Въ меньшее время онъ работаетъ гораздо больше, у него едва хватаетъ времени для завтрака, который онъ съѣдаетъ стоя и не прерывая своего дѣла.

Я воспользовался субботнимъ отдыхомъ для того, чтобы посѣтить каменноугольныя копи, расположенныя по сосѣдству. Во время одного визита, я познакомился съ двоюроднымъ братомъ директора копей, молодымъ Англичаниномъ, занимающимся овцеводствомъ въ Новой Зеландіи. Онъ пріѣзжаетъ каждые два года въ Англію для того, чтобы провести здѣсь два лѣтнихъ мѣсяца. Новая Зеландія ему очень нравится и онъ поселился въ ней окончательно. «Вотъ гдѣ настоящая жизнь», сказалъ онъ мнѣ, и на мой вопросъ, что же именно онъ находитъ въ ней особенно увлекательнымъ, онъ, ни минуты не задумываясь отвѣтилъ—«независимость».

Такимъ образомъ, вы еще разъ видите, что главною двигательною силою въ жизни каждаго Англичанина является желаніе быть независимымъ. Эту проблему вы можете переворачивать на тысячу ладовъ и неизбѣжно придете къ этому рѣшенію.

Я спросилъ молодого овцевода,—какое средство является наилучшимъ для успѣшнаго веденія дѣла въ новой странѣ?—«Начать дѣло простымъ работникомъ, пастухомъ овецъ». Самъ онъ началъ именно такъ, хотя нужно замѣтить, что онъ принадлежитъ къ очень хорошей семьѣ. Впрочемъ, въ этомъ нѣтъ ничего страннаго. Какъ я уже говорилъ ранѣе, для Англичанина глупымъ трудомъ является только тотъ, который плохо оплачивается, а такъ какъ овцеводство дѣло прибыльное, то и начинать его надо оттуда, откуда слѣдуетъ.

Наиболѣе труднымъ въ этомъ началѣ является близость соприкосновенія съ грубыми и невоспитанными рабочими. «Но когда человѣкъ хорошо воспитанъ, они не замедлятъ проникнуться къ вамъ уваженіемъ. Впрочемъ, всегда можно избѣжать смѣшенія, устроивъ себѣ жилище отдѣльно».

Когда же человѣкъ чувствуетъ себя уже достаточно подготовленнымъ, тогда, улучивъ случай для покупки собственнаго гурта, онъ уже съ глубокимъ знаніемъ дѣла примется работать на самого себя. Если же, наоборотъ, вы захотѣли бы сразу начать дѣло покупкою скота, вы

несомнѣнно сдѣлаетесь жертвою недобросовѣстности агентовъ.

Я полагаю, что нашимъ молодымъ людямъ изъ хорошихъ семей едва ли придется по вкусу такой способъ начать дѣло, зато и въ рѣзультатахъ имъ не угнаться за Англо-Саксами.

IV.

Въ теченіе нѣсколькихъ дней въ послѣ-полуденное время я ѣздилъ по окрестнымъ имѣніямъ и вынесъ впечатлѣніе, что главнымъ пребываніемъ помѣщиковъ является деревня. Объ этомъ свидѣтельствовали цѣлыя галереи фамильныхъ портретовъ и богатыя коллекціи предметовъ искусства, собиравшіяся долгими годами.

Мнѣ сказали, однако, что нѣкоторые изъ этихъ собственниковъ находятся въ затруднительномъ положеніи и вынуждены даже продавать свои земли. Это говорилось какъ разъ о владѣльцѣ того дворца и парка, который мы осматривали. Онъ принадлежалъ къ старинной шотландской аристократіи кельтскаго происхожденія и, на сколько я узналъ, вся семья слѣдовала той эволюціи, которая знакома намъ по старинным дворянскимъ семьямъ Франціи. Имѣніе на правахъ маіората передавалось старшему въ родѣ, сами помѣщики не работали, а все болѣе и болѣе запутывались въ долгахъ и этимъ путемъ шли къ неизбѣжному разоренію.

Нужно сказать, что англійская аристократія представляетъ собою продуктъ не англо-саксонскаго общественнаго строя, ибо общества съ индивидуальною формаціей не производятъ такого класса людей. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ типъ личной формаціи не подвергся иностранному вліянію,—наслѣдственной аристократіи нѣтъ вовсе, какъ напримѣръ, въ Норвегіи, или въ новыхъ странахъ—Соединенныхъ Штатахъ, Австраліи, Новой Зеландіи, т. е. тамъ, гдѣ преобладаютъ Англо-Саксы.

Отсутствіе такого класса людей объясняется самымъ опредѣленіемъ общественнаго типа. Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ заключается индивидуальная формація? Въ устройствѣ каждымъ сыномъ своей судьбы безъ всякой помощи со стороны семейной группы, изъ которой онъ выходитъ. Лучшимъ опредѣленіемъ такого порядка вещей служатъ два характерныхъ чисто англо-саксонскихъ выраженія: self help (помогай самъ себѣ) и struggle for life (борьба за существованіе).

Англійская же аристократія со своими маіоратами покоится на принципахъ, совершенно чуждыхъ индивидуальному типу; она покоится на принципахъ общинности, т. е. на устройствѣ судьбы дѣтей съ помощью семейной группы, по крайней мѣрѣ въ отношеніи первенца.

Откуда же явилась въ Англіи эта наслѣдственная аристократія?

Она была занесена извнѣ, съ континента, Норманами подъ предводительствомъ Вильгельма За-

воеватели. Въ настоящее время по историческимъ документамъ уже вполнѣ достаточно извѣстенъ составъ этой арміи. Это были люди, набранные понемногу отовсюду, главнымъ образомъ искатели приключеній и добычи. Явившись въ Англію, они, послѣ цѣлаго ряда побѣдъ, захватили лучшія земли, распредѣлили ихъ между собою и заставили Англо-Саксовъ обрабатывать ихъ. Вѣковая эпическая борьба между Норманами и Англо-Саксами являлась въ дѣйствительности борьбою между совершенно противоположными общественными формаціями.

Хотя сами Норманы не приросли къ почвѣ, тѣмъ не менѣе они усѣлись на ней на столько прочно, на сколько это позволяла общинная система завоевателей. Я не буду говорить здѣсь о томъ, какимъ образомъ Англо-Саксъ, въ концѣ концовъ, благодаря необычайному упорству и живучести, сумѣлъ одержать побѣду; скажу только, что эта побѣда дала въ результатѣ ослабленіе королевской власти и переходъ къ самоуправленію, начавшійся еще въ то время, когда скованная общинною формаціей Франція приближалась къ абсолютизму Людовика XIV.

Одновременно съ такимъ измѣненіемъ государственнаго строя, Англичане мало-по-малу низвели и аристократію къ почетному званію, сохранивъ за нею нѣкоторыя политическія привилегіи, какъ напр. образованіе Палаты Лордовъ.

Побѣда надъ аристократіей выразилась въ двухъ видахъ—прежде всего младшіе члены дво-

рянскихъ семей съ теченіемъ времени должны были оставить праздную жизнь при дворѣ и службу административную и военную и приняться за настоящее живое дѣло. Благодаря этому, когда старшая вѣтвь какой-нибудь семьи исчезала,—званіе пэра переходило къ члену семьи, взятому изъ настоящаго живого міра, а онъ, входя въ Палату Лордовъ, вносилъ съ собою бодрый элементъ, вооруженный знаніями и опытомъ дѣйствительной жизни.

Затѣмъ посягательство дворянства, равно какъ и королевской власти, на личную свободу и независимость гражданъ были уничтожены.

Хотя индивидуальный типъ гораздо менѣе, чѣмъ типъ общинный, склоненъ къ тому, чтобы жить политикою, но зато онъ гораздо болѣе послѣдняго требуетъ, чтобы его личная инициатива, направленная къ устройству его судьбы, не встрѣчала для этого препятствій. Онъ не выноситъ ни вмѣшательства власти, ни избытка налоговъ. Его постоянное стремленіе заключается въ томъ, чтобы заставить власть быть только простымъ блюстителемъ общественнаго спокойствія, необходимаго для дѣлъ. Стремленіе же народовъ общинной формаціи, считающихъ своимъ идеаломъ жизнь на казенный счетъ, заключается въ томъ, чтобы возможно болѣе нарушать общественный покой, ибо каждый дѣятель безпорядка питается тайною надеждою, что съ побѣдою его партіи ему достанется удобное мѣсто въ администраціи. Вѣдь только для этого, а не для чего-либо другого мы

пережили цѣлый рядъ революцій, вѣдь только для этого совершаются онѣ почти каждый день и въ Южной Америкѣ.

Но если такимъ образомъ для индивидуальной формаціи наслѣдственная аристократія является совершенно чуждою, то съ другой стороны народы этого типа производятъ свой собственный высшій классъ людей, извѣстныхъ подъ именемъ джентльменовъ. Джентльменъ разнится отъ лорда тѣмъ, что его званіе не наслѣдственное, а благопріобрѣтенное. Посвященіе въ него совершается не авторитетомъ власти, а общественнымъ мнѣніемъ. Называя кого-нибудь джентльменомъ обыкновенно имѣютъ въ виду цѣлую сумму такихъ трудно опредѣлимыхъ качествъ, которыя внушаютъ человѣку почтеніе. Джентльменомъ можетъ быть человѣкъ всякой профессіи и самаго скромнаго состоянія, и наоборотъ — общественное мнѣніе отказываетъ иногда въ этомъ титулѣ человѣку высокаго рожденія, если въ его поступкахъ замѣчается недостатокъ порядочности. Въ общемъ же джентльменъ представляетъ собою такую же форму аристократіи у Англо-Саксовъ, какъ дворянинъ или лордъ у Норманновъ.

У насъ въ такъ называемый избранный классъ попадаютъ люди только благодаря тому, что занимаются однѣми профессіями и уклоняются отъ другихъ. Подобно Индусамъ мы исповѣдуемъ, что есть занятія чистыя и нечистыя, занятія благородныя и занятія унижающія человѣческое достоинство. Армія, администрація и либеральныя

профессіи составляютъ первую группу. Земледѣліе, а въ особенности промышленность и торговля — вторую.

Такая кастовая черта, занесенная было Норманами въ Англію, стирается тамъ теперь все болѣе и болѣе. Въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ формація личнаго типа почти совершенно освободилась отъ чужеземнаго вліянія, подраздѣленіе занятій на категоріи уже исчезло. Тамъ цѣнятъ человѣка по его собственному удѣльному вѣсу, т. е. по его энергіи, выносливости и предпріимчивости, и если кто хочетъ видѣть къ чему поведетъ эта очистка англо-саксонскаго типа и полное переустройство его на началахъ индивидуальной формаціи, то не спускайте глазъ съ Соединенныхъ Штатовъ, на огромномъ просторѣ которыхъ растетъ, ширится и уже проливается черезъ край огромная завоевательная сила.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Домашній очагъ.

I.

Для того, кто хотѣлъ бы разрѣшить самъ и объяснить другимъ вопросъ о лучшемъ устройствѣ общества, главное затрудненіе заключается не въ томъ, чтобы знать конечную цѣль, а въ томъ, чтобы найти путь, по которому надо къ ней двигаться. Въ самомъ дѣлѣ, какой смыслъ въ томъ, что намъ скажутъ, что гдѣ-то въ лѣсу зарытъ большой кладъ, если мы не будемъ знать къ нему дороги? Обозначить же этотъ путь, намѣтить на немъ первый этапъ—это значитъ направить читателя по вѣрному слѣду.

Во время нѣсколькихъ пребываній въ Англіи, я былъ очень озабоченъ вопросомъ о томъ, какимъ образомъ происходитъ постепенное измѣненіе типовъ. Почва для подобныхъ наблюденій была особенно благопріятна, такъ какъ на всемъ земномъ шарѣ не существуетъ страны, гдѣ бы

въ такихъ условіяхъ соприкасались между собою самые разнообразные представители общинной формаціи и формаціи индивидуальной, какъ въ Англіи. Здѣсь вы видите цѣлую гамму общественныхъ элементовъ, сгруппированныхъ на опредѣленныхъ мѣстахъ, а процессъ очистки и перегонки типа общинной формаціи въ формацію индивидуальную совершается такимъ образомъ, что вы очень ясно можете прослѣдить всѣ фазы постепеннаго превращенія общинника Кельта въ индивидуалиста Англо-Сакса.

Осматривая каменноугольныя копи и ферму въ окрестностяхъ Эдинбурга и описывая въ предыдущей главѣ мои впечатлѣнія, я отмѣтилъ тотъ контрастъ между жилищами шотландскихъ и ирландскихъ рабочихъ, который поразилъ меня съ перваго взгляда и вмѣстѣ съ тѣмъ у меня тогда же впервые явилась мысль о томъ, что интересующая меня общественная эволюція начинается прежде всего съ домашняго очага.

II.

Многіе изъ экономистовъ и соціологовъ, въ особенности Le Play, обратили уже вниманіе на большое общественное значеніе домашняго очага.

Устойчивость очага, владѣніе имъ на правахъ собственности и наслѣдственная передача его совершенно справедливо считаются весьма серьезными реформами въ жизни отдѣльнаго человѣка,

семьи и общества. Но эти же самыя условія, по отношенію къ изслѣдуемому нами вопросу о томъ, какимъ образомъ совершается измѣненіе типа общиннаго въ типъ индивидуальный, не имѣютъ никакого значенія.

Доказательствомъ этому можетъ служить тотъ фактъ, что устойчивость очага, право собственности на него и наслѣдственная передача его бываютъ иногда выражены гораздо сильнѣе у народовъ общинной формаціи, чѣмъ у индивидуалистовъ.

Въ самомъ дѣлѣ, нигдѣ въ мірѣ не существуетъ домашній очагъ болѣе устойчивый, чѣмъ у русскихъ крестьянъ, Болгаръ и Сербовъ. Онъ передается отъ отца къ сыну или отъ одной семейной общины къ другой съ незапамятныхъ временъ. Во Франціи, въ Оверни, Севенахъ, Пиренеяхъ, Альпахъ и Бретани домашніе очаги наиболѣе устойчивы и какъ разъ населеніе этихъ мѣстъ и до настоящаго времени лучше всего сохраняетъ общинное устройство.

Для того, чтобы уяснить себѣ, въ чемъ же заключается главный пунктъ такого противорѣчія, надо совершенно точно разграничить понятія о домашнемъ очагѣ, т. е. понятіе, присущее народамъ общинной формаціи, отдѣлить отъ понятія, присущаго индивидуалисту.

У первыхъ подъ словомъ очагъ подразумѣвается главнымъ образомъ совокупность домашней обстановки, жилища, земли, родителей, друзей и сосѣдей.

«Надо, чтобы изба дымилась», говоритъ Оверня и Пиренеецъ и для того, чтобы заставить ее дымить каждая семья готова на всевозможныя жертвы. Младшіе сыновья соглашаются на уменьшенную выплату причитающейся имъ доли наслѣдства, а дяди и тетки отказываются отъ брачной жизни, давая этимъ возможность избранному отцомъ наслѣднику сохранить за собой домъ и землю, гдѣ большею частью ютятся и они сами или откуда во всякомъ случаѣ получаютъ извѣстную помощь.

Въ общемъ у этихъ людей мысль объ очагѣ соединяется съ вполнѣ опредѣленнымъ домомъ и вполнѣ опредѣленнымъ мѣстомъ. Къ этому дому и мѣсту они привязываются такъ крѣпко точно приростаютъ къ землѣ и камнямъ. Они привязываются къ своимъ избамъ, какъ плющъ къ старой стѣнѣ. Они страстно любятъ свой очагъ, но любятъ его по-своему.

Войдите, напримѣръ, въ избу русскаго крестьянина, въ избу Болгарина, Серба, Оверня, Пиренейца, Провансальца или Бретонца и поговорите съ хозяиномъ ея. Вы услышите, что домъ, въ которомъ живетъ его семья, переходитъ отъ отца къ сыну съ незапамятныхъ временъ, что въ немъ родился и воспитался цѣлый рядъ поколѣній. Этотъ древній очагъ стало быть устойчивъ, какъ нельзя болѣе, но обведите глазами его внутренность и вы не только не увидите тамъ ни малѣйшихъ слѣдовъ, оставленныхъ рядомъ живущихъ здѣсь поколѣній, а, наоборотъ,

вся обстановка этого дома говоритъ вамъ, что люди какъ будто бы только что въѣхали сюда и не имѣли еще достаточно времени для того, чтобы устроить свое жилище. Вы видите, что одна и та же комната служитъ имъ и кухней и спальней; вся меблировка этой комнаты состоитъ изъ грубо сколоченнаго стола, нѣсколькихъ скамей и палатей. Рядомъ съ жильемъ хлѣвъ, тонкая досчатая оттородка котораго свободно пропускаетъ въ избу всѣ испаренія животныхъ...

Какъ видите, люди, такъ страстно любящіе свой очагъ, ничуть не заботятся о томъ, чтобы сдѣлать его хоть мало-мальски удобнымъ и привлекательнымъ. Они не дѣлаютъ это потому, что любятъ очагъ не ради его самого, а ради той поддержки, которую они тамъ находятъ, ради особаго тщеславія. Они гордятся своей принадлежностью къ семьѣ, которая съ давнихъ поръ живетъ на одномъ мѣстѣ и владѣетъ тѣмъ же родительскимъ имуществомъ. Они гордятся своимъ родствомъ или близкимъ знакомствомъ съ другими семьями, имѣющими очагъ такой же древній и такой же устойчивый.

Этимъ тщеславіемъ они проникаются настолько, что, имѣя, напримѣръ, большой запасъ бѣлья, какъ это часто случается съ богатыми крестьянами, они употребляютъ его не для носки, а для того, чтобы, при случаѣ, блеснуть этою роскошью передъ сосѣдями и похвастаться передъ ними своею зажиточностью. Это совершенно въ характерѣ общинника, живущаго бо-

лѣе показною жизнью, чѣмъ внутреннею, больше для другихъ, чѣмъ для себя самого.

Такое стремленіе замѣтно, впрочемъ, и у обывателей нашихъ большихъ городовъ, хотя устойчивость очага уже исчезла.

Обычный типъ парижскаго очага—это огромный многоэтажный домъ съ многочисленными квартирами. Глядя снаружи на эти въ нѣкоторомъ родѣ дворцы, незнакомый съ ихъ жизнью могъ бы сказать: «Вотъ семьи, которыя устроились комфортабельно!» Но войдите внутрь и вы увидите, что это не семейный домъ, а своего рода коммуна, состоящая изъ ряда квартиръ. Здѣсь живетъ столько семействъ, сколько этажей и часто нѣсколько семействъ въ одномъ этажѣ. Загляните теперь въ одну изъ этихъ квартиръ. Вотъ, прежде всего гостиная и столовая. Онѣ довольно обширны, хорошо убраны и выходятъ на улицу,—это комнаты для показа, для чужихъ—это пріемныя. Вы ищете жилыхъ комнатъ и находите ихъ въ задней части дома; онѣ крохотны, окна упираются въ противоположную стѣну узкаго двора-колодца; здѣсь мало свѣта и еще менѣе воздуха—это очагъ семьи!

Какъ видите,—въ общинномъ типѣ и горожанинъ, совершенно такъ же какъ крестьянинъ или рабочій, очень мало заботятся объ удобномъ и красивомъ устройствѣ своего очага.

Совершенно другой взглядъ на домашній очагъ существуетъ у индивидуалиста. Характернымъ типомъ жилища его является коттеджъ—малень-

кій особнякъ, заключающій въ себѣ лишь столько комнатъ, сколько нужно для помѣщенія одной семьи. Жилище дополняется обыкновенно садомъ большей или меньшей величины, въ зависимости отъ богатства семьи и отъ того, живетъ ли она въ городѣ или въ деревнѣ. Такія жилища разсѣяны по всей Англіи, въ особенности въ окрестностностяхъ большихъ городовъ. Въ этихъ послѣднихъ они также составляютъ обычный типъ, вполнѣ отвѣчающій взглядамъ Англо-Сакса на свой очагъ. Ибо, не опираясь ни на семью, ни на общину, ни на родственныя и дружескія связи, а разсчитывая только на самого себя, Англо-Сакъ и устраивается не для другихъ, а для самого себя. На домашній очагъ онъ смотритъ, какъ на своего рода фортъ, защищающій его независимость. Онъ называетъ его непереводимымъ словомъ, въ которое онъ вкладываетъ всю душу,—home.

Въ то время, какъ у общинника слово очагъ обозначаетъ совокупность матеріальныхъ условій, слово home родитъ у Англо-Сакса представленіе духовное. Оно обозначаетъ внутреннее устройство дома, доставляющее всѣ удобства и способствующее спокойной и красивой интимной жизни семьи.

При такомъ противорѣчивомъ взглядѣ типовъ обѣихъ формацій на свой домашній очагъ, послѣдній является именно тѣмъ перекресткомъ, отъ котораго индивидуалистъ и общинникъ начинаютъ свою общественную эволюцію по двумъ совершенно противоположнымъ направленіямъ.

Для того, чтобы прослѣдить эту эволюцію, разсмотримъ, какое вліяніе оказываетъ жилище на человѣка.

Прежде всего хорошо устроенное жилище развиваетъ въ человѣкѣ чувство собственнаго достоинства и независимости.

Въ самомъ дѣлѣ нарисуйте въ своемъ воображеніи возможно точнѣе тѣ отвратительныя жилища ирландскихъ рабочихъ, о которыхъ я говорилъ выше, или не менѣе жалкія помѣщенія нашихъ городскихъ и деревенскихъ рабочихъ и затѣмъ представьте себѣ людей родившихся, воспитанныхъ и всѣ дни живущихъ въ хижинѣ, напоминающей собою шалашъ дикаря. Поставьте себя хоть одну минуту на ихъ мѣсто и вы придете къ выводу, что такая обстановка благопріятствуетъ выработкѣ въ человѣкѣ скорѣе одичалости, грубости, недовольства и недовѣрія къ себѣ, чѣмъ чувства собственнаго достоинства и независимости.

Вспомните теперь того англо-саксонскаго рабочаго, въ окрестностяхъ Эдинбурга, жена котораго показывала намъ свое жилище, и того рабочаго механика въ Пиниквикѣ, у котораго я пилъ чай. Несомнѣнно, что, возвращаясь съ работы и входя въ свой хорошо поставленный домъ, они испытывали на себѣ ежедневное, прямое и сильное вліяніе своей относительно красивой и удобной обстановки, они чувствовали себя людьми, имѣющими право на извѣстное уваженіе. А человѣкъ, у котораго появилось такое чувство, уже

не можетъ не испытывать потребности къ развитію, — подобно начинающему ходить ребенку, онъ сдѣлалъ первый и самый трудный шагъ.

Кромѣ развитія чувства собственнаго достоинства, то или другое устройство домашняго очага оказываетъ свое вліяніе и на характеръ дѣятельности человѣка.

Народы, довольствующіеся малымъ и живущіе кое-какъ, не отличаются честолюбіемъ въ трудѣ и производятъ типъ дешевыхъ работниковъ. Наоборотъ, тѣ, у которыхъ жизненные запросы шире, кто привыкъ къ болѣе удобному жилищу и болѣе изысканной обстановкѣ, вынуждены работать больше и лучше, но зато и ихъ усиліе въ трудѣ поддерживается тѣмъ, что они работаютъ для результата видимаго, осязаемаго и слѣдующаго непосредственно за трудомъ.

Я хорошо представляю себѣ моего знакомаго механика изъ Пиникика въ тотъ моментъ, когда онъ хотѣлъ пріобрѣсти себѣ буфетъ, піанино или коверъ, украшающій его гостиную. Несомнѣнно, что подбадриваемый этою мыслью, онъ прилагалъ много усердія и воображенія для того, чтобы увеличить свой заработокъ. Тысячи рабочихъ, которые въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ слушаютъ платные курсы въ народныхъ университетахъ, представляютъ собою ясное доказательство этого стремленія къ усилію. Они не отступаютъ передъ такимъ дополнительнымъ и ими самими оплачиваемымъ трудомъ для того, чтобы улучшить свое положеніе.

Вы скажете, можетъ быть, что страсть къ экономіи, которою отличаются многіе изъ нашихъ рабочихъ, есть также средство, побуждающее къ усилію и труду. Конечно да, но только это средство весьма ограниченной силы, ибо если люди экономятъ для дѣтей, то они работаютъ на другихъ и на результатъ настолько невидимый и далекій, что для такого труда нуженъ извѣстный героизмъ, а эта добродѣтель свойственна весьма немногимъ. Если же сберегаютъ для себя, для того, чтобы положить деньги въ банкъ, то сколько трудовыхъ дней надо рабочему, чтобы собрать сто франковъ, а они дадутъ ему доходъ всего лишь три франка! Онъ находитъ, что такой результатъ не стоитъ усилій; и, дѣйствительно, посмотрите на всѣ учрежденія, созданныя правительствомъ въ цѣляхъ развитія экономіи среди рабочихъ,—процвѣтаніе ихъ довольно призрачное; въ среднемъ на каждаго рабочаго приходится весьма небольшая сумма сбереженій; во всякомъ случаѣ значительно меньше той, которую англосаксонскій рабочій, безъ всякаго пособія со стороны правительства и благотворительныхъ обществъ, вкладываетъ въ свою обстановку.

Вы скажете, что эти деньги израсходованы имъ, а не отложены. Дѣйствительно, онѣ израсходованы, но не потеряны и даже, если хотите, помѣщены на очень большіе проценты, потому что помѣщены въ развитіе трудовой энергіи, а это не три на сто, а сто на сто.

Рабочій, который купилъ себѣ буфетъ, піанино или коверъ, имѣетъ возможность насладиться плодами своего труда немедленно, наслаждаться въ большемъ размѣрѣ и каждый день.

Представьте себѣ чувство человѣка, скопившаго 100 франковъ и получающаго на нихъ процентовъ всего лишь три франка и притомъ одинъ разъ въ годъ, и сравните это чувство съ чувствомъ рабочаго, собравшаго 100 франковъ и сейчасъ же покупающаго на нихъ тотъ предметъ, который ему весьма желателенъ, который украситъ его очагъ и на который онъ будетъ любоваться ежедневно.

Нѣтъ сомнѣнія, что во второмъ случаѣ успѣхъ является болѣе ободряющимъ и поощряющимъ къ новому усилію. Вслѣдъ за одною желательною вещью оказывается необходимою другая, далѣе человѣку желательна болѣе просторная квартира, новое украшеніе ея. Словомъ, вступивъ на этотъ путь, человѣкъ становится болѣе требовательнымъ и болѣе утонченнымъ въ своихъ вкусахъ, а такъ какъ удовлетворить ихъ можно съ помощью труда, то въ силу необходимости онъ становится и болѣе дѣятельнымъ.

Вѣроятно, вы хотите знать, что сдѣлаетъ такой человѣкъ въ случаѣ его болѣзни и что станется съ его семьею, когда онъ умретъ. Но противъ этихъ случайностей у него есть весьма надежное средство въ видѣ чрезвычайно развитыхъ въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ страховыхъ обществъ.

Наконецъ еще одно— и притомъ самое важное вліяніе домашняго очага заключается въ томъ, что надлежащее устройство его дѣлаетъ человѣка способнымъ къ превращенію въ джентльмена, т. е. къ переходу въ тотъ единственный высшій классъ людей, который признаетъ формація индивидуалиста.

Общинная формація создала очень узкую общественную іерархію. Ранги и классы ея разграничены точно, а переходъ изъ низшаго класса въ высшій весьма труденъ. Рабочій съ трудомъ поднимается въ среднее сословіе, и когда, наконецъ, съ помощью богатства, онъ превращается въ буржуа, онъ все же по своимъ манерамъ, привычкамъ, вкусамъ и образу жизни остается прежнимъ рабочимъ. Онъ не такъ легко разстается съ своею грубостью. Это объясняется тѣмъ, что его общественный подъемъ совершился главнымъ образомъ благодаря экономіи, а послѣдняя въ свою очередь составлялась, благодаря всевозможнымъ лишеніямъ и жизни узкой и скаредной. Человѣкъ экономилъ на квартирѣ, на одеждѣ, на мебели, на общеніи съ людьми. Эта привычка остается потомъ за нимъ на всю жизнь.

Мнѣ приходилось наблюдать въ провинціи весьма любопытный типъ этого рода. Лѣтъ сорокъ назадъ этотъ человѣкъ началъ торговлю въ качествѣ странствующаго торговца. Онъ продавалъ кнуты, возжи и принадлежности сбруи, перевозя ихъ изъ деревни въ деревню на небольшой телѣжкѣ. Скопивъ нѣкоторую сумму, онъ

купилъ маленькій плавильный заводъ, работавшій водяною силою, и началъ самъ выдѣлывать мундштуки, кольца, пряжки и другіе предметы конской упряжи. Когда къ концу его жизни я познакомился съ нимъ, заводъ его уже былъ расширенъ, въ немъ работало сорокъ человѣкъ. Онъ успѣлъ купить хуторъ во сто десятинъ и три или четыре дома по сосѣдству. Его имущество оцѣнивалось въ полмилліона франковъ. И вотъ этотъ богачъ, не имѣвшій притомъ дѣтей, до самаго послѣдняго дня жилъ, какъ простой рабочій. Онъ сохранилъ манеры, языкъ и одежду чернорабочаго. Поднявшись до богатства, онъ не сумѣлъ однако подняться на общественной лѣстницѣ даже на первую ступень.

Почему же онъ оказался такъ слабо развитымъ въ этомъ отношеніи? Единственно потому, что съ дѣтскихъ лѣтъ въ родительскомъ домѣ онъ не пріобрѣлъ привычки ни къ мало-мальски приличной обстановкѣ, ни къ опрятности въ одеждѣ, ни къ приличію языка.

Между различными типами, составляющими французскую націю, есть одинъ по имени Оверня, надѣленный замѣчательными способностями къ торговлѣ и не менѣе замѣчательнымъ характеромъ въ смыслѣ бережливости. Часто грошъ за грошемъ онъ успѣваетъ сколотить даже крупное богатство, но, несмотря на это, онъ никогда не идетъ дальше мелочной торговли и никогда не разстается съ весьма не милыми привычками овернскаго крестьянина, страшно мѣ-

шающими подъему его въ общественномъ смыслѣ. Яркій примѣръ этому мы находимъ въ монографіи «Овернскій старьевщикъ въ Парижѣ». Парижскіе старьевщики могутъ быть подраздѣлены на два класса—Оверня и Нормандцы. И тотъ, и другой весьма умѣренны, трезвы и бережливы. Они чуждаются общества парижскихъ рабочихъ, расточительная жизнь которыхъ пугаетъ ихъ.

«Оверня скупаетъ старую одежду, въ особенности вышедшіе изъ употребленія башмаки и шляпы, но онъ понимаетъ въ нихъ менѣе, чѣмъ его конкурентъ, и, кромѣ того, когда оба они являются въ домъ для покупки—болѣе опрятный и болѣе вѣжливый Нормандецъ внушаетъ своею внѣшностью большее довѣріе у продающаго. Онъ лучше одѣтъ, говоритъ съ большимъ приличіемъ и благодаря этому почти всегда одерживаетъ побѣду надъ своимъ соперникомъ. И вотъ Оверня, не смотря на свое упорство и настойчивость, долженъ уступить Нормандцу прибыльныя дѣла со старою одеждою на менѣе выгодную торговлю тряпками, желѣзнымъ ломомъ, костями и кроличьими шкурками».

Такимъ образомъ даже въ такихъ, не требующихъ большой утонченности, общеніяхъ съ людьми Оверня и на старости лѣтъ терпитъ послѣдствія того вліянія, которое въ дѣтствѣ оказалъ на него убогій очагъ его деревни.

Возвратимся теперь къ нашимъ рабочимъ въ окрестностяхъ Эдинбурга. Воспитанные сами въ обстановкѣ хотя и скромной, но такой, которая

дала имъ первыя понятія о приличіяхъ одежды, жилища, манеръ, языка, они въ такихъ же условіяхъ воспитываютъ и своихъ дѣтей. Изъ такой среды человѣкъ выходитъ если не совсѣмъ утонченнымъ, то во всякомъ случаѣ подготовленнымъ къ тому, чтобы легче воспринять эту утонченность, то-есть съ теченіемъ времени и при благопріятныхъ обстоятельствахъ обратиться въ настоящаго джентльмена.

Въ доказательство этому можно привести тысячи фактовъ изъ жизни лицъ, которыя, выйдя изъ рабочаго класса и достигнувъ высшаго положенія, явились дѣйствительными джентльменами. Извѣстно, что бывшій президентъ С.-А. Соединенныхъ Штатовъ Кливеландъ началъ свою карьеру мальчикомъ для посылокъ въ мелочной лавкѣ. Губернаторъ Новой Зеландіи лордъ Глазговъ въ тринадцать лѣтъ былъ простымъ юнгой на кораблѣ. Знаменитый Франклинъ былъ чернорабочимъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ удивителенъ не самый фактъ подъема людей отъ такихъ низовъ къ такимъ верхамъ, а удивительно то, что такіе люди считаются у Англо-Саксовъ не единицами и что скромное происхожденіе ихъ никогда не оставляетъ по себѣ тѣхъ неизгладимыхъ чертъ, которыя мы замѣчаемъ у нашихъ случайно выдвинувшихся людей. Этого нельзя объяснить ничѣмъ другимъ, какъ вліяніемъ домашняго очага.

Наконецъ вотъ еще одинъ характерный фактъ. Извѣстно, что въ Англіи во многихъ поѣздахъ

нѣтъ вагоновъ второго класса, а число пассажировъ перваго гораздо меньше, чѣмъ на материкѣ. Вся лучшая публика, включая даже такихъ высокопоставленныхъ лицъ, какъ родственникъ королевскаго дома герцогъ Кумберлендскій, ѣздитъ въ третьемъ классѣ. Наоборотъ, французы даютъ въ среднемъ весьма большое количество пассажировъ перваго класса.

Такой фактъ ни въ какомъ случаѣ нельзя объяснить расчетливостью, потому что, въ противоположность крайне экономному французу, Англичане и Американцы любятъ жить широко. Единственное объясненіе заключается въ разницѣ одежды и манеръ низшихъ классовъ на материкѣ и въ странѣ Англо-Саксовъ. Насъ шокируетъ костюмъ и манера людей плохо воспитанныхъ, большая же благовоспитанность низшихъ классовъ у Англо-Саксовъ дѣлаетъ соприкосновеніе съ ними мало чувствительнымъ. Добавимъ къ этому, что, пользуясь главнымъ образомъ третьимъ классомъ, Англичане вовсе не думаютъ тѣмъ самымъ ограничить свой комфортъ. Третій классъ устроенъ у нихъ гораздо лучше нашего второго, а на нѣкоторыхъ линіяхъ почти такъ же роскошно, какъ нашъ первый, при чемъ чистота и порядокъ въ нихъ несравненно лучше, чѣмъ у насъ.

III.

Совершенно такъ же, какъ задача жизни заключается не въ томъ, чтобы все время поддерживать существованіе человѣка съ помощью лекарствъ, такъ и задача общественная состоитъ не въ томъ, чтобы все время оказывать ему помощь. И вспомоществованіе и лекарства, какъ средства къ жизни, оба не нормальны, и нѣтъ другого рѣшенія общественной задачи какъ то, при которомъ человѣкъ ставится въ такое положеніе, когда онъ можетъ обходиться безъ посторонней помощи. Истинная безопасность общества будетъ достигнута лишь тогда, когда каждый начнетъ заботиться о самомъ себѣ.

Такое мнѣніе не можетъ конечно понравиться ни политическимъ, ни другимъ дѣятелямъ, живущимъ нищетою народною и поэтому заинтересованнымъ въ поддержкѣ ея. Но наука чуждается своекорыстныхъ соображеній и идетъ путемъ, указываемымъ ей фактами. Эти факты приводятъ насъ къ заключенію, что первымъ средствомъ для самоулучшенія общинника, когда онъ входитъ въ соприкосновеніе съ представителями формаціи индивидуальной, является лучшее устройство домашняго очага.

Такъ какъ у насъ непосредственнаго соприкосновенія съ индивидуальною расою нѣтъ, а слѣдовательно и простого заимствованія у нея примѣра не можетъ быть, то наша эволюція должна идти нѣсколько инымъ путемъ.

Начало ея принадлежитъ нашему зажиточному классу. Въ настоящее время онъ тратитъ много усилій и денегъ на то, чтобы жить широко внѣ своего очага, чтобы расширять и поддерживать банальныя связи. Онъ питаетъ глубокое отвращеніе къ деревенской жизни, гдѣ внѣшняя жизнь гораздо трудѣе. Въ своемъ очагѣ онъ заботится о роскошной обстановкѣ пріемныхъ комнатъ и полагаетъ совершенно излишнимъ дать удобное устройство части жилища, предназначенной для семьи. Онъ дѣлаетъ свой очагъ непривлекательнымъ ни для себя, ни для дѣтей. Онъ не отводитъ особой дѣтской, гдѣ бы дѣти могли чувствовать себя въ своихъ собственныхъ владѣніяхъ и гдѣ бы они съ раннихъ лѣтъ привыкали къ независимости. Въ общемъ наши дѣти являются большими жертвами нашего очага, а самъ очагъ предназначается скорѣе для чужихъ, чѣмъ для насъ самихъ.

При такихъ условіяхъ первымъ шагомъ къ нашему общественному самоулучшенію будетъ сосредоточеніе нашего вниманія на нашей частной жизни. Необходимо сдѣлать нашъ домашній очагъ не общественнымъ мѣстомъ, а устроиться въ немъ, какъ въ мѣстѣ, принадлежащемъ намъ самимъ, и устроиться такъ, чтобы домашняя жизнь была дѣйствительно пріятною. Въ хорошо поставленной домашней жизни есть какая-то неопредѣленная, но вмѣстѣ съ тѣмъ и огромная сила, безъ наличности которой не возможенъ никакой общественный подъемъ.

Но если наши высшее и среднее сословія могутъ выполнить эту эволюцію сами по себѣ, при условіи, конечно, если они хотятъ этого, то совсѣмъ другое необходимо для рабочаго класса. Послѣдній не знакомъ съ общественными науками, не имѣетъ о нихъ никакого представленія и, не видя передъ глазами живого примѣра, требуетъ помощи.

Поэтому сейчасъ я позволю себѣ обратиться въ особенности къ тѣмъ, кто занятъ дѣлами благотворительности. Очень часто они помогаютъ рабочему и покровительствуютъ ему всякими способами, при чемъ ихъ усилія оканчиваются обыкновенно или безплодно, или же даютъ въ результатѣ полное атрофированіе способности рабочаго къ самоулучшенію въ общественномъ смыслѣ. Всякая благотворительность, цѣль которой заключается не въ томъ, чтобы сдѣлать самую себя ненужною людямъ (т. е. сдѣлать людей способными помогать самимъ себѣ), представляетъ собою не доброе дѣло, а наказаніе Божіе, ибо вмѣсто того, чтобы развить у людей самодѣятельность, она заражаетъ ихъ безсиліемъ.

Въ отношеніи рабочаго класса задача благотворителя сводится къ тому, чтобы помочь этимъ темнымъ людямъ улучшить самихъ себя и лучше воспитывать своихъ дѣтей.

Въ настоящее время я съ большимъ интересомъ слѣжу за такого рода опытами, предпринятыми однимъ изъ моихъ друзей.

Въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ его имѣніемъ находится небольшой заводъ съ пятьюдесятью рабочими. Около двадцати семействъ этихъ рабочихъ живутъ при заводѣ въ помѣщеніяхъ, нанятыхъ для нихъ за 50—60 франковъ въ годъ. Это не дома, а настоящія лачуги; двери и окна въ нихъ не закрываются, поэтому зимою тамъ страшный холодъ, а круглый годъ отвратительная грязь; обстановка въ домахъ самая нищенская; семьи оборваны; въ довершеніе несчастія часть этихъ людей предана пьянству. Вотъ матеріалъ, надъ которымъ рѣшилъ попробовать свои силы мой пріятель.

Благодаря близкому сосѣдству съ заводомъ и уединенію деревенской жизни знакомство его съ рабочими установилось весьма просто и само собою. Сначала къ нему начали приходить за лекарствомъ и совѣтами, затѣмъ его жена отправилась навѣстить больныхъ дѣтей и была встрѣчена съ большою признательностью. Во время этого посѣщенія она была поражена жалкимъ видомъ обстановки рабочихъ, въ особенности же ужаснымъ положеніемъ дѣтей, о которыхъ никто не заботился. Она рѣшила помочь дѣтямъ прежде всего одеждою; каждому ребенку выдано было платьице, но на условіи, что оно будетъ содержаться въ полномъ порядкѣ и что дѣти каждый день будутъ умыты и причесаны. Черезъ нѣкоторое время для дѣтей былъ устроенъ завтракъ и они явились на него въ очень опрятномъ видѣ.

Затѣмъ, я уже говорилъ, что представляли собою сами жилища, но и проходившая впереди ихъ дорога была не лучше. Во всякое время года она служила помойной ямой для обитателей поселка. При малѣйшемъ же дождѣ почва ея распускалась и образовывалась настоящая клоака.

Въ теченіе мѣсяца, благодаря стараніямъ моего друга, дорога была переустроена, приподнята и усыпана мелкими камнями, по краямъ прорыты были канавы, а впереди жилищъ былъ разбитъ садикъ, засаженный зелеными деревьями и цвѣтами. Этотъ садъ явился живою лекціей, лучше всякихъ словъ доказавшею, насколько маленькій садикъ красивѣе большой лужи. Рабочіе казалось поняли это, потому что нѣкоторые изъ нихъ по собственному побужденію выразили желаніе поливать деревья и цвѣты и ухаживать за ними.

Теперь очередь подходила къ самому логовищу несчастныхъ, которое нужно было превратить въ почтенный видъ, способный пробудить въ его обитателяхъ чувство человѣческаго достоинства и уваженія къ самимъ себѣ.

Благодаря счастливому обстоятельству, заключавшемуся въ прибытіи новаго директора завода, жилища рабочихъ должны были подвергнуться перестройкамъ. Мой другъ далъ себѣ обѣщаніе слѣдить за этою перемѣной, оказывать по мѣрѣ силъ помощь и отмѣчать результаты.

Обыкновенно думаютъ, что главнѣйшая трудность въ измѣненіи образа жизни рабочаго заключается въ недостаткѣ средствъ. Но вотъ вамъ

живой примѣръ невѣрности такихъ предположеній. Среди заводскихъ семей была одна, казавшаяся несчастнѣе другихъ. Ея жилище было самое убогое, дѣти — ихъ было шестеро — носили нахудшія отрепья. Семья постоянно нуждалась въ деньгахъ и непрестанно выпрашивала у директора въ счетъ заработка; наконецъ она была вся въ долгахъ и поэтому нѣкоторая часть жалованья шла на вычеты. Хозяйка этой семьи, поработавъ у моего друга одинъ день, сейчасъ же попросила два франка, потому что дома у нея не было ни копейки. Казалось бы по первому взгляду, что говорить людямъ, находящимся въ такой нуждѣ, о расходахъ на благоустройство жилища было бы злою насмѣшкой. Однако, посмотрите по платежной книжкѣ директора какое жалованье получала эта семья.

отецъ	90	франковъ
мать	60	»
старшій сынъ (19 л.) .	70	»
старшая дочь (18 л.). .	30	»
Итого. . .	250	фр. въ мѣсяцъ.

Такимъ образомъ, семья, состоящая изъ восьми человѣкъ, изъ которыхъ четверо рабочаго возраста, живетъ понищенски въ деревнѣ на годовой окладъ въ 3,000 фр., платя при этомъ за квартиру съ огородомъ всего лишь 50 фр.

Нищета является тѣмъ болѣе удивительною, что семья никогда не испытывала недостатка въ

работѣ. Вотъ уже 15 лѣтъ, какъ она работаетъ на заводѣ и если ея расходы по мѣрѣ рожденія дѣтей увеличивались, то соотвѣтственно этому увеличивался и заработокъ.

Какъ видите, если бы здѣсь вопросъ заключался въ жалованьи, то для этой семьи онъ могъ бы разрѣшиться великолѣпно. Губило эту семью дурное поведеніе. Послѣднее образуетъ огромную трещину въ бюджетѣ, какъ рабочаго, такъ и буржуа.

Буржуа живетъ скупо для того, чтобы удовлетворить своимъ вкусамъ въ отношеніи пріемовъ и туалетовъ, или для того, чтобы копить для своихъ дѣтей. Рабочій живетъ нищенски для того, чтобы бросить деньги смѣшно, глупо или предосудительно.

И тому и другому не достаетъ не денегъ, а умѣнія пользоваться ими, а главнымъ образомъ характера.

Наиболѣе разумнымъ употребленіемъ денегъ является то, когда человѣкъ прежде всего устраиваетъ себѣ на нихъ, по мѣрѣ возможности, пріятный и комфортабельный очагъ.

Такое помѣщеніе денегъ будетъ наиболѣе прибыльнымъ, потому что оно не только предохраняетъ отъ массы другихъ, болѣе тяжкихъ расходовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ высшей степени развиваетъ чувство собственнаго достоинства, независимость и способность къ труду и подъему.

Когда же человѣкъ обладаетъ этими основными качествами, то въ отношеніи самого себя онъ уже разрѣшилъ общественный вопросъ—онъ становится господиномъ самого себя и независимымъ отъ другихъ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Общественная жизнь.

Тотъ контрастъ между французскимъ и англо-саксонскимъ типами, который мы отмѣтили уже въ школѣ и въ домашней жизни, совершенно съ такою же ясностью обозначается и въ жизни общественной.

И здѣсь самобытность англо-саксонскаго творчества даетъ этой расѣ превосходство надъ другими народами и этимъ самымъ дѣлаетъ ее дѣйствительно грозною для всего міра.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Политическіе дѣятели.

I.

Съ внѣшней стороны всѣ законодательныя собранія болѣе или менѣе похожи другъ на друга. Съ высоты трибуны, и нѣмецкій Рейхстагъ, и Нижняя Палата въ Англіи, и французскій Парламентъ производятъ совершенно одинаковое впечатлѣніе. Основываясь на этомъ впечатлѣніи, можно придти къ выводу, что правительства всѣхъ этихъ странъ совершенно одинаковы, и что главная разница заключается только въ томъ, что въ одномъ законодательномъ собраніи большинство членовъ сидитъ на правыхъ, а въ другомъ на лѣвыхъ скамьяхъ, или въ центрѣ.

Но это, такъ сказать внѣшняя, видимая сторона дѣла, а есть еще другая, которая, будучи недоступною физическому глазу, въ то же самое время является наиболѣе интересною для наблюденія и существенно необходимою для сравни-

тельной оцѣнки каждаго Парламента. Подъ этою стороною я подразумѣваю ту пропорцію, въ какой представлены въ Парламентѣ не сословія и не званія, а различныя занятія (професіи).

Каждый отлично понимаетъ, что, занимаясь тою или другою спеціальностью, человѣкъ заимствуетъ у нея особыя идеи, особыя способности и особую манеру смотрѣть на вещи и судить о нихъ. Сельскій хозяинъ, промышленникъ, купецъ, докторъ, адвокатъ, чиновникъ имѣютъ каждый свой собственный складъ мысли. Они смотрятъ на вещи не подъ однимъ угломъ зрѣнія и являются представителями не однихъ и тѣхъ же интересовъ. Съ другой стороны ихъ интересы являются не одинаково важными для общества; они могутъ играть не только разныя, но часто противоположныя роли. А отсюда слѣдуетъ:

1) Въ зависимости отъ того, какія професіи пользуются въ странѣ наибольшимъ почетомъ, вліяніемъ и силою — и большинство народныхъ представителей будетъ изъ этихъ професій.

2) Изъ какихъ професій образуется большинство народныхъ представителей, тѣ професіи будутъ наилучшимъ образомъ отстаивать и свои интересы.

Эта мысль станетъ намъ совершенно ясною, когда мы разсмотримъ изъ какихъ элементовъ составлена французская Палата Депутатовъ.

Не безъ большихъ препятствій и продолжительнаго труда удалось мнѣ разобраться въ этихъ элементахъ. Я долженъ былъ изучать одну за другою біографіи нашихъ депутатовъ, отмѣ-

чать въ нихъ наиболѣе характерныя черты и затѣмъ уже я распредѣлилъ нашихъ народныхъ представителей по группамъ, какъ это видно изъ слѣдующей таблицы:

ПРОФЕСІИ.	Лѣвые.	Правые.	Всего.	Общій итогъ.	Выводъ.	
Земельные собств.	8	14	22	72	Отъ земледѣл.	72
Сельскіе хозяева	16	37	50			
Промышленники.	27	14	41	41	Промышлен..	41
Торговцы	14	3	17	22	Торгов.	22
Банкиры.	2	3	5			
Члены университетовъ	12	—	12	12	Либеральн. проф.	270
Врачи.	47	3	50	53		
Фармацевты	3	—	3			
Гражданскіе инженеры	5	2	7	7		
Журналисты	54	5	59	59		
Профессора правъ	5	1	6	139		
Нотаріусы	14	3	17			
Повѣренные	9	—	9			
Адвокаты	81	26	107			
Священники	1	1	2	2	Духов.	2
Офицеры сухопути.	1	2	3	6	Армія и флотъ.	6
» морскіе	—	3	3			
Судьи.	12	11	23	95	Чиновн.	95
Чиновники.	39	33	72			
Неопредѣлен. профес.	22	21	43	43	Неопр. профес	21

Изобразимъ теперь эту же самую таблицу въ видѣ чертежа, который дастъ намъ болѣе наглядное представленіе о составѣ нашего народнаго представительства.

СОСТАВЪ ФРАНЦУЗСКОЙ ПАЛАТЫ ДЕПУТАТОВЪ

СОСТАВЪ АНГЛІЙСКОЙ НИЖНЕЙ ПАЛАТЫ

II.

Строго говоря, общество могло бы жить безъ адвокатовъ, безъ журналистовъ, врачей, профессоровъ и чиновниковъ, но оно не можетъ жить безъ земледѣльцевъ, доставляющихъ ему первые продукты питанія, безъ фабрикантовъ, вырабатывающихъ предметы первой необходимости, и безъ коммерсантовъ, развозящихъ всѣ эти предметы по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ въ нихъ встрѣчается наибольшая надобность.

Благодаря этому, земледѣліе, промышленность и торговля являются самыми полезными и необходимыми. Когда эти главныя занятія находятся въ застоѣ, задерживается ходъ и общественной жизни; когда они гибнутъ, то и съ общественнымъ организмомъ совершается то же, что совершается съ человѣческимъ тѣломъ, когда оно перестаетъ питаться.

Вглядываясь теперь въ чертежъ, мы видимъ, что эти главныя занятія имѣютъ въ нашемъ законодательномъ собраніи очень малое число представителей. Этотъ фактъ, важный уже самъ по себѣ, сдѣлается еще болѣе важнымъ, если мы разберемъ каждую изъ профессій въ отдѣльности.

На нашемъ чертежѣ земледѣліе положено въ основаніе пирамиды по слѣдующимъ причинамъ: кромѣ заботы о пропитаніи населенія, земледѣліе изъ всѣхъ профессій является самымъ устойчивымъ. Свою устойчивость оно въ нѣкоторомъ смыслѣ раздѣляетъ съ тою почвою, которую обра-

батываетъ. Благодаря этому, и для общественнаго строя оно дастъ самую надежную часть населенія—людей, крѣпко привязанныхъ къ родной землѣ и къ традиціямъ страны, людей въ высшей степени положительныхъ и любящихъ порядокъ.

И вотъ эта лучшая часть населенія, выборные отъ которой должны были бы явиться основою и нашего народнаго представительства, выслала отъ себя въ Парламентъ всего 72 депутата. Цифра весьма скромная, но она будетъ еще скромнѣе, если мы исключимъ изъ нея тѣхъ землевладѣльцевъ, которые являются сельскими хозяевами только по имени. Такихъ депутатовъ 22. Постоянное жительство ихъ въ Парижѣ. Въ деревню они пріѣзжаютъ только какъ на дачу и въ сельскомъ хозяйствѣ понимаютъ лишь одно—получать доходы и жаловаться на плохое состояніе дѣлъ.

Само собою разумѣется, что такое ограниченное число защитниковъ интересовъ наиболѣе важнаго въ государствѣ занятія нельзя назвать иначе, какъ ненормальнымъ.

Эта ненормальность объясняется тѣмъ, что нигдѣ въ мірѣ земледѣліе не пользуется меньшимъ почетомъ, чѣмъ во Франціи. Отецъ семьи рѣшается сдѣлать изъ своего сына сельскаго хозяина только тогда, когда онъ считаетъ его неспособнымъ ни къ какой другой карьерѣ. Французъ предпочитаетъ быть чиновникомъ гдѣ-нибудь въ Новой Каледоніи, чѣмъ жить въ своемъ родномъ имѣніи.

Если въ нашемъ законодательномъ собраніи помѣщики уступили свое мѣсто и вліяніе врачамъ, нотаріусамъ и адвокатамъ, то виноватъ въ этомъ не кто другой, какъ они сами.—Я не забуду той сцены въ кабинетѣ у Le Play, при которой мнѣ пришлось присутствовать.

На другой день послѣ общихъ выборовъ одинъ крупный земельный собственникъ изъ центральной части Франціи пришелъ къ покойному ученому и возвѣстилъ ему о своей неудачѣ на выборахъ. Эта неудача казалась ему тѣмъ болѣе тяжелою, что его дѣдъ, отецъ и онъ самъ до самаго послѣдняго времени были народными представителями. Онъ горько жаловался на неблагодарность избирателей, на извращенность идей, на развитіе революціонныхъ ученій и т. д.

— Дорогой графъ,—прервалъ его Le Play,—гдѣ жилъ вашъ дѣдушка?

— На своей землѣ, онъ почти никогда не бывалъ въ Парижѣ.

— А вашъ отецъ?

— Мой отецъ послѣ женитьбы жилъ главнымъ образомъ въ Парижѣ.

— А вы?

— Точно также.

— Въ такомъ случаѣ, замѣтилъ Le Play, съ его обычною, нѣсколько рѣзкою, манерою—ваша жалоба на вашихъ избирателей кажется мнѣ несправедливою. Примите во вниманіе, что они оставались вѣрными вашему отцу и вамъ до нынѣшняго дня, хотя вы перестали жить среди

ихъ, интересоваться ихъ дѣлами и расходовать на мѣстѣ тѣ деньги, которыя вы брали изъ земли. Въ концѣ концовъ это должно было показаться имъ утомительнымъ и они выбрали человѣка, котораго по крайней мѣрѣ они видятъ каждый день и къ которому въ случаѣ надобности они могутъ обращаться за совѣтами. Этотъ человѣкъ занялъ ваше мѣсто, потому что вы въ теченіе двухъ поколѣній находились въ бѣгахъ.

Я не видѣлъ больше у Le Play этого графа, но его исторія—это исторія и многихъ другихъ. Въ одинъ прекрасный день она будетъ вѣроятно исторіею и тѣхъ крупныхъ собственниковъ, которыхъ еще пока посылаютъ въ Парламентъ Восточной провинціи.

Промышленность и торговля, являющіяся послѣ земледѣлія самыми важными элементами народнаго благосостоянія, представлены въ нашемъ Парламентѣ еще слабѣе. Промышленность выставила отъ себя всего лишь 41 депутата, а торговля 22 [1]).

Спрашивается, отчего же люди, держащіе въ своихъ рукахъ огромные интересы страны и дающіе работу массамъ населенія, такъ слабо представлены въ Палатѣ? Обвинить ихъ такъ же, какъ нашихъ помѣщиковъ, въ бѣгствѣ отъ своего дѣла нельзя. Фабрика, заводъ или магазинъ,

---

[1]) Въ нашей Государственной Думѣ были отъ промышленности 1 и отъ торговли 9 мелкихъ лавочниковъ.

Примѣч. перевод.

еще больше, чѣмъ имѣніе, требуютъ постояннаго надзора собственнаго хозяйскаго глаза. Здѣсь малѣйшее не только уклоненіе, но невниманіе къ дѣлу сейчасъ же влечетъ за собою побѣду конкурентовъ и грозитъ разореніемъ.

Но вотъ эта-то необходимость постояннаго надзора за дѣлами и является несовмѣстимою съ порядками нашего законодательнаго собранія.

При такой централизаціи, какая существуетъ въ нашей странѣ, гдѣ всѣ самыя мелкія дѣла вѣдаются центральною властью и обсуждаются Парламентомъ, сессіи послѣдняго тянутся въ теченіе большей части года. Ихъ продолжительность увеличивается еще характеромъ самихъ засѣданій, которыя по причинамъ, излагаемымъ ниже, на каждомъ шагу прерываются праздными отступленіями, личными препирательствами, колкостями и мальчишествомъ. Все это отнимаетъ бездну времени и удлиняетъ засѣданія до безконечности. Какимъ же образомъ хотите вы, чтобы промышленники и торговцы оставляли ради такого времяпрепровожденія свои насущныя дѣла? Они не колеблясь стараются держаться вдали отъ всякой кандидатуры. Они тѣмъ болѣе склонны къ такому рѣшенію, что для людей солидныхъ, привыкшихъ на всѣ важныя дѣла смотрѣть съ подобающею серьезностью, положеніе кандидата не представляетъ собою ровно ничего привлекательнаго. Еще до выборовъ необходимо подвергать себя жестокимъ нападкамъ, оскорбленіямъ и клеветѣ со стороны враждебной печати. Нужно

присутствовать на собраніяхъ, не отличающихся ни спокойствіемъ, ни разсудительностью. Кромѣ того, для подобной аудиторіи необходимъ навыкъ въ особаго рода краснорѣчіи — нужно умѣть льстить, расточать обѣщанія, даже самыя неосуществимыя, нужно умѣть говорить красиво и безсодержательно.

Промышленность и торговля плохо подготовляютъ къ такой роли, а поэтому въ нашъ Парламентъ идутъ только тѣ изъ промышленниковъ и купцовъ, которые или уже ликвидировали свои дѣла и положили свои сбереженія въ банки, или ведутъ свои дѣла такъ плохо, что еще большая потеря не можетъ пугать ихъ.

Вотъ какимъ образомъ происходитъ то, что три самыхъ важныхъ и истинно національныхъ занятія—земледѣліе, промышленность и торговля—для защиты своихъ интересовъ въ законодательномъ собраніи имѣютъ людей слишкомъ мало и при томъ не лучшаго качества.

Но кто же въ такомъ случаѣ является нашими представителями?

III.

Взгляните снова на чертежъ. Сейчасъ же надъ тремя главными занятіями вы видите огромную раздутость; она изображаетъ собою представителей либеральныхъ профессій, насчитывающихъ 270 членовъ, т. е. въ два съ лишнимъ раза болѣе, чѣмъ земледѣліе, промышленность и тор-

говля, вмѣстѣ взятыя. Въ этой группѣ преобладаютъ врачи, журналисты, нотаріусы и главнымъ образомъ адвокаты. Проникнемъ теперь въ эту массу и постараемся разобрать ея элементы.

Врачи и фармацевты занимаютъ въ нашей Палатѣ 53 мѣста, т. е. почти столько же, сколько сельскіе хозяева, и гораздо больше, чѣмъ промышленники или комерсанты.

Такой многочисленный консиліумъ законодателей-докторовъ былъ бы вполнѣ понятенъ, если бы занятія медициною вырабатывали въ человѣкѣ способности къ лѣченію и общественнаго организма. Но при всемъ добромъ желаніи нельзя найти ровно никакой связи между врачебною терапіей и политическими безпорядками и общественными волненіями.

Кромѣ того, эти безпорядки и волненія, являясь гибельными для земледѣлія, промышленности и торговли, ни малѣйшимъ образомъ не отражаются на личномъ благополучіи докторовъ, а поэтому у послѣднихъ нѣтъ и такого личнаго интереса въ существованіи общественнаго порядка, какъ у представителей только что названныхъ професій.

Наконецъ несообразно большое число врачей въ Палатѣ является тѣмъ болѣе удивительнымъ, что занятія медициною заставляютъ человѣка быть домосѣдомъ. Докторъ не можетъ отлучаться на долгое время, если не хочетъ потерять практику, ибо больные не ждутъ.

Тѣ врачи, которые имѣютъ многочисленную кліентуру, слишкомъ заинтересованы въ ея сохраненіи, для того, чтобы добиваться успѣха на выборахъ. Они не рискнутъ мѣнять свое вѣрное и прибыльное дѣло на положеніе мало обезпеченное и далеко не прочное.

При такихъ условіяхъ можно сказать съ увѣренностью, что парламентскіе врачи если и представляютъ собою отборную часть своей корпораціи, то во всякомъ случаѣ не въ смыслѣ серьезности и дѣловитости, а какъ разъ наоборотъ.

Почему же все-таки они являются избранными въ такомъ большомъ числѣ?

А вотъ почему. Мы уже видѣли, что крупные земельные собственники Франціи рѣдко живутъ въ деревнѣ. Населеніе, не видя и не зная ихъ, начинаетъ питать къ нимъ справедливое нерасположеніе и не находитъ ихъ достойными избранія только потому, что они вывозятъ деньги изъ деревни и расходуютъ ихъ въ городѣ. Оно начинаетъ отдавать предпочтеніе тѣмъ людямъ, которые постоянно живутъ въ его средѣ, т. е. врачамъ, нотаріусамъ и повѣреннымъ. Эти три разряда людей дѣйствительно пользуются въ деревнѣ большимъ вліяніемъ. Они часто встрѣчаются съ крестьянами, проникаютъ въ семейныя тайны, оказываютъ услуги въ видѣ даровыхъ совѣтовъ, выдачи денегъ въ займы и т. п. Сверхъ того, за отсутствіемъ помѣщиковъ, они являются въ деревнѣ самыми интелигентными людьми, а

поэтому крестьяне охотно поддерживаютъ ихъ на выборахъ.

Что такое объясненіе вѣрно, можно судить по тому, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ помѣщики не числятся въ бѣгахъ, а живутъ въ своихъ родовыхъ имѣніяхъ и имѣютъ общеніе съ крестьянами,—врачи, нотаріусы и повѣренные продолжаютъ также сидѣть дома и подавать помощь больнымъ, вдовамъ и сиротамъ, и всѣ находятъ такой порядокъ вещей несравненно лучшимъ.

Обращаясь снова къ таблицѣ, мы видимъ, что въ нашей Палатѣ находится 59 журналистовъ. Я не думаю, чтобы кто-нибудь сталъ утверждать, что журналисты почти такъ же необходимы государству, какъ земледѣльцы, и болѣе важны, чѣмъ промышленники и торговцы, вмѣстѣ взятые.

Я не думаю также, чтобы и личный интересъ представителей этой профессіи въ отношеніи правильнаго теченія дѣла, успокоенія умовъ и общественнаго порядка былъ большимъ, чѣмъ у земледѣльцевъ, промышленниковъ и торговцевъ.

Газета живетъ происшествіями. Во время народной смуты, когда земля плачетъ кровавыми слезами, когда фабрики и заводы покрываются отъ бездѣйствія плѣсенью и ржавчиной, газеты растутъ, какъ грибы. Чѣмъ больше появляется въ нихъ крупныхъ заголовковъ о событіяхъ, приводящихъ въ содроганіе людей мирнаго и дѣйствительно полезнаго труда, тѣмъ больше расходится газета. Наоборотъ, лишь только въ странѣ начинаетъ водворяться порядокъ и спокойствіе,—

газеты начинаютъ падать. При такихъ обстоятельствахъ только слѣпой не видитъ, что тѣ условія, которыя благопріятствуютъ хорошему состоянію земледѣлія, промышленности и торговли, для газеты очень часто являются причиною неминуемой смерти.

Но, можетъ быть, скажутъ, что журналисты самымъ родомъ своихъ занятій подготовлены къ обсужденію политическихъ дѣлъ, о которыхъ они говорятъ ежедневно? Если эти слова надо понимать въ смыслѣ готовности журналистовъ разбираться въ всякаго рода вопросахъ,—тогда я согласенъ. Но замѣчу при этомъ, что они готовы говорить такъ, какъ обыкновенно говорится въ газетѣ.

По своему положенію журналистъ обязанъ думать, судить и писать быстро. Его мысль никогда не имѣетъ возможности дозрѣть; едва успѣвъ сформироваться, она сейчасъ же идетъ въ печать. Наиболѣе выдающіеся журналисты знаютъ это и жалуются, но большинство не смущается, и, будучи преисполнено очень высокаго о себѣ мнѣнія, безъ всякаго смѣха называетъ свой трудъ священнодѣйствіемъ.

Затѣмъ журналистъ для того, чтобы привлечь на себя вниманіе публики и заставить слушать себя, долженъ возвышать свой голосъ. Это обусловливается нуждою его существованія. Онъ преувеличиваетъ такъ же естественно, какъ вы ѣдите или спите. Когда онъ называетъ кого-нибудь бездѣльникомъ и плутомъ,—это значитъ просто, что

онъ не раздѣляетъ его мнѣній. Подобная брань не влечетъ за собою послѣдствій; акустика газеты требуетъ того,—нужно кричать, чтобы заставить себя слушать. Такъ поступаютъ обыкновенно на ярмаркахъ, гдѣ сильное хлопанье по двери считается единственнымъ средствомъ для привлеченія покупателей.

Какъ вамъ кажется, однако, можетъ ли желать страна такихъ качествъ отъ своихъ политическихъ дѣятелей? Для того, чтобы обсуждать дѣла цѣлаго народа и управлять государствомъ, нужны благоразуміе, вдумчивость, зрѣлость сужденій, терпимость, здравый смыслъ и практическое знаніе дѣла. Такими качествами, безъ сомнѣнія, обладаютъ нѣкоторые журналисты, но эти качества не составляютъ принадлежности всей корпораціи — и во всякомъ случаѣ не вносятся въ Палату депутатами-журналистами.

Послѣдніе проникли во дворецъ Бурбоновъ единственно благодаря агитаціи печати во время выборовъ. Въ Палатѣ они распредѣлились по политическимъ партіямъ весьма неравномѣрно: 54 сидятъ на лѣвыхъ скамьяхъ и только 5 на правыхъ. Это произошло потому, что лѣвая опирается главнымъ образомъ на рабочихъ, а правая на крестьянъ. Такъ какъ рабочіе читаютъ газеты больше, чѣмъ крестьяне, то и радикальные журналисты находятся въ болѣе близкомъ соприкосновеніи съ массою городскихъ избирателей, чѣмъ умѣренные и правые съ массами деревенскихъ избирателей. Когда же начнутъ чи-

тать газеты и крестьяне, то и въ нашей Палатѣ будетъ вдвое болѣе журналистовъ, чѣмъ теперь.

Какъ нашествіе въ Палату врачей, нотаріусовъ и повѣренныхъ произошло благодаря тому, что наши крупные землевладѣльцы, оставивъ деревню, вмѣстѣ съ тѣмъ оставили и крестьянъ безъ извѣстнаго рода опоры и естественнаго покровительства, совершенно такъ же и нашествіе журналистовъ произошло всецѣло по винѣ промышленниковъ, которые, мало заботясь о судьбѣ рабочихъ, отдали массы этого темнаго люда на соблазнъ печати.

IV.

Но среди депутатовъ, принадлежащихъ къ либеральнымъ профессіямъ, самый многочисленный классъ составляютъ юристы. Не считая судей и лицъ, занимающихъ административныя должности, которые отнесены мною къ классу чиновниковъ, въ нашей Палатѣ находится 107 адвокатовъ.

Ни теперь, ни въ прошедшія времена не существуетъ и не существовало еще народа, который произвелъ бы на свѣтъ такое количество законовѣдовъ, какъ это мы видимъ во Франціи.

Наводнивъ собою страну, они являются истинными хозяевами и нашего народнаго представительства. Да и почему имъ не быть тамъ столь многочисленными?

Адвокатура —это такое занятіе, которое можно бросить и опять взяться за него во всякое время. Покидая его, человѣкъ не оставляетъ въ застоѣ никакого капитала. Вся фабрика адвоката заключается въ его кабинетѣ, который напчаще находится въ его собственной квартирѣ.

Избраніе въ депутаты является особенно желательнымъ адвокату, — оно дастъ ему возможность проявить талантъ краснорѣчія при весьма выгодныхъ условіяхъ — трибуна во дворцѣ Бурбоновъ гораздо выше, чѣмъ въ судѣ. Здѣсь говорятъ такъ громко, что рѣчь слышится на всю страну. Это можетъ дать адвокату кліентовъ, если онъ ихъ не имѣлъ, или увеличить число ихъ, если они были не многочисленны.

Необходимость произносить рѣчи на предвыборныхъ собраніяхъ и въ Палатѣ– та необходимость, которая приводитъ въ смущеніе многихъ земледѣльцевъ, промышленниковъ и комерсантовъ, является для адвоката только новою привлекательностью. Говорить — это его дѣло и въ этомъ заключается драгоцѣнное преимущество его передъ своими соперниками.

Но если адвокатура весьма пригодна для того, чтобы облегчить вступленіе въ Палату Депутатовъ, то съ другой стороны дастъ ли она надлежащую подготовку къ управленію государственными дѣлами?

Замѣтимъ прежде всего, что при дурномъ положеніи общественныхъ дѣлъ эта професія не несетъ такого ущерба, какъ земледѣліе, промы-

шленность и торговля. Наоборотъ, съ увеличеніемъ опасности для государства—число процессовъ гражданскихъ, уголовныхъ и политическихъ сильно увеличивается и это время является наиболѣе благопріятнымъ для процвѣтанія адвокатуры. Ясно, слѣдовательно, что личный интересъ адвокатуры не совпадаетъ съ интересами общества.

Но скажутъ, можетъ быть, что адвокатъ привыкъ разбираться въ законахъ, а стало быть способенъ и сочинять ихъ. Совершенно вѣрно, что, благодаря постоянной практикѣ, адвокаты хорошо знаютъ безконечные своды нашихъ постановленій и въ этомъ смыслѣ они являются въ Палатѣ весьма полезнымъ элементомъ, но, къ несчастью, живя постоянно среди текстовъ законовъ, они весьма склонны къ тому, чтобы придавать этимъ текстамъ верховное значеніе. Они охотно думаютъ, что человѣческія общества обязательно должны ходить въ шорахъ тѣхъ или другихъ законодательныхъ постановленій, и этимъ самымъ умаляютъ значеніе той самопроизвольной силы, которая руководитъ человѣкомъ въ его частной жизни и въ обыденныхъ занятіяхъ. Это и есть именно та профессіональная тенденція, которая въ прошломъ дѣлала юристовъ самымъ сильнымъ орудіемъ королевскаго абсолютизма противъ личной свободы и мѣстнаго самоуправленія. Это они, юристы, какъ правые, такъ и лѣвые, въ теченіе нынѣшняго столѣтія были наиболѣе неутомимыми агентами политической

централизаціи. Это они способствовали тому, что правительство наложило свою тяжелую руку на всѣ дѣла; они протестовали только тогда, когда эта рука помогала ихъ политическимъ соперникамъ. Наконецъ, юристы же главнымъ образомъ отвѣтственны и за неслыханное развитіе французской бюрократіи, разоряющей наши финансы и обезпложивающей всякую частную предпріимчивость.

Кромѣ всего этого, на ихъ совѣсти лежитъ значительная часть отвѣтственности за подрывъ довѣрія къ парламентскому режиму. Привыкши къ импровизаціи, они вмѣсто серьезнаго и дѣлового обсужденія государственныхъ вопросовъ произносятъ безконечныя, столь же блестящія, какъ и безплодныя рѣчи. Общественное мнѣніе начинаетъ уже требовать дѣловой Палаты и дѣлового кабинета.

Дѣлового кабинета! Но какой же дѣловитости вы можете требовать отъ министровъ, если они почти сплошь состоятъ изъ адвокатовъ?

Главнымъ несчастіемъ нашего парламентскаго режима является требованіе отъ нашихъ политическихъ дѣятелей большей привычки къ слову, чѣмъ къ дѣлу. Для того, чтобы сказать слово, надо взойти на трибуну, ибо у насъ не принято говорить съ мѣста, какъ это дѣлается въ англійскомъ Парламентѣ; затѣмъ, соблюдая требованія ораторскаго искусства, надо произнести рѣчь со «вступленіемъ» и «заключеніемъ». Все это требуетъ напрасной траты драгоцѣннаго времени.

Кромѣ того, такая процедура устраняетъ отъ обсужденій тѣхъ депутатовъ, которые не привыкли говорить публично, а между тѣмъ это большею частью люди наиболѣе способные и наилучше знающіе дѣло. Въ отдѣльныхъ комиссіяхъ они сейчасъ же забираютъ въ свои руки вліяніе и власть, которыя по праву должны были бы принадлежать имъ и въ Парламентѣ. Всѣ хорошо знаютъ, что лучшими работниками въ нашемъ законодательномъ собраніи являются тѣ депутаты, которые менѣе всего говорятъ съ трибуны. Наши парламентскіе порядки оттѣсняютъ ихъ въ темный уголъ для того, чтобы выставить на свѣтъ говоруновъ.

Въ общемъ адвокаты своими знаніями могли бы, конечно, принести извѣстную пользу народному представительству, но, къ несчастью, ихъ число, не отвѣчающее ихъ общественной важности, дѣлаетъ ихъ господами Палаты и тѣмъ самымъ даетъ послѣдней гибельное направленіе.

V.

Послѣ представителей либеральныхъ профессій самую многочисленную часть составляютъ чиновники [1]). Ихъ насчитывается 95, т. е. зна-

[1]) Само собою разумѣется, что подъ эту категорію подведены лица, состоящія на государственной службѣ до выборовъ, такъ какъ званіе депутата несовмѣстимо со службой.

чительно больше, чѣмъ земледѣльцевъ, и чѣмъ промышленниковъ и комерсантовъ вмѣстѣ взятыхъ.

Большая часть депутатовъ этой категоріи—законовѣды и при томъ сугубые, по роду своей дѣятельности привыкшіе къ обоженію государственной власти.

Являются ли, однако, эти депутаты дѣйствительно хорошими защитниками интересовъ общества и заслуживаютъ ли они того, чтобы быть избранными въ такомъ большомъ количествѣ?

Для того, чтобы отвѣтить на эти вопросы, разберемъ сначала, въ чемъ заключаются интересы общества.

Первый интересъ общества состоитъ въ томъ, чтобы правительство стоило дешево. Интересъ же чиновниковъ заключается въ томъ, чтобы оно было возможно дороже, ибо чѣмъ больше будетъ бюджетъ, тѣмъ больше будетъ мѣстъ въ распоряженіи правительства, а стало быть и тѣмъ больше вакансій.

Каждый годъ, какъ только начинается обсужденіе бюджета, въ Палатѣ, подъ впечатлѣніемъ все возрастающаго дефицита, замѣчается нѣкоторое стремленіе къ экономіи. Но по мѣрѣ того, какъ начинаютъ переходить къ обсужденію отдѣльныхъ статей—настроеніе депутатовъ быстро мѣняется. 95 чиновниковъ, для которыхъ бюджетъ является курицею, несущею золотыя яйца, дружно встаютъ на защиту своей вотчины, на которую они сядутъ опять, какъ только переста-

нутъ быть депутатами. Естественными союзниками ихъ въ этомъ являются депутаты отъ либеральныхъ профессій, потому что и они, въ случаѣ прекращенія депутатскаго жалованья, расчитываютъ пристроиться къ бюджету, подобно той мыши изъ дѣтской сказки, которая нашла себѣ укромный уголокъ въ головкѣ голландскаго сыра. А такъ какъ въ Парламентѣ профессіи, питающія бюджетъ, представлены гораздо слабѣе, чѣмъ профессіи, живущія за счетъ бюджета, то послѣдній обыкновенно утверждается, вопросъ объ экономіи откладывается въ долгій ящикъ,—а для покрытія бюджета, несмотря на всѣ выборныя обѣщанія, разрѣшаются новые займы и новые налоги...

Второй интересъ публики заключается въ томъ, чтобы государственный механизмъ былъ возможно болѣе простъ и колеса его не умножались до безконечности. Это нужно для того, чтобы въ случаѣ нужды публика легко разбиралась въ нихъ и была обслуживаема быстро и хорошо. Интересъ же чиновниковъ заключается въ томъ, чтобы поддерживать эту сложность, ибо она даетъ имъ тройную выгоду: во-первыхъ, она дѣлаетъ ихъ необходимыми, во-вторыхъ, увеличиваетъ кругъ ихъ вѣдѣнія и, въ-третьихъ, затрудняетъ контроль, т. е., другими словами, дѣлаетъ ихъ всемогущими и неотвѣтственными.

Наконецъ интересъ общества заключается въ томъ, чтобы правительство не вламывалось въ частную жизнь и въ мѣстное самоуправленіе,

чтобы оно не препятствовало частной иниціативѣ и не стояло передъ глазами каменною стѣною каждый разъ, когда нужно сдѣлать какое-либо движеніе, или же самому рѣшить свое личное дѣло.

Но если таково желаніе публики, то совсѣмъ не того хотятъ чиновники,—они стремятся захватить въ свои руки губерніи, уѣзды, волости и семью, потому что по мѣрѣ захвата они расширяютъ кругъ своего вѣдѣнія, а по мѣрѣ расширенія этого круга увеличивается и число чиновниковъ.

Но, можетъ быть, въ объясненіе необычайнаго числа чиновниковъ въ Палатѣ скажутъ, что такъ какъ они держатъ въ рукахъ управленіе всею страною, слѣдовательно должны имѣть навыкъ въ рѣшеніи общественныхъ дѣлъ, а поэтому являются и хорошими народными представителями.

На это, безъ всякаго пристрастія, можно отвѣтить только одно, что чиновничество формируетъ людей самаго ненавистнаго типа. Оно убиваетъ въ человѣкѣ иниціативу, независимость, сознаніе отвѣтственности, словомъ—всѣ качества, которыя необходимы для государственнаго дѣятеля

Если чиновникъ принадлежитъ къ партіи, поддерживающей правительство,—онъ является ленникомъ послѣдняго и свобода его сужденій крѣпко связывается желаніемъ сохранить свое прежнее мѣсто или получить новое. Если онъ находится въ оппозиціи, онъ является настоящимъ революціонеромъ, стремящимся къ разрушенію

существующаго режима во что бы то ни стало, ибо въ этомъ для него роковой вопросъ — быть или не быть. Чиновничество не подготовило его ни къ какому труду за собственный рискъ и обезпеченное существованіе онъ видитъ только на удобной кровати общественной дѣятельности, а поэтому въ его мозгу не можетъ быть другой столь же навязчивой идеи, какъ «разрушить Карѳагенъ», т. е. низложить правительство своихъ противниковъ.

Зловредныя дѣйствія чиновниковъ могли бы быть сдерживаемы только при томъ условіи, если бы въ Палатѣ существовало такое большинство, которое представляло бы дѣйствительные интересы страны.

VI.

Это большинство должно было бы составиться изъ представителей тѣхъ профессій, которыя мы помѣстили внизу нашего чертежа,— т. е. земледѣлія, промышленности и торговли.

Эти профессіи представлены очень слабо и въ этомъ заключается величайшій недостатокъ нашего правительственнаго режима.

Наша Палата находится въ состояніи неустойчиваго равновѣсія. Она неустойчива потому, что либеральныя профессіи и чиновничество составляютъ въ ней подавляющее большинство, именно 365 представителей профессій, живущихъ за счетъ

общественнаго труда, противъ 135, созидающихъ общественныя богатства.

Воспроизведенный выше чертежъ даетъ довольно наглядное представленіе объ этихъ огромныхъ качающихся скалахъ, помѣщенныхъ на узкомъ основаніи.

Сами эти скалы, несмотря на постоянное балансированіе, очень прочны, онѣ не разрушаются отъ времени, но съ каждымъ поколѣніемъ наростаютъ, уплотняются и дѣлаются все жестче и крѣпче. Къ сожалѣнію, нельзя сказать этого о нашемъ народномъ представительствѣ въ его цѣломъ. Оно качается отъ всѣхъ вѣтровъ общественнаго мнѣнія то направо, то налѣво и этими раскачиваніями все сильнѣе и сильнѣе расшатываетъ всю основу нашего народнаго благосостоянія, олицетворяющуюся въ земледѣліи, промышленности и торговлѣ.

Какая огромная разница съ тѣмъ, что мы видимъ въ Англіи. Сравните чертежъ, изображающій нашъ Парламентъ, съ чертежемъ, изображающимъ англійскую Нижнюю Палату. Въ то время какъ первый напоминаетъ вамъ вызывающій ежеминутную тревогу капризъ природы, второй даетъ изображеніе вѣковѣчной египетской пирамиды, гдѣ всѣ законы равновѣсія сохранены съ замѣчательною точностью, гдѣ каждый общественный элементъ поставленъ на свое мѣсто и взятъ въ такой пропорціи, которая дѣйствительно необходима для общественныхъ интересовъ.

Тамъ сдерживаемыя въ разумныхъ границахъ либеральныя профессіи перестаютъ быть общественною опасностью и становятся тѣмъ, чѣмъ онѣ и должны быть,—т. е. украшеніями общественнаго строя, драгоцѣннымъ элементомъ подъема духовнаго и нравственнаго и необходимымъ противовѣсомъ противъ чрезмѣрнаго уклоненія общества въ сторону практической жизни.

Для того, чтобы понять—гдѣ коренятся причины такого счастливаго разрѣшенія Англичанами своихъ государственныхъ дѣлъ, слѣдуетъ съ большимъ вниманіемъ прочесть слѣдующую страницу Тэна изъ его «Замѣтокъ объ Англіи».

«Мы восхищаемся устойчивостью англійскаго правительства. Оно дѣйствительно страшно устойчиво и это объясняется тѣмъ, что оно представляетъ собою только верхній узелъ той безконечности живыхъ волоконъ, прикрѣпившихся къ почвѣ въ каждой точкѣ страны. Вообразите себѣ возникновеніе здѣсь мятежа, подобнаго мятежу лорда Гордона, но только гораздо лучше обдуманнаго и подкрѣпленнаго соціалистическими прокламаціями. Добавьте сюда, какъ верхъ невозможности, заговоръ, повлекшій за собою внезапное и полное уничтоженіе обѣихъ Палатъ и королевскаго дома,—и вы увидите, что будетъ снесена только верхушка правительства, все же остальное окажется неповрежденнымъ. Въ каждой коммунѣ, въ каждомъ графствѣ есть семьи, вокругъ которыхъ сейчасъ же соберутся всѣ другія. Есть люди, которые возьмутъ на себя

управленіе и иниціативу, — люди, пользующіеся довѣріемъ, оказываемымъ имъ заранѣе, благодаря ихъ положенію, образованію и заслугамъ личной жизни. Эти люди сейчасъ же явятся капитанами и генералами и, собравъ подъ свои знамена разсѣянныхъ солдатъ, образуютъ новую армію. Они очень легко сдѣлаютъ то, что совершенно невозможно во Франціи, гдѣ буржуа и рабочій, дворянинъ и крестьянинъ проникнуты чувствомъ взаимнаго недовѣрія и несогласія, гдѣ блуза и сюртукъ отталкиваются другъ отъ друга чувствомъ мстительности и боязни, гдѣ единственными руководителями общества являются чиновники, чуждые народу, люди случайные и временные, люди, которымъ оказываютъ наружное послушаніе и не питаютъ къ нимъ внутренняго уваженія. Такимъ образомъ англійское правительство является устойчивымъ потому, что оно имѣетъ естественныхъ представителей».

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Соціализмъ.

I.

Подобно растеніямъ и явленія общественныя имѣютъ свои географическія пространства. Они обнаруживаются не на всякой почвѣ и для своего распространенія требуютъ особыхъ благопріятныхъ условій.

Отъ такого закона не избавился и соціализмъ, представляющій собою продуктъ чисто германскаго происхожденія и германской фабрикаціи.

Что Германія является центромъ, откуда соціализмъ распространился по всему міру,—это единогласно признается какъ самими соціалистами, такъ и всѣми писателями, разбиравшими это ученіе.

«Замѣчательно», говоритъ германскій депутатъ Бамбергеръ, «что нигдѣ соціалистическія идеи не встрѣтили такого пріема, какъ въ Германіи. Онѣ увлекаютъ не только всѣхъ рабочихъ, но и са-

мую буржуазію, среди которой весьма нерѣдко приходится слышать:—а что же, можетъ быть и дѣйствительно такъ будетъ лучше, почему же не попробовать?» Не ограничиваясь и буржуазіей, соціализмъ проникаетъ въ высшіе классы, онъ засѣдаетъ въ академіяхъ и поднимается на университетскія каѳедры. Никто другой, какъ нѣмецкіе ученые дали тотъ лозунгъ, который повторяется теперь рабочими союзами. Никто другой, какъ нѣмецкіе консерваторы первые открыли походъ противъ «мамоны» и громче всѣхъ начали кричать о злоупотребленіяхъ «капитализма». Нигдѣ въ другомъ мѣстѣ вы не увидите подобнаго явленія».

Другой германскій депутатъ Іергъ выражаетъ ту же самую мысль слѣдующими словами: «Соціализмъ», говоритъ онъ, «основалъ въ Германіи свою главную квартиру и проходитъ у насъ свое философское и научное образованіе».

Дѣйствительно, въ этой главной квартирѣ вы можете найти всѣ разновидности соціализма: соціалъ-революціонеровъ, соціалъ-консерваторовъ, соціалъ-евангелистовъ, соціалъ-католиковъ, соціалъ-катедровъ, т. е. проповѣдующихъ соціализмъ въ университетахъ. Вообще насколько богата и разнообразна соціалистическая плѣсень, нашедшая себѣ благодатную почву въ Германіи, объ этомъ можно судить по тому, что въ настоящее время соціалисты составляютъ въ Рейхстагѣ большинство представителей германскаго народа.

Хотя соціалистическія школы имѣютъ каждая свою особую программу, тѣмъ не менѣе всѣ онѣ сходятся въ одномъ существенномъ пунктѣ, носящемъ на себѣ, такъ сказать, фабричную марку соціализма, именно въ томъ, что всѣ признаютъ необходимость разрѣшенія общественныхъ вопросовъ не иначе, какъ предписаніями закона или Государства. Всѣ мечтаютъ объ устройствѣ такого общества, въ которомъ Государство организовало бы трудъ, распоряжалось собственностью, заработкомъ, т. е. играя роль всеобщаго покровителя, взяло бы на себя заботу составить счастье всѣхъ и каждаго.

Мы ознакомимся съ этимъ взглядомъ при бѣгломъ обзорѣ разнообразныхъ ученій соціализма,— для этого начнемъ прежде всего съ соціалистовъ-революціонеровъ.

Безъ всякаго сомнѣнія они являются наиболѣе логичными, потому что идутъ до самыхъ послѣднихъ выводовъ своей теоріи и наиболѣе сильными, потому что на своемъ пути увлекаютъ за собою и всѣ другія школы, совершенно напрасно думающія удержаться на той или другой точкѣ наклонной плоскости, на которую онѣ вступили.

Школа соціалистовъ - революціонеровъ является наиболѣе важною еще и потому, что изъ ея среды вышелъ и великій учитель нынѣшняго соціализма Карлъ Марксъ, ученіе котораго изложено въ его знаменитомъ трудѣ Das Kapital— Капиталъ.

Этотъ трудъ «столь же отвлеченый и еще болѣе утомительный для читателя, чѣмъ любой математическій трактатъ» разсужденіями первой своей части стремится разрушить современное общество, а во второй переустраиваетъ его на новыхъ основаніяхъ.

По ученію Маркса «одинъ только трудъ есть дѣйствительная мѣра для оцѣнки всѣхъ продуктовъ», слѣдовательно трудъ, или олицетвореніе его—рабочій, является единственнымъ создателемъ капитала, нынѣшній же капиталъ представляетъ собою результатъ грабежа. Поэтому необходимо передать капиталъ въ руки настоящаго его собственника—коллективнаго рабочаго, т. е. общества. Переходя такимъ образомъ отъ одного разсужденія къ другому, авторъ въ окончательномъ выводѣ признаетъ Государство всеобщимъ хозяиномъ, на обязанности котораго должно лежать завѣдываніе всѣмъ трудомъ и равномѣрное распредѣленіе продуктовъ.

Эта теорія была изложена соціалистами-революціонерами въ программѣ Готскаго конгресса въ 1877 г. Вотъ наиболѣе важныя мѣста этой программы: «Трудъ есть источникъ всего богатства и всей цивилизаціи. Такъ какъ производительный трудъ въ общемъ итогѣ выполняется всѣмъ обществомъ, то и вся сумма произведеній труда принадлежитъ обществу, т. е. всѣмъ членамъ его на равныхъ правахъ, и каждый трудящійся получаетъ все, что необходимо для удовлетворенія его разумныхъ потребностей.

«Въ нынѣшнемъ обществѣ орудія труда составляютъ монополію класса капиталистовъ; происходящая отсюда зависимость рабочихъ классовъ является источникомъ бѣдности и всѣхъ видовъ невольничества.

«Для освобожденія отъ этого невольничества, нужно сдѣлать орудія труда коллективною собственностью общества, а послѣднее должно организовать трудъ и правильно распредѣлять всѣ его произведенія».

На практикѣ въ новомъ обществѣ этотъ коллективизмъ долженъ выполняться слѣдующимъ образомъ: каждый рабочій—а таковымъ долженъ считаться всякій, выполняющій тотъ или другой трудъ—изготовивъ какой-нибудь предметъ, долженъ отнести его въ общественный магазинъ, въ которомъ эксперты, опредѣливъ количество часовъ работы, дѣйствительно необходимое для изготовленія вещи, выдаютъ рабочему квитанцію. По этой квитанціи онъ тутъ же изъ магазина можетъ получить нужные ему продукты, изготовленные другими рабочими и оцѣненные точно такимъ же образомъ.

Съ другой стороны, такъ какъ недвижимая собственность будетъ принадлежать Государству, денегъ въ употребленіи не будетъ и каждый членъ общества долженъ будетъ жить только своимъ ремесломъ или своею должностью, то возможность скопленія богатствъ въ однѣхъ рукахъ уменьшится до крайнихъ предѣловъ, а на-

слѣдство ограничится только небольшимъ движимымъ имуществомъ.

Наиболѣе выдающимися вождями германскихъ соціалистовъ-революціонеровъ являются въ настоящее время Бебель, Либкнехтъ и Вольмаръ. Первый изъ нихъ бывшій токарь, второй происходитъ изъ средняго сословія, а третій принадлежитъ къ старинѣйшей баварской дворянской семьѣ и служилъ раньше офицеромъ въ нѣмецкихъ и папскихъ войскахъ. Этотъ тріумвиратъ весьма точно резюмируетъ положеніе германскаго соціализма, корни котораго глубоко врѣзались въ народныя массы, а вѣтви сквозь среднее сословіе подымаются до самыхъ верховъ общества. Нужно признать однако, что революціонный соціализмъ набираетъ своихъ послѣдователей главнымъ образомъ среди низшаго сословія. Среднее же сословіе и дворянство предпочитаютъ болѣе умѣренныя ученія, которыхъ мы сейчасъ коснемся.

Я уже говорилъ, что въ Германіи существуютъ соціалисты-консерваторы. «Хотя слова соціалистъ и консерваторъ», говоритъ Лавелей, «находятся въ полномъ противорѣчіи между собою, такъ какъ первое изъ нихъ стремится разрушить то, что хочетъ сохранить второе, однако существуетъ партія, носящая такое наименованіе, и едва-ли будетъ слишкомъ большою смѣлостью, если мы скажемъ, что самымъ блестящимъ представителемъ ея былъ князь Бисмаркъ».

Эта партія въ своемъ стремленіи не доходитъ, подобно предыдущей, до передачи въ руки Го-

сударства орудій труда, но она весьма резонно присвоиваетъ себѣ наименованіе соціалистической, потому что она также ищетъ разрѣшенія общественныхъ вопросовъ въ прямомъ и рѣшительномъ вмѣшательствѣ Государства, которое должно будетъ завѣдывать работами, регулировать производство и опредѣлять размѣръ заработной платы. Эта группа составляется изъ средняго сословія, которое боится соціалистовъ-революціонеровъ и надѣется спастись отъ нихъ тѣмъ, что бросится въ объятія Государства. Она какъ будто хочетъ сказать: «Дѣлайте сами то, что они хотятъ сдѣлать съ нами, — и тогда всѣ мы будемъ спасены».

Извѣстно, съ какою поспѣшностью отвѣтилъ на этотъ призывъ германскій императоръ, полагающій, что нѣтъ ни одного вопроса, превосходящаго его компетенцію, и съ какою готовностью взялъ онъ на себя фактически обязанности вождя этой партіи.

Группа соціалистовъ-евангелистовъ называется такъ потому, что во главѣ ея стоятъ нѣсколько лицъ изъ офиціальнаго духовенства. Подобно предыдущей, она образовалась для того, чтобы укрѣпить въ народѣ монархическія чувства и воспользоваться соціализмомъ для расширенія императорской власти. Эта группа точно также стремится къ улучшенію общественнаго строя посредствомъ расширенія правъ Государства на вмѣшательство его во всѣ дѣла, т. е. превращеніе его въ полнаго хозяина общества. Вотъ нѣкото-

рыя мѣста изъ программы этой партіи: «Соціалистическая христіанская партія рабочихъ основывается на почвѣ христіанской вѣры и преданности королю и отечеству. Она требуетъ, чтобы Государство создало во всей Имперіи точно опредѣленныя ремесленныя общества, принятіе въ которыя регламентировалось бы строгими законами. Для третейскаго суда должны быть учреждены особыя комиссіи, приговоры которыхъ будутъ имѣть силу закона. Для помощи вдовамъ, сиротамъ и неспособнымъ къ труду должны быть устроены особыя кассы. Государство должно установить продолжительность рабочаго дня въ зависимости отъ характера труда. Государственныя и общественныя имущества должны эксплоатироваться въ интересахъ рабочихъ и насколько возможно увеличиваться посредствомъ экономіи и техники. Долженъ быть установленъ подоходный налогъ и очень высокій налогъ на роскошь. Точно также необходимо установить налогъ на наслѣдство и ограничить права на него со стороны отдаленныхъ родственниковъ. Въ общемъ, общественный идеалъ этой группы—это царствованіе добраго деспота, своею единичною волею устраивающаго счастье всѣхъ.

Весьма значительная группа соціалистовъ католиковъ образовалась главнымъ образомъ благодаря воззванію архіепископа майнцкаго Кеттелера, озаглавленному «Рабочій вопросъ и Христіанство» и надѣлавшему много шума во всей Германіи. Въ этомъ трудѣ авторъ дѣлаетъ много-

численныя заимствованія изъ работъ соціалиста Лассаля и подобно послѣднему приходитъ къ выводу о необходимости созданія кооперативныхъ обществъ, имѣющихъ въ виду передать капиталъ въ руки рабочихъ и этимъ разрѣшить вопросъ о платѣ. Но програма Кеттелера подверглась затѣмъ тщательной переработкѣ, произведенной ученикомъ Кеттелера, каноникомъ майнцкаго собора Муфангомъ. Въ этомъ послѣднемъ видѣ она и была принята партіей. Сущность ея заключается въ слѣдующемъ:

Нынѣшняя заработная плата признается недостаточною. Государство должно вмѣшаться въ это дѣло. — Вмѣшательство Государства необходимо для того, чтобы придать обязательную силу постановленіямъ каждаго ремесленнаго общества. Государство опредѣляетъ продолжительность рабочаго дня. Государство устанавливаетъ заработную таксу. Оно должно установить взаимоотношенія между промышленниками и рабочими и между мастерами и учениками. Но это еще не все.—Государство должно помогать рабочимъ. «Я не сторонникъ мастерскихъ, устраиваемыхъ по Луи Блану», говоритъ Муфангъ, «но когда солидное общество рабочихъ будетъ имѣть нужду въ помощи, я не вижу почему бы Государство отвѣтило отказомъ». Наконецъ «Государство должно положить предѣлъ тиранніи капиталистовъ», хотя какимъ образомъ сдѣлать это—програма не говоритъ. «Я не нападаю ни на богатство, ни на богатыхъ», говоритъ Муфангъ, «но я осуждаю тотъ

способъ, благодаря которому обогащаются наши милліонеры и милліардеры».

Между этою програмою и програмою соціалистовъ-революціонеровъ существуетъ незначительная разница. Правда, она не требуетъ устройства коммунъ и націонализаціи земли, но она не далека отъ этого и во всякомъ случаѣ требованіемъ передачи капитала въ руки рабочихъ ассоціацій дѣлаетъ рѣшительные шаги въ эту сторону.

Переходя теперь къ группѣ катедръ-соціалистовъ, нужно сказать, что среди членовъ ея нѣтъ большого единогласія. Мнѣнія политическихъ экономистовъ представляютъ собою цѣлую гамму соціализма, начинающуюся отъ самыхъ робкихъ и неувѣренныхъ нотъ и доходящую до мажорнаго тона Вагнера, требующаго ограниченія частной и расширенія общественной собственности. Въ общемъ однако и здѣсь основнымъ пунктомъ, сближающимъ между собою всѣхъ противниковъ, является стремленіе улучшить общественный строй единственно путемъ вмѣшательства Государства.

Заканчивая на этомъ изложеніе фактовъ, доказывающихъ, насколько Германія сверху донизу является очагомъ соціализма, я, прежде чѣмъ идти далѣе, считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ о причинахъ такого явленія.

Взрывъ рабочаго движенія захватилъ Германію въ моментъ той общественной эволюціи, которая совершилась въ Испаніи назадъ три сто-

лѣтія при Филиппѣ II и во Франціи два вѣка назадъ при Людовикѣ XIV. Эта эволюція заключается въ установленіи на развалинахъ мѣстной и провинціальной жизни абсолютной центральной власти. Извѣстно какимъ образомъ прусскіе короли начали эту эволюцію и какъ, начиная съ 1870 г., германскіе императоры стараются закончить и усовершенствовать ее.

Въ настоящее время Германія находится совершенно въ рукахъ Пруссіи, а Пруссія въ рукахъ Государства.

Прусское же Государство съ давнихъ временъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ руководилось принципами нынѣшняго соціализма. Огромныя общественныя казармы, сложная и все наводняющая собою бюрократія являлись всегдашнимъ идеаломъ Пруссіи, идеаломъ, чрезвычайно сходнымъ съ тѣмъ, о чемъ мечтаютъ соціалисты и сообразно которому они хотятъ устроить все такъ называемое ими будущее общество. Извѣстно, что прусское Государство овладѣваетъ человѣкомъ съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ, сначала при помощи школы, а затѣмъ посредствомъ казармы, чтобы придать ему такой фасонъ, который наиболѣе удобенъ для Государства. Но, сверхъ того, и самый сводъ гражданскихъ законовъ этого Государства освящаетъ нѣкоторую часть соціалистической программы.

Дѣйствительно, вотъ что говоритъ, напримѣръ, глава XIX второй части Preussische allgemeine Landrecht»: § 1. Государство обязано доставлять

пищу и содержаніе тѣмъ гражданамъ, которые не могутъ добывать ихъ сами, или не могутъ получить ихъ отъ тѣхъ, кого обязываетъ къ этому законъ. § 2. Тѣмъ, которые не могутъ найти себѣ занятій, оно предоставляетъ работы сообразно ихъ силамъ и способностямъ. § 3. Тѣ, кто по лѣности, или любви къ праздности, или вслѣдствіе другихъ порочныхъ наклонностей не будутъ заботиться о добываніи средствъ къ существованію, должны быть принуждаемы къ выполненію полезныхъ работъ подъ надзоромъ властей. § 6. Государство имѣетъ право и обязано издавать такія постановленія, посредствомъ которыхъ лишенія однихъ и избытокъ другихъ не получали бы широкаго распространенія. § 7. Безусловно запрещается въ Государствѣ все то, что можетъ благопріятствовать праздности, въ особенности среди низшихъ классовъ, точно также все то, что способно отвлечь отъ труда. § 10. Общинная власть обязана кормить бѣдныхъ жителей. § 11. Она обязана изслѣдовать причины лишенія и довести о нихъ до свѣдѣнія высшихъ властей для того, чтобы послѣднія имѣли возможность принять мѣры къ устраненію таковыхъ причинъ.

Послѣ только что сказаннаго становится совершенно яснымъ, что разъ народъ все время живетъ подъ такимъ политическимъ режимомъ, гдѣ Государство во всеуслышаніе объявляетъ свои права на трудъ, провозглашаетъ себя всеобщимъ попечителемъ и безапелляціонно вмѣ-

шивается въ частную жизнь, такой народъ самымъ естественнымъ образомъ подготовленъ и вылѣпленъ въ такую форму, въ которую соціализмъ вливается самъ собою. Такой народъ не можетъ искать разрѣшенія рабочаго вопроса иначе, какъ только путемъ помощи, оказываемой каждому общиною и Государствомъ. Онъ ищетъ своего спасенія въ сплавѣ общества въ одну массу, а не въ частной иниціативѣ и индивидуальной дѣятельности.

Въ своихъ програмахъ переустройства современнаго общества соціалисты вписали въ рецептъ только то, что уже было формулировано въ статьяхъ прусскихъ законовъ и что германскіе императоры проводили на дѣлѣ въ интересахъ своей абсолютной власти.

Въ такой же и даже большей степени, чѣмъ простой народъ, оказались подготовленными къ воспріятію соціализма средніе и высшіе классы германскаго общества. Политическій режимъ, доводящій до крайнихъ предѣловъ чиновничество и милитаризмъ, сначала убилъ въ германской интелигенціи свободнаго человѣка, а затѣмъ пріучилъ ее смотрѣть на Государство, какъ на единственный источникъ, откуда вытекаетъ все необходимое для общественной жизни.

Такимъ образомъ Германія явилась естественною родоначальницею нынѣшняго соціализма. Изъ Германіи же и посредствомъ Германцевъ онъ началъ распространяться и по другимъ странамъ. Такъ во Франціи до 1886 г. соціалистическія

ученія прививались очень слабо. Это признаетъ и одинъ изъ главныхъ органовъ германскаго соціализма «Sozialdemokrat», который говоритъ съ сожалѣніемъ, что «Соціализмъ во Франціи хотя и прогрессируетъ, но медленно».

Но съ этого времени соціалистическая группа прочно утверждается во Франціи и начинаетъ быстро развиваться. Этимъ развитіемъ она обязана двумъ главнымъ своимъ вождямъ—марксистамъ Жюлю Геду и Лафаргу. О томъ же, что и Гедъ и зять Маркса Лафаргъ были ничѣмъ инымъ, какъ эмиссарами германскаго соціализма,—можно судить по слѣдующему факту:

На парижскомъ конгресѣ марксистовъ въ 1889 г. Жюль Гедъ при аплодисментахъ всей аудиторіи и къ величайшей радости германскихъ соціалистовъ заявилъ, что «его соціализмъ есть не какой либо другой, а именно германскій соціализмъ».

Такимъ образомъ французскій соціализмъ заимствуетъ свою доктрину въ Германіи, онъ носитъ имя одного изъ Германцевъ и, не колеблясь, объявляетъ во всеуслышаніе о своемъ германскомъ происхожденіи.

Въ Бельгіи соціализмъ въ первое время никакъ не могъ отдѣлиться отъ анархизма и радикализма и, благодаря этому, велъ ожесточенную междоусобную войну. Вслѣдствіе этого въ 1887 г. туда прибыли два вождя германскаго соціализма Бебель и Бернштейнъ, и ихъ посредничество дало въ результатѣ то, что, по замѣчанію

Винтерера, «бельгійскій соціализмъ, еще недавно страдавшій отсутствіемъ согласія и дисциплины, получилъ теперь организацію, скопированную съ германскаго соціализма».

Въ Голландію соціализмъ былъ введенъ въ недавнее время однимъ бывшемъ пасторомъ Домелою Ньювенгуисомъ, и для того, чтобы видѣть, до какой степени это общественное движеніе въ Голландіи шло на буксирѣ германскаго соціализма, достаточно указать на такой фактъ: три года назадъ Ньювенгуисъ отправился въ Берлинъ «для того, чтобы научиться у германскихъ соціалистовъ, какъ производить выборы». Такимъ образомъ германскіе соціалисты являются не только проповѣдниками соціальныхъ ученій, но и профессорами избирательной тактики.

То же самое мы видимъ и въ Польшѣ. Делегатъ польскихъ соціалистовъ на парижскомъ конгресѣ 1890 г.—Яновская говоритъ въ своемъ докладѣ, что въ Польшѣ «стараются насколько возможно копировать такіе способы пропаганды и агитаціи, какіе приняты въ Германіи», т. е. и здѣсь Германія даетъ свой тонъ.

Въ Россіи до послѣдняго времени единственными причинами общественной революціи являлись нигилизмъ и анархизмъ. Но на парижскомъ конгресѣ старый революціонеръ Лавровъ, бывшій однимъ изъ двухъ русскихъ докладчиковъ, заявилъ, что въ Россіи революція становится все болѣе и болѣе соціалистическою и что рево-

люціонная партія приняла «тактику и теорію германскаго соціализма».

Съ другой стороны одинъ изъ вождей русскаго соціализма—Плехановъ издалъ трудъ, представляющій собою не что иное, какъ воспроизведеніе всей теоріи марксизма. Наконецъ «Союзъ русскихъ соціалъ-демократовъ» основалъ журналъ, которому онъ далъ совершенно такое же названіе, какое носитъ и главный органъ нѣмецкихъ соціалистовъ, и выставилъ тотъ же девизъ: «Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь». Русскій «Соціалдемократъ», начавшій выходить въ Женевѣ въ сентябрѣ 1888 г., открыто поставилъ себѣ цѣлью проповѣдывать въ Россіи германскій соціализмъ.

Въ Румыніи соціализмъ появился весьма недавно и однако же агитаторъ Мани говоритъ въ своемъ докладѣ на парижскомъ конгресѣ: «Соціализмъ дѣлаетъ успѣхи даже среди крестьянъ. Этому очень много помогаютъ профессора и студенты ясскаго университета переводами Маркса, Энгельса и Лассаля», т. е. главнѣйшихъ учителей германскаго соціализма.

«Въ Швейцаріи», говоритъ Винтереръ, «соціализмъ родился отъ германскаго соціализма. Вездѣ мы видимъ швейцарскихъ соціалистовъ рядомъ съ германскими,—они бываютъ въ однихъ и тѣхъ же клубахъ, имѣютъ одну и ту же литературу и исповѣдываютъ ту же доктрину».

Хотя швейцарскіе соціалисты имѣютъ свои собственные органы, но всѣ они вдохновляются

германскимъ «Соціалдемократомъ». Эта газета является душою соціалистическихъ клубовъ въ Цюрихѣ, Винтертурѣ, Балѣ, Фрауэнфельдѣ, Нефшаталѣ, Лозанѣ, Женевѣ и т. д. Словомъ,—Швейцарія также является добычею германскаго соціализма.

Въ Италіи германскій соціализмъ далъ также хорошую прививку. Чтобы не распространяться, я напомню только депешу римской Circolo radicale, посланную германскимъ соціалистамъ отъ имени итальянскихъ по поводу побѣды на выборахъ: «Circolo... привѣтствуетъ въ лицѣ германскихъ соціалистовъ первыхъ борцовъ новой революціи въ пользу общественной справедливости. Итальянскіе демократы будутъ всегда вспоминать съ гордостью, что Мадзини, несмотря на свою антипатію къ ученію Маркса, предсказалъ, что молодая Германія и молодая Италія призваны рѣшить общественный вопросъ».

Послѣ такого бѣглаго очерка распространенія германскаго соціализма среди народовъ, населяющихъ европейскій материкъ, перейдемъ теперь къ тѣмъ государствамъ, гдѣ почва для соціализма оказывается недостаточно воздѣланною и весьма плохо воспринимающею добрыя сѣмена германской цивилизаціи. Такими странами являются Норвегія, Англія, Соединенные Штаты и другія страны, населенныя англо-саксонскою расою.

Отмѣтимъ сначала самые факты.

О томъ, что соціализмъ не распространяется въ Норвегіи, говорится съ большою горечью въ

одной корреспонденціи, напечатанной въ «Соціалдемократѣ». Неуспѣхъ пропаганды приписывается главнымъ образомъ большой религіозности населенія. Но такое объясненіе едва-ли можно признать удовлетворительнымъ, такъ какъ въ Германіи сами пасторы не только причастны къ соціализму, но становятся даже во главѣ движенія.

Еще болѣе любопытнымъ является смущеніе, испытываемое историками соціализма, когда они доходятъ до Англіи; здѣсь весь матеріалъ ихъ сводится къ повѣствованію о безплодныхъ попыткахъ другого зятя Маркса—Авелинга и двухъ эксцентриковъ Мориса и Гиндмана, о которыхъ можно говорить только въ шутку. Вѣроятно поэтому ежегодникъ соціализма, издаваемый докторомъ Людвигомъ Рихтеромъ, отмѣчающій успѣхи соціализма во всѣхъ странахъ, вовсе даже не упоминаетъ объ Англіи.

Ничтожный успѣхъ соціализма въ этой странѣ, по словамъ Визева, объясняется тѣмъ, что «Англичане настоящіе индивидуалисты. Они желаютъ, чтобы ихъ оставили въ покоѣ и предоставили имъ самимъ рѣшать свои дѣла такъ, какъ имъ это нравится. По своему характеру они чувствуютъ отвращеніе ко всякой стадности и не питаютъ никакого расположенія къ тому, чтобы отказаться отъ своей личной автономіи въ пользу коммуны. Вотъ, мнѣ кажется, одна изъ причинъ, которая дѣлаетъ ихъ равнодушными къ соціализму».

Переходя наконецъ къ Соединеннымъ Штатамъ, мы видимъ, что и тамъ соціализмъ не коснулся англо-саксонской расы. Она противостоитъ ему такъ же хорошо, какъ американская виноградная лоза выдерживаетъ филоксеру. Въ этой странѣ соціализмъ дѣлаетъ успѣхи только среди Ирландцевъ и въ особенности среди Германцевъ. Винтереръ говоритъ объ этомъ, между прочимъ, слѣдующее: «Настоящій отдѣлъ о соціализмѣ въ Америкѣ долженъ быть въ сущности озаглавленъ такъ: германскій соціализмъ въ Америкѣ, потому что до сихъ поръ онъ распространяется только среди германскихъ переселенцевъ. Среди его вождей находится одинъ бывшій депутатъ Рейхстага. Карлъ Марксъ сильно расчитывалъ на Новый Свѣтъ, онъ даже перевелъ въ Америку резиденцію совѣта бывшей Интернаціоналки, но онъ обманулся въ своихъ надеждахъ».

Одинъ же изъ вождей германскаго соціализма характеризуетъ американскую соціалистическую партію слѣдующими словами: «Эта партія существуетъ только по имени, потому что она находится въ такомъ положеніи, что ея ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать политическою партіей. Къ тому же она является, такъ сказать, чуждою С. Штатамъ. До сихъ поръ она составлялась почти исключительно изъ германскихъ эмигрантовъ, которые пользовались своимъ роднымъ языкомъ, ибо по-англійски говорили очень плохо. Но эти эмигранты имѣютъ такое ясное представленіе о

рѣшеніи рабочаго вопроса, какое можно встрѣтить среди американскихъ рабочихъ только въ видѣ исключенія».

Для того, чтобы обратить въ соціализмъ Англо-Саксовъ Соединенныхъ Штатовъ къ нимъ между другими агитаторами посланы были Либкнехтъ и одна изъ дочерей Карла Маркса (жена Авелинга). Но все было напрасно. Рабочіе союзы Trade's Unions) отказались отъ соціализма и Германцы оплатили свое краснорѣчіе сами. Нѣкоторые изъ соціалистовъ рѣшились тогда добиться принятія ихъ въ орденъ Рыцарей труда, насчитывающій около милліона членовъ. «Они думали ввести туда мало-по-малу свою теорію, но не достигли никакого успѣха». Великій мастеръ объявилъ даже, что онъ намѣренъ «очистить орденъ отъ всѣхъ этихъ элементовъ буйныхъ и радикальныхъ».

Не болѣе счастливыми оказались соціалисты и въ другихъ союзахъ, они были исключены отовсюду постановленіемъ Союза рабочихъ въ Сиракузахъ. Наконецъ въ С. Штатахъ до сихъ поръ не появилось еще ни одной соціалистической газеты на англійскомъ языкѣ.

Послѣ всего сказаннаго понятно, почему на послѣднемъ соціалистическомъ конгрессѣ въ Парижѣ былъ представленъ только германскій соціализмъ въ Америкѣ. Делегатъ этого соціализма Германецъ Кирхнеръ выразился, между прочимъ, въ своемъ докладѣ такъ: «Если соціалистическій духъ начинаетъ пробуждаться среди американ-

скихъ рабочихъ, то главная заслуга въ этомъ принадлежитъ германскимъ переселенцамъ. Они неустанно просвѣщаютъ и организуютъ массы еще бродящія во тьмѣ».

Такимъ образомъ и среди Англо-Саксовъ, какъ и повсюду, главными распространителями соціализма являются Германцы, но здѣсь они встрѣчаютъ энергичный отпоръ по всей линіи.

Въ этомъ случаѣ англо-саксонская раса особенно рѣзко и отчетливо вырисовывается среди другихъ народовъ, она образуетъ особую группу, еще ни въ одномъ мѣстѣ не тронутую соціалистическою плѣсенью.

Чѣмъ же объяснить такое исключеніе?

Это исключеніе объясняется тѣмъ, что англо-саксонская раса по своей общественной формаціи на столько же глубоко индивидуальная, на сколько германская раса глубоко общинная. Тогда какъ въ послѣдней Государство, захвативъ въ свои руки безграничную власть, атрофировало всякую инціативу — личную и помѣстную,— въ первой общественная власть никогда не достигала такихъ грандіозныхъ размѣровъ. Благодаря соединеннымъ усиліямъ жизни частной и мѣстной, она всегда держалась въ надлежащихъ границахъ. Въ настоящее время Германія является центромъ наиболѣе сильной самодержавной власти, — англо-саксонскій же міръ представляетъ собою величайшій центръ самопомощи и самоуправленія. Поэтому вполнѣ естественно, что первая ищетъ разрѣшенія общественныхъ вопросовъ

во вмѣшательствѣ Государства, въ законодательствѣ и въ передачѣ въ руки рабочихъ орудій труда, — второй требуетъ только свободы личнаго труда и всѣми силами отталкиваетъ новую общину, которую ему хотятъ навязать на шею.

Не ограничиваясь однако фактами, посмотримъ теперь, даетъ ли германскій соціализмъ лучшее рѣшеніе рабочаго вопроса, чѣмъ англо-саксонскій индивидуализмъ и вообще которое изъ этихъ рѣшеній является дѣйствительнымъ рѣшеніемъ будущаго.

II.

Обратимъ вниманіе прежде всего на то, что соціалистическій режимъ не представляетъ собою ровно ничего новаго, на что претендуютъ воображаемые изобрѣтатели его; наоборотъ, онъ безмѣрно старъ, подвергся уже серьезному испытанію, а слѣдовательно, разсмотрѣвъ все то, что онъ далъ уже въ прошломъ, мы можемъ знать весьма точно, чего ожидать отъ него и въ будущемъ.

Если мы снимемъ съ соціализма всѣ его яркія одежды, т. е. если мы освободимъ его отъ всѣхъ великихъ словъ и возьмемъ настоящую сущность его, то сейчасъ же увидимъ, что въ общемъ онъ просто—я сказалъ бы, прямо по-дурацки,—стремится привести насъ къ общественному режиму народовъ древняго міра.

Въ самомъ дѣлѣ, соціалисты, какъ мы видѣли выше, желаютъ передать въ руки общины (коммуны) собственность и орудія труда, словомъ всѣ средства къ существованію. Община, играя роль хозяина, будетъ выдавать продукты каждому соотвѣтственно его труду или его потребности. Но мнѣ кажется, что мы уже отлично знаемъ такой общественный типъ. Развѣ не онъ являлся преобладающимъ типомъ древности? Несмотря на нѣкоторыя различія, всѣ человѣческія общества этой эпохи носили одинъ и тотъ же характеръ, — они опирались на общину (коммуну).

У однихъ, какъ напр. у кочевниковъ, земля цѣликомъ составляла прямую собственность всего народа, обитавшаго въ извѣстной мѣстности; для пользованія она распредѣлялась между семьями и племенами, понимая подъ послѣднимъ словомъ совокупность семей, имѣвшихъ одного общаго предка. Этотъ типъ мы видимъ у библейскихъ патріарховъ, у Арабовъ, Берберовъ и т. д. Когда эти кочевники начали наконецъ прикрѣпляться къ землѣ, осѣдать на нее, они естественно усаживались семейными и племенными общинами и продолжали владѣть землею и обрабатывать ее общиннымъ способомъ. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ напр. Евреи, Славяне, Германцы, отъ времени до времени производили передѣлъ земли. Были наконецъ и такіе, у которыхъ право коллективной собственности на землю передавалось въ руки главы народа, который становился, такимъ образомъ, всеобщимъ хозяиномъ (идеалъ соціали-

стовъ), обязаннымъ распредѣлять трудъ и продукты и обезпечивать судьбу вдовъ и старцевъ. Высшимъ и полнымъ выраженіемъ этого типа былъ древній Египетъ.

Но такой общинный режимъ существовалъ не только въ древности; въ нѣкоторыхъ частяхъ свѣта онъ существуетъ и до сихъ поръ — онъ является почти исключительнымъ режимомъ народовъ Азіи, Сѣверной Африки и даже восточной Европы. Вы знаете, напримѣръ, что въ Россіи община, или Міръ, представляетъ собою именно ту коммуну, которая владѣетъ только такимъ количествомъ земли, какое соотвѣтствуетъ числу рабочихъ рукъ, т. е. вмѣстѣ съ землею община распредѣляетъ и трудъ.

Такимъ образомъ ясно, что коллективизмъ, при новизнѣ слова, въ своей сущности не представляетъ собою ничего новаго, — онъ старъ, какъ міръ, и практикуется до настоящаго времени.

Но, можетъ быть, скажутъ на это, что вмѣстѣ съ тѣмъ онъ и превосходенъ.

Не будемъ спорить, а разсмотримъ лучше эту вещь нѣсколько поближе. Для этого приведемъ прежде всего слѣдующіе два примѣра. Среди народовъ древности былъ одинъ, который, подымаясь все выше и выше, въ концѣ концовъ подчинилъ своей власти всѣхъ остальныхъ. Этотъ народъ были Римляне, больше всѣхъ другихъ успѣвшіе освободиться отъ общины. Они не освободились отъ нея окончательно, но во вся-

комъ случаѣ сильнѣе другихъ развили у себя право частной собственности. Это право достигло такихъ размѣровъ, что окружалось религіозною почтительностью. Человѣкъ, запахавшій чужую межу, совершалъ святотатство и по древнему римскому закону онъ и его волы обрекались въ жертву подземнымъ богамъ. Даже самъ Юпитеръ, пожелавшій имѣть въ свою честь храмъ на вершинѣ Капитолія, не могъ сдвинуть съ мѣста бога Терма—покровителя неприкосновенности личной земельной собственности. Благодаря существованію такого порядка, явившись отвѣтственнымъ за свою собственность и за свой трудъ и обязаннымъ расчитывать только на самого себя,—Римлянинъ, изъ всѣхъ народовъ древности, достигъ наибольшаго развитія своей личности, а римскій народъ—наибольшаго могущества.

То же самое мы видимъ и въ новѣйшія времена.

Въ самомъ дѣлѣ, посмотрите внимательнѣе на общинные народы Востока и сравните ихъ съ болѣе или менѣе индивидуальными народами Запада. Первые въ теченіе тысячелѣтій спятъ глубокимъ сномъ; вторые, благодаря могущественной энергіи, поднялись на небывалую еще высоту. Посмотрите затѣмъ, какой изъ народовъ Запада все время идетъ впереди другихъ и создаетъ всѣмъ народамъ наиболѣе страшную конкуренцію въ земледѣліи, промышленности и торговлѣ? Кто раньше всѣхъ и крѣпче всѣхъ за-

хватываетъ земли, еще оставшіяся свободными на земномъ шарѣ? Есть ли еще народъ, который могъ бы быть поставленъ въ сравненіи съ Англо-Саксами,—съ этою расою, давшею такой чудовищный побѣгъ, какъ С.-А. Соединенные Штаты?

Изъ этихъ двухъ примѣровъ мы ясно видимъ, что какъ въ древности, такъ и въ новѣйшія времена, народы, у которыхъ наиболѣе развита частная собственность и самодѣятельность, наиболѣе энергичны, предпріимчивы, богаты и могущественны. Народы же съ наиболѣе развитымъ общиннымъ строемъ являются болѣе отсталыми, болѣе бѣдными и болѣе слабыми.

И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго.

Общинный режимъ съ сильно развитою государственною властью, ставя человѣка въ положеніе чиновника, администратора и т. д., очень мало благопріятствуетъ развитію въ немъ способности къ труду потому что убиваетъ въ немъ личный интересъ къ результатамъ труда. Если такой режимъ распространяется на цѣлое общество,—его воздѣйствіе увеличивается; если же онъ практикуется отъ отца къ сыну въ теченіе весьма долгаго времени, то способность къ труду, уменьшившаяся уже въ первомъ поколѣніи, становится еще болѣе слабою во второмъ, а слѣдуя по этому пути далѣе, общество доходитъ до полнѣйшей безпечности и лѣни восточнаго человѣка, рѣшающагося на трудъ только въ такой мѣрѣ, чтобыне умереть съ голода.

Но, можетъ быть, скажутъ, что идеалъ жизни заключается въ томъ, чтобы возможно больше отдыхать, а не въ томъ, чтобы больше работать; что праздность, которой способствуетъ общинная формація, гораздо пріятнѣе, чѣмъ та лихорадочная дѣятельность, которую развиваетъ формація индивидуальная.

Я отлично понимаю эти разсужденія,—они слишкомъ близки человѣческому сердцу, и единственное неудобство ихъ заключается въ томъ, что они непримѣнимы—и непримѣнимы по двумъ причинамъ.

Первая изъ нихъ заключается въ томъ, что естественныя условія, способствовавшія нѣкогда образованію и развитію общиннаго строя, совершенно измѣнились. Наука установила теперь, что общинная формація родилась въ азіатскихъ степяхъ, на этомъ величайшемъ въ мірѣ травяномъ пространствѣ, гдѣ въ періодъ пастушеской жизни человѣчество начало свою первую эволюцію. Разойдясь затѣмъ по разнымъ направленіямъ, люди разнесли съ собою во всѣ страны и эту формацію. Вотъ почему всѣ народы древности были общинниками. Но по мѣрѣ того, какъ они отходили отъ степей, вліяніе общины хотя въ высшей степени медленно, но становилось слабѣе и въ настоящее время западные народы, наиболѣе удалившіеся отъ своей колыбели и по возрасту и по пространству, являются наиболѣе свободными и отъ вліянія пастушеской жизни.

Но если такимъ образомъ естественныя условія, при которыхъ возникла и развивалась община, оказываются уже недѣйствительными, то, по мнѣнію соціалистовъ, для возстановленія общины въ ея первобытномъ видѣ слѣдуетъ прибѣгнуть къ помощи законодательныхъ постановленій, а на очистившуюся еще со временъ Библіи вакансію патріарховъ поставить правительство. Если для этого необходимо идти противъ природы вещей и прибѣгать къ насилію надъ владѣльцемъ каждаго клочка земли и собственникомъ каждаго рабочаго инструмента, то это такая мелочь, которая очень мало безпокоитъ проповѣдниковъ новой общины.

Предположимъ теперь, что они справились бы съ этою мелочью и послѣ небольшихъ хлопотъ имъ удалось бы водворить свой режимъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ ихъ проповѣдь имѣетъ нѣкоторый успѣхъ, что же получилось бы изъ этого въ дѣйствительности?

А вотъ что.

Согласно тому неоспоримому правилу, что одинаковыя причины влекутъ за собою и одинаковыя слѣдствія,—народы, рѣшившіеся подчиниться требованіямъ соціалистовъ, очутились бы не только въ такихъ условіяхъ, въ которыхъ находились народы древности или современнаго Востока, но еще въ худшихъ, потому что предлагаемый германскими соціалистами коллективизмъ оставляетъ далеко позади себя даже тотъ коммунизмъ, гдѣ главенствовали египетскіе фараоны.

Благодаря своему режиму, ослабленные физически и духовно, народы древности подпали въ свое время подъ иго Римлянъ, которыхъ теперь бояться, конечно, нечего, но вмѣсто Римлянъ новый коллективизмъ встрѣтитъ и нового, притомъ безконечно болѣе сильнаго врага въ лицѣ непреодолимыхъ въ своей энергіи Англо-Саксовъ. Результата такой встрѣчи пришлось бы ожидать весьма недолго, а для того, чтобы имѣть представленіе объ этихъ результатахъ, взгляните снова на Востокъ—и вы увидите, какъ народы Запада все болѣе и болѣе проникаютъ туда въ качествѣ властителей, они основываютъ тамъ колоніи, устраиваютъ фабрики, заводы или просто покоряютъ тамошнихъ общинниковъ, цѣлыми тысячелѣтіями готовившихся къ тому, чтобы быть побѣжденными. Во главѣ этого завоевательнаго движенія мы всегда и вездѣ видимъ никого другого, какъ Англо-Саксовъ. При такихъ условіяхъ съ легкимъ сердцемъ введя у себя общественный режимъ восточныхъ народовъ, мы тѣмъ самымъ только уширимъ арену дѣйствій этой расы и облегчимъ ей способы вѣрнѣе сдѣлать насъ своею добычею.

Надо полагать, что германскіе соціалисты или не видятъ этого, или, благодаря необычайной оригинальности вкусовъ, участь американскихъ Краснокожихъ, послѣ водворенія среди нихъ Янки, кажется имъ слишкомъ заманчивою.

III.

Сильно ошибаются тѣ изъ экономистовъ, которые считаютъ нынѣшнее положеніе достаточно удовлетворительнымъ и что въ будущемъ все образуется само собою, но еще большую ошибку дѣлаютъ тѣ, кто думаетъ, что для улучшенія этого положенія необходимо наисильнѣйшее развитіе государственной власти въ ущербъ частной иниціативѣ и самодѣятельности.

Разумное толкованіе фактовъ ясно указываетъ намъ на то, что гораздо правильнѣе слѣдовать примѣру человѣческихъ обществъ, во всѣ времена возвышавшихся надъ другими народами не силою оружія, а страшною силою своего общественнаго режима.

Для настоящаго времени такой режимъ является тѣмъ болѣе важнымъ, что въ немъ мы видимъ всѣ задатки къ благополучному разрѣшенію того рабочаго вопроса, о которомъ такъ усиленно и такъ неразумно хлопочутъ соціалисты.

Въ самомъ дѣлѣ для веденія всякаго промышленнаго или торговаго дѣла при нынѣшнихъ условіяхъ крайне необходимы: привычка расчитывать только на самого себя, смѣлая инициатива и духъ предпріимчивости. Что развитію этихъ качествъ гораздо болѣе способствуетъ индивидуалистическая формація, чѣмъ общинная —это мы ясно видимъ по тому превосходному

типу промышленниковъ и комерсантовъ, какой даетъ англо-саксонская раса.

Режимъ же, благопріятствующій развитію такихъ способностей у хозяина, тѣмъ самымъ способствуетъ улучшенію судьбы и рабочаго, ибо хозяева, у которыхъ дѣла идутъ хорошо, имѣютъ возможность платить большое жалованье, устраивать школы, больницы, богадѣльни,—словомъ, дѣлать для своихъ рабочихъ все то, о чемъ не смѣетъ и думать хозяинъ менѣе энергичный, менѣе предпріимчивый, самъ едва перебивающійся съ хлѣба на квасъ.

Но, скажете вы по этому поводу, если хозяинъ будетъ въ состояніи сдѣлать все это для своихъ людей, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что онъ дѣйствительно сдѣлаетъ для нихъ что-нибудь. Можетъ случиться и часто случается, что хозяева, наоборотъ, пользуются успѣхомъ единственно, чтобы увеличить свое собственное состояніе, вовсе не думая о положеніи рабочаго.

Такое замѣчаніе безусловно справедливо, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно предоставляетъ намъ возможность показать при полномъ освѣщеніи то замѣчательное превосходство, которое даетъ индивидуалистическая формація надъ общинною не только хозяину, но и рабочему.

Я уже не разъ говорилъ о томъ, какъ вліяетъ община на человѣка вообще, а слѣдовательно и на рабочаго въ частности. Она дѣлаетъ его мало способнымъ къ принятію самостоятельнаго рѣшенія и къ работѣ, требующей большого и про-

должительнаго усилія. Такимъ качествомъ отличался рабочій въ древности, таковымъ онъ есть въ настоящее время на Востокѣ, такимъ же отчасти является рабочій и въ Германіи. Послѣдній представляетъ собою не болѣе, какъ послушное орудіе въ рукахъ вожаковъ, съ необычайною легкостью формирующихъ изъ него полки и бригады; онъ является орудіемъ въ рукахъ соціалистовъ-революціонеровъ, онъ безпрекословно подчиняется вожакамъ соціалъ-консерваторовъ и т. д. Своимъ воображаемымъ могуществомъ вожаки германскаго соціализма обязаны исключительно тому, что они держатъ въ своихъ рукахъ матерьялъ, которому могутъ придавать какую угодно форму,—стадо, которое позволяетъ вести себя куда угодно.

Только этой привычкой къ безпрекословному подчиненію со стороны рабочихъ объясняется изумленіе и конфузъ германскихъ агитаторовъ, когда они явились для пропаганды въ Англію и Соединенные Штаты. Эти общинники были искренно поражены, увидѣвши передъ собою вмѣсто куска германской глины настоящаго живого человѣка, мыслящаго и дѣйствующаго вполнѣ самостоятельно. Чувствуя свое безсиліе, они только и могли сдѣлать, что бросить по адресу американскихъ рабочихъ фразу: «безсознательная масса!»

Но насколько глупа эта фраза, можно видѣть изъ слѣдующихъ словъ историка соціализма Визева: «Въ Европѣ нѣтъ страны, гдѣ бы рабочіе

сдѣлали болѣе для улучшенія своего матеріальнаго положенія, чѣмъ въ Англіи. Они имѣютъ многочисленныя кассы взаимопомощи, организовали страхованіе, устроили потребительныя общества. Благодаря системѣ рабочихъ союзовъ (Trade's Unions) они сами обратились въ капиталистовъ и сдѣлали все это помимо соціализма и безъ всякой претензіи на измѣненіе нынѣшняго строя общества».

Да, но они устроили все это безъ руководства и помощи политикановъ, а поэтому послѣдніе и не могутъ простить имъ этого преступленія.

Для того, чтобы оцѣнить все то, что англосаксонскіе рабочіе сдѣлали въ Англіи и С.-Штатахъ по своей собственной иниціативѣ, своимъ умомъ и своими силами, не только не требуя, но, наоборотъ, отстраняя всякую помощь со стороны Государства, надо прочесть исторію Рабочихъ Союзовъ.

Эти Рабочіе Союзы вовсе не представляютъ собою такихъ ассоціацій, какъ въ Германіи. Они ничуть не желаютъ быть интернаціональными и не стремятся къ тому, чтобы соединить всѣхъ рабочихъ и съ помощью ихъ перевернуть все общество. Они не образуютъ собою колоссальной машины, находящейся въ рукахъ нѣсколькихъ вожаковъ, пользующихся ею для своей величайшей славы. Наоборотъ, они представляютъ собою группы людей независимыхъ. Каждая группа заключаетъ въ себѣ рабочихъ только своей спеціальности, соединившихся для вполнѣ опредѣ-

ленной цѣли и въ вполнѣ точно очерченныхъ границахъ. Читая эту въ высшей степени интересную и поучительную исторію, вы все время чувствуете себя среди людей, знающихъ себѣ цѣну, людей свободныхъ и независимыхъ.

Общее число Уніонистовъ въ Англіи достигаетъ въ настоящее время до огромной цифры въ полтора милліона. Кромѣ запаснаго фонда въ 20 милліоновъ рублей, ихъ ежегодный доходъ достигаетъ почти до такой же цифры. Спрашивается, что же можетъ поставить рядомъ съ такимъ могуществомъ частной иниціативы соціалистическая Германія?

Въ Соединенныхъ Штатахъ, какъ это было указано выше при описаніи пріема, оказаннаго американскими рабочими германскимъ соціалистамъ, рабочіе союзы достигли точно такого же могущества.

Но замѣчательнѣе всего, что эта огромная сила не чувствуетъ буквально никакой вражды къ тому, что германскіе соціалисты называютъ со злобою обществомъ капиталистовъ.

При одномъ изъ парламентскихъ изслѣдованій объ этихъ союзахъ, большая часть самихъ хозяевъ признала, что Уніонисты являются болѣе искусными и болѣе добросовѣстными (more respectable men), чѣмъ остальные рабочіе. «Въ общемъ», говоритъ Визева, «они довольствуются тѣмъ, чтобы съ помощью законныхъ средствъ достичь того, что Англичане опредѣляютъ словами higher standard of life, или что профессоръ Кем-

бриджскаго университета Маршаль называетъ такимъ образомъ жизни, который влечетъ вмѣстѣ съ собою увеличеніе энергіи и уваженія къ самому себѣ. Чтобы достигнуть этого, они не только не просили у Государства ни субсидій, ни покровительства, но, наоборотъ, старались сдержаться возможно далѣе отъ всякаго вмѣшательства властей. Составленные изъ лучшихъ людей рабочаго класса, Уніонисты въ теченіе почти столѣтія съ спокойнымъ упрямствомъ британской расы оставались вѣрными своей правильной и гордой стратегіи и въ концѣ-концовъ добились уваженія со стороны даже наиболѣе предубѣжденныхъ».

Предположите теперь, что нѣкоторые изъ хозяевъ рѣшились бы изъ своекорыстныхъ и дурно понимаемыхъ цѣлей подвергнуть своихъ рабочихъ гнусной эксплоатаціи, если бы они начали обращаться съ ними, какъ съ орудіемъ, которое можно по желанію взять или бросить,—если бы они попробовали потребовать отъ своихъ рабочихъ усиленнаго труда и дали бы за это пониженную плату, или, наконецъ, не приняли бы никакихъ мѣръ къ обезпеченію при увѣчьи и старости—предположите это и скажите, не являются ли эти рабочіе во сто разъ сильнѣе вооруженными для того, чтобы добиться правосудія чѣмъ общинники? Они гораздо сильнѣе, потому что ихъ сила заключается въ нихъ самихъ и они направляютъ ее прямо противъ того препятствія, которое нужно побѣдить.

На каждое ясное и вполнѣ опредѣленное нарушеніе со стороны хозяина интересовъ рабочихъ они отвѣчаютъ такимъ же яснымъ и вполнѣ опредѣленнымъ требованіемъ возстановленія своихъ правъ. Они дѣлаютъ это гораздо проще и неизмѣримо разумнѣе, чѣмъ вожди соціализма, которые своими деклараціями принциповъ, революціонными рѣчами, журнальными выкрикиваніями и химерическими проектами о передѣлкѣ всего общества—дурачатъ несчастныхъ, будто бы покровительствуемыхъ ими людей и заставляютъ ихъ умирать съ голода.

Такимъ образомъ въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ рѣшеніе рабочаго вопроса подвинулось значительно дальше, чѣмъ въ другихъ странахъ. Оно подвинулось для всей категоріи рабочихъ съ чисто индивидуалистической формаціей, сильное ядро которой составляютъ Рабочіе Союзы.

Въ сущности въ обѣихъ этихъ странахъ рабочій вопросъ въ острой формѣ проявился только въ отношеніи рабочихъ самаго низшаго класса. Но нужно замѣтить, что большинство такихъ рабочихъ не Англо-Саксы, а Ирландцы, Шотландцы, эмигранты въ Германіи и Италіи, т. е. тѣ элементы, которые составляютъ бѣдноту въ Англіи и С. Штатахъ и изъ среды которыхъ соціалисты набираютъ своихъ послѣдователей, а революція—солдатъ.

Послѣ всего сказаннаго нельзя не видѣть, какъ велико преимущество расы, освободившейся отъ

общины и какъ безумно воображаемое рѣшеніе вопроса о лучшемъ строѣ общества съ помощью той, еще при египетскихъ фараонахъ истрепавшейся ветоши, которую проповѣдуетъ теперь самый самодержавный изъ всѣхъ западныхъ народовъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Общественный строй и счастье.

I.

Сэръ Джонъ Леббокъ, написавшій одну книгу подъ заглавіемъ «Счастье жизни», вслѣдъ за нею выпустилъ и другую подъ такимъ же наименованіемъ. Первый томъ переведенъ былъ съ англійскаго на французскій языкъ съ двадцатаго изданія, а второй съ семьдесятъ седьмого.

Судя по такому необычайному успѣху, можно подумать, что вѣроятно авторъ открылъ секретъ счастья и отпускаетъ его своимъ современникамъ за нѣсколько шиллинговъ.

Если бы это было такъ, то въ такомъ случаѣ слѣдовало бы признать, что Англичане не очень требовательный народъ, ибо трудъ сэра Джона Леббока представляетъ собою не болѣе, какъ собраніе остроумныхъ изреченій и цитатъ, заимствованныхъ у всѣхъ наиболѣе извѣстныхъ писателей.

Желая съ помощью этой компиляціи доказать, насколько человѣкъ счастливъ тѣмъ, что онъ живетъ на свѣтѣ, авторъ послѣдовательно разбираетъ всѣ роды счастья:—удовлетвореніе отъ сознанія выполненной обязанности, удовольствіе отъ чтенія лучшихъ произведеній человѣческаго ума, благодѣтельность дружбы, удовольствіе путешествій и радости домашняго очага, наслажденія, доставляемыя науками, поэзіей, музыкой и т. д. При этомъ на протяженіи обоихъ томовъ авторъ обнаруживаетъ такой искренній оптимизмъ, что дѣлаетъ читателя положительно безоружнымъ.

«Много разъ», говоритъ онъ, «слышалъ я о неблагодарности и эгоизмѣ людей. Можетъ быть, я обязанъ этимъ своему хорошему состоянію, но я до сихъ поръ не испытывалъ ни одного изъ этихъ наказаній».

Вотъ ужъ дѣйствительно или слишшомъ необычайно, или черезъ-чуръ наивно!

Въ такомъ же родѣ продолжаетъ авторъ и далѣе. «Въ сущности мы гораздо богаче, чѣмъ думаемъ. Мы часто завидуемъ крупнымъ собственникамъ и обладаніе обширными землями полагаемъ большимъ счастьемъ. Но очень часто, какъ говоритъ Эмерсонъ, если вы владѣете землею, то и она владѣетъ вами. Къ тому же не являемся ли мы собственниками, въ высшемъ значеніи этого слова, цѣлыхъ тысячъ десятинъ въ видѣ дорогъ, тропинокъ, общественныхъ площадей, берега моря—развѣ все это не наше? Но

настоящему мы всѣ суть крупные собственники, хотя и не подозрѣваемъ этого. Если намъ недостаетъ чего-нибудь, такъ это не земли, а умѣнія пользоваться ею. Мы находимся въ гораздо лучшемъ положеніи, чѣмъ юридическіе владѣльцы, потому что наша собственность не требуетъ никакого труда ни въ смыслѣ обработки, ни въ смыслѣ управленія. У собственника всегда много заботъ, пейзажъ же принадлежитъ каждому, кто способенъ любоваться имъ. Такимъ образомъ Кингслей называлъ заросли вокругъ Иверслея «мой земной садъ» не потому, что онѣ составляли его собственность, а потому, что принадлежали ему въ томъ идеальномъ смыслѣ, въ какомъ тысячи лицъ могутъ владѣть одною и тою же вещью» и т. д.

Само собою разумѣется, что не эта слишкомъ слабая и слишкомъ банальная аргументація могла увлечь англо-саксонскихъ читателей и не она сдѣлала успѣхъ книги. Съ другой стороны, почему этотъ же самый трудъ имѣлъ такой ничтожный успѣхъ по эту сторону Ламанша; почему всѣ эти доказательства, всѣ эти выписки вызываютъ у насъ улыбку?

Разобраться во всемъ этомъ въ высшей степени интересно, но для этого надо нѣсколько больше, чѣмъ сэръ Джонъ Леббокъ, углубиться въ вѣчный и сложный вопросъ о счастьи.

II.

Сдѣлаемъ сначала опредѣленіе самого слова. Согласимся понимать подъ словомъ «счастье» такое состояніе удовлетворенія, которое испытываютъ люди, дѣйствительно успѣвающіе въ преодолѣніи матеріальныхъ и духовныхъ тягостей жизни.

Сдѣлаемъ затѣмъ надлежащую оцѣнку тѣмъ элементамъ, которые по мнѣнію многихъ составляютъ исключительный источникъ счастья, т. е. посмотримъ, какую роль играютъ въ этомъ случаѣ характеръ, здоровье, богатство и религія.

Добрый характеръ заставляетъ насъ смотрѣть на каждую вещь и принимать ее только съ одной хорошей ея стороны, т. е. въ общемъ строить иллюзію. Но иллюзія имѣетъ свои границы и во всякомъ случаѣ она не въ силахъ измѣнить жестокую дѣйствительность вещи, никогда не бывающей однобокою. Когда же въ одинъ прекрасный день эта дѣйствительность станетъ нестерпимою, тогда наступаетъ разочарованіе тѣмъ болѣе сильное, чѣмъ упорнѣе была иллюзія. Закрывать глаза на зло — это не значитъ торжествовать надъ нимъ.

Здоровье избавляетъ насъ отъ многихъ тѣлесныхъ страданій. Оно дѣлаетъ насъ способными къ труду, чтобы обезпечить намъ пищу, одежду и жилище. Но оно даетъ одну только способность, т. е. является своего рода талантомъ, который можетъ оказаться безъ всякаго

употребленія, ибо можно быть весьма здоровымъ и въ то же время терпѣть всевозможныя лишенія,—а это плохое условіе для счастья.

Богатство считается многими, какъ самый главный элементъ счастья. Дѣйствительно оно обезпечиваетъ насущный хлѣбъ; оно даетъ возможность безотлагательно одолѣть большую часть матеріальныхъ трудностей жизни. Но оно совершенно безсильно, когда приходится преодолѣвать духовныя препятствія, потому что оно разслабляетъ у человѣка волю и энергію. Къ тому же одинъ изъ главныхъ источниковъ счастья заключается въ ожиданіи, въ надеждѣ на полученіе желаемой вещи; когда же человѣкъ становится обладателемъ желаемаго—оно теряетъ для него значительную часть своей привлекательности. Въ этомъ случаѣ богатство играетъ весьма опредѣленную роль: давая человѣку возможность удовлетворить свое желаніе безотлагательно, оно способствуетъ развитію чувства пресыщенія. Этимъ объясняется постоянное и мучительное стремленіе богатыхъ людей къ изысканію новыхъ удовольствій и новыхъ развлеченій, потому что всѣ они быстро надоѣдаютъ. Пресыщенный человѣкъ не испытываетъ счастья жизни. Наша ошибка въ оцѣнкѣ богатства заключается въ томъ, что мы смотримъ на него съ точки зрѣнія бѣдности или скромнаго достатка. Нужно посмотрѣть на него съ точки зрѣнія самаго богатства,—и тогда оно покажется намъ обрѣзаннымъ со многихъ концовъ.

Оно не замедлитъ оказаться короткимъ даже съ точки зрѣнія матеріальныхъ затрудненій. Расходы, въ которые вовлекаетъ жизнь, полная удовольствій и роскоши, очень часто превосходятъ доходы, не увеличиваемые трудомъ. Пріобрѣтая привычку расходовать безъ счета, человѣкъ въ то же самое время теряетъ привычку работать, а разъ нѣтъ такого возмѣщенія,—образуется зіяющая дыра, въ которую во всѣ времена утекали самыя крупныя богатства. Не было такихъ наслѣдственно богатыхъ семей, которыя не пришли бы къ упадку. Если упадокъ ихъ начинается не въ первомъ поколѣніи, то во всякомъ случаѣ во второмъ, а въ третьемъ люди становятся уже неспособными къ подъему даже въ матеріальномъ отношеніи. Привычка къ усилію и труду пріобрѣтается не легко, а разъ она потеряна, возстановить ее до прежнихъ размѣровъ почти невозможно. Это исторія нашего дворянства и нашей богатой буржуазіи,—это исторія, потерявшая свое начало.

Въ общемъ, для преодолѣнія матеріальныхъ и духовныхъ тягостей жизни бѣдность представляетъ собою болѣе могущественный рычагъ, чѣмъ богатство, хотя бы потому, что она способна къ возбужденію усилій.

Наконецъ религія, по мнѣнію многихъ, является вполнѣ достаточною для обезпеченія счастья. Нѣтъ спора, что она оказываетъ сильную поддержку для одолѣнія моральныхъ трудностей жизни; но если она не находитъ въ человѣкѣ

природныхъ способностей для того, чтобы дать имъ толчекъ и пустить ихъ въ дѣло, — она не можетъ внушить ему ничего, кромѣ безропотности и преданности себя на волю Божію. Не ставя себѣ прямою и главною цѣлью обезпеченіе счастья въ этомъ мірѣ, она дѣйствительно учитъ человѣка смотрѣть на земную жизнь, какъ на испытаніе, которое нужно переносить съ самоотверженіемъ. Жизнь, по ея словамъ, это долина скорби. Счастье, говоритъ она, не въ этомъ мірѣ, а въ будущемъ.

Но проникшись такими взглядами на жизнь, человѣкъ, когда ему приходится становиться лицомъ къ лицу съ матеріальными и моральными трудностями жизни, оказывается слабымъ и безсильнымъ для преодолѣнія ихъ. Онъ начинаетъ утѣшать себя тѣмъ, что «Богъ испытываетъ своихъ», или что «ангелы тьмы искуснѣе ангеловъ свѣта». Это дѣйствительно очень удобный способъ взваливать на Бога отвѣтственность за собственные недостатки и ошибки.

Такимъ образомъ дурно понятая и дурно истолкованная религія, вмѣсто помощи человѣку, вмѣсто облегченія ему труда для достиженія счастья, можетъ сдѣлаться причиною ухудшенія его.

Итакъ, только что разобранные элементы оказываются недостаточными для обезпеченія счастья. Можно сказать, что они являются болѣе или менѣе дѣйствительными только при извѣстныхъ условіяхъ общественной жизни. Любо-

пытно поэтому разсмотрѣть, какія изъ этихъ условій наиболѣе благопріятствуютъ развитію такого состоянія удовлетворенія, которое испытываютъ люди, дѣйствительно успѣвающіе въ преодолѣніи матеріальныхъ и моральныхъ тягостей жизни.

Разсматривая человѣческія общества съ интересующей насъ точки зрѣнія, нельзя не придти къ выводу, что стремленія ихъ къ достиженію счастья совершенно не одинаковы и въ этомъ отношеніи они могутъ быть подраздѣлены на три группы:

1) Общества, счастью которыхъ благопріятствуетъ отсутствіе трудностей жизни.

2) Общества, счастье которыхъ отравляется трудностями жизни.

2) Общества, добывающія себѣ счастье, несмотря на трудности жизни.

Посмотримъ теперь, что скрываютъ въ себѣ эти нѣсколько іероглифическія формулы.

III.

Говорятъ, что «счастливые народы не имѣютъ исторіи», и въ научномъ смыслѣ это совершенно справедливо. Народами, не имѣющими исторіи, являются тѣ, которые живутъ только продуктами, посылаемыми имъ самою природою, какъ, напримѣръ, кочевники. Оставляя въ сторонѣ кочевниковъ Сахары, вынужденныхъ дополнять свое

пастушеское занятіе другимъ трудомъ, мы возьмемъ самый чистый типъ кочевниковъ-пастуховъ азіатскихъ степей, именно Монголо-Татаръ. Благодаря неисчерпаемому обилію травы, они не имѣютъ нужды прибѣгать ни къ какому труду. Трава, растущая самопроизвольно, не требуетъ ни косьбы, ни сушки, ни собиранія въ сѣновалы. Скотъ пасется самъ по себѣ и доставляетъ все необходимое для пищи, одежды и жилья. Словомъ—степь, принадлежащая всѣмъ, рѣшаетъ и всѣ вопросы; благодаря ей человѣкъ избавленъ отъ цѣлаго ряда бѣдствій, нищеты и рабочаго вопроса.

Обезпеченный такимъ образомъ отъ матеріальныхъ заботъ, кочевникъ-пастухъ точно также свободенъ и отъ тягостей моральнаго свойства.

Не слѣдуетъ судить о немъ по насъ самихъ. Наши желанія, потребности и надежды развились благодаря общественнымъ условіямъ, инымъ, чѣмъ у кочевника, и поэтому ему совершенно неизвѣстны.—Эти потребности дѣлаютъ насъ несчастными, если мы не можемъ удовлетворить ихъ. Когда же мы успѣваемъ въ этомъ, то на мѣсто удовлетворенныхъ являются другія, притомъ болѣе сложныя и менѣе достижимыя.

Поэтому обыкновенно говорятъ, что «счастье заключается въ ограниченіи нашихъ желаній». «Нужно довольствоваться счастливою серединою». Все это хорошо, но наше общественное состояніе все время двигаетъ насъ какъ разъ въ обратную сторону, и наперекоръ этой мудрости.

Совсѣмъ другое дѣло у кочевника; онъ настолько доволенъ своею судьбою, что не имѣетъ ни малѣйшаго желанія мѣнять ее на другую. Дѣйствительно, самымъ труднымъ мѣстомъ общественной эволюціи былъ и остается до сихъ поръ переходъ отъ пастушеской жизни къ осѣдлости и тѣмъ родамъ дѣятельности, которыми мы зарабатываемъ свою жизнь. Цивилизованные народы, живущіе по сосѣдству съ пастушескимъ населеніемъ, немножко знакомы съ этимъ. Въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, когда совершалось такое превращеніе, оно было достигнуто не безъ сильныхъ принужденій, доводившихся до жестокости. Для того, чтобы произвести такую эволюцію напримѣръ со Славянами, вышедшими прямо изъ степей, нужно было нѣсколько столѣтій сильнаго принужденія со стороны царей. Несмотря на это, Славяне и до сихъ поръ при своей слабо развитой сельско-хозяйственной культурѣ остаются народомъ полупастушескимъ.

Уже древніе писатели замѣтили счастливое состояніе пастушескихъ народовъ. Гомеръ, а за нимъ Эфоръ называютъ ихъ «самыми справедливыми людьми». «Они ведутъ простой образъ жизни и не заботятся о накопленіи богатствъ». Новѣйшіе путешественники сообщаютъ о тѣхъ же впечатлѣніяхъ. «Эти добрые Монголы», говоритъ Гюкъ, въ теченіе двухъ лѣтъ жившій среди кочевниковъ, «замѣчательно религіозны, будущая жизнь занимаетъ ихъ непрестанно,—земныя же дѣла не интересуютъ ихъ нисколько. Они жи-

вутъ на землѣ, точно не живя на ней». Вотъ типъ человѣка, умѣющаго ограничивать свои желанія не только золотой, но даже не позолоченной серединой!

Легкость жизни кочениковъ увеличивается еще тѣмъ, что они живутъ обыкновенно общинами, состоящими изъ многочисленныхъ, родственныхъ между собою семей, и насчитывающими иногда сотни лицъ. При такихъ условіяхъ человѣкъ никогда не бываетъ одинокимъ. Всѣ въ общинѣ опираются одинъ на другого. Слабые, неспособные и непредусмотрительные не предоставлены самимъ себѣ и не подвергаются той тяжкой участи, которая такъ часто является неизбѣжною для нихъ среди нашего общества.

Такимъ образомъ въ этой первой группѣ человѣкъ находитъ себѣ поддержку одновременно и въ неисчерпаемомъ богатствѣ растущихъ сами по себѣ продуктовъ и въ семейной общинѣ. Опираясь на этой устои, онъ въ значительной степени обезпеченъ противъ несчастья и тягостей жизни, поэтому считаетъ себя вполнѣ счастливымъ и не желаетъ мѣнять образа жизни.

За предѣлами степныхъ пространствъ встрѣчаются многочисленныя человѣческія общества, еще имѣющія въ своемъ распоряженіи, хотя и въ меньшей мѣрѣ, источники самопроизвольно растущихъ продуктовъ и живущія семейными общинами. Они точно также обезпечены отъ трудностей жизни. Такія общества представляютъ

собою переходную ступень отъ только что описаннаго типа къ слѣдующей второй группѣ народовъ, о которой сейчасъ будетъ рѣчь.

IV.

Въ этой второй группѣ человѣкъ испытываетъ одновременно недостатокъ и самопроизвольно растущихъ продуктовъ и семейной общины, а благодаря этому становится лицомъ къ лицу со всѣми трудностями жизни; но вмѣсто того, чтобы смѣло пойти имъ навстрѣчу, онъ ставитъ себѣ главнѣйшею заботою уклониться отъ нихъ. Хотя такое стремленіе дѣйствительно лежитъ въ натурѣ человѣка, но, спрашивается, почему же воспитаніе и нужда не измѣнили его? На этотъ вопросъ можно отвѣтить слѣдующимъ образомъ.

Какъ показываетъ общественная наука, народы, образующіе эту группу и занимающіе обширнѣйшую часть земной поверхности, въ томъ числѣ и часть западной Европы, въ эпоху, когда ихъ предки вели пастушескій образъ жизни, имѣли общинную формацію и такимъ образомъ они являются продолженіемъ предыдущаго типа, но теперь имъ приходится жить въ такихъ условіяхъ, когда земля не даетъ уже ничего безъ труда.

Представьте же себѣ человѣка, привыкшаго разсчитывать во всемъ то на предусмотрительную природу, то на услужливую общину и долженствующаго отказаться сразу отъ этихъ двухъ

провидѣній. Нужда говоритъ ему: «Трудись, будь энергиченъ, разсчитывай только на самого себя, въ этомъ вѣрное средство для одолѣнія трудностей жизни, для достиженія успѣха, а слѣдовательно и счастья». Но его общинная формація отвѣчаетъ: «Трудъ, усиліе и энергія весьма тяжелы, гораздо пріятнѣе уклониться отъ нихъ, и въ этомъ заключается счастье»,—и изъ десяти случаевъ въ девяти голосъ формаціи оказывается болѣе сильнымъ, потому что онъ ударяетъ по самой чувствительной струнѣ — привычкѣ, и привычкѣ притомъ пріятной.

Но какимъ же образомъ можно уклониться отъ этой тяжелой и роковой необходимости?

Естественно, что самымъ лучшимъ способомъ является тотъ, къ которому человѣкъ привыкъ съ незапамятныхъ временъ, т. е. опираться на другихъ, жить за счетъ другихъ, эксплоатировать другихъ,—однимъ словомъ, всегда и во всемъ искать поддержки общины.

Это хорошо извѣстный пріемъ трутня по отношенію къ пчелѣ.

Трутень — тотъ молодой человѣкъ, который въ двадцать лѣтъ, полный здоровья и силъ, разсчитываетъ только на деньги, вытягиваемыя изъ семьи. Онъ поѣдаетъ медъ, собираемый другими.

Трутень—тотъ молодой человѣкъ, который, въ двадцать пять-тридцать лѣтъ ищетъ въ женитьбѣ только приданаго, т. е. средства жить на содержаніи у своей жены.

Трутень—тотъ молодой человѣкъ, который, пренебрегая независимымъ трудомъ, считаетъ почетною только административную карьеру, освобождающую его отъ усилій и иниціативы. Онъ стремится попасть на содержаніе бюджета.

Трутень—тотъ буржуа или рабочій, который, ставъ лицомъ къ лицу съ трудностями новой жизни, думаетъ только о возвращеніи къ общинѣ-коммунѣ или государству для того, чтобы требовать отъ нихъ помощи и покровительства, т. е. опять-таки содержанія за счетъ бюджета.

Трутень—тотъ политикъ, который, эксплоатируя человѣческую глупость посредствомъ несбыточныхъ обѣщаній, добивается своего собственнаго содержанія за счетъ обманываемаго и разоряемаго имъ общества.

Этимъ изобиліемъ трутней въ средѣ континентальныхъ народовъ только и можно объяснить колоссальный успѣхъ соціализма, несущаго съ собою заманчивое обѣщаніе такого общественнаго положенія, при которомъ всѣ будутъ принадлежать къ категоріи трутней.

Присмотритесь однако, счастливы ли эти трутни въ тѣхъ общественныхъ ульяхъ, гдѣ есть еще много рабочихъ пчелъ. Въ самомъ дѣлѣ, обратите вниманіе на тѣхъ, кто уже успѣлъ пристроиться къ многочисленнымъ административнымъ мѣстамъ. Большая часть ихъ влачитъ жалкое существованіе. На свое крохотное содержаніе они не могутъ ни жить, какъ слѣдуетъ, ни прокормить семью, ни поддержать свой рангъ.

Полные обиды, злости и разочарованій, они тянутъ свою лямку, не видя передъ собою ровно никакого просвѣта.

Еще болѣе тяжелою кажется жизнь для тѣхъ, кто, посвятивъ всю свою молодость на подготовку въ трутни, не имѣлъ затѣмъ возможности попасть ни на одну изъ административныхъ синекуръ. Необходимость труда, къ которому онъ питаетъ отвращеніе, и страхъ заставляютъ его смотрѣть на жизнь не какъ на счастье, а какъ на проклятіе.

Немногимъ веселѣе, впрочемъ, рисуется жизнь и для остальныхъ, закованныхъ въ цѣпи общинной формаціи. Дѣйствительно при общинныхъ воззрѣніяхъ на жизнь каждое имущество считается не личнымъ, а семейнымъ. Родители признаютъ своимъ долгомъ разорять самихъ себя для того, чтобы надѣлить дѣтей, вступающихъ въ бракъ. За короткій срокъ своего существованія они обязаны составить столько состояній, сколько у нихъ дѣтей. Это такой невозможный трудъ, что мы не нашли иного рѣшенія, какъ искусственное сокращеніе семьи, т. е. медленное самоубійство расы. Однако и при этомъ бремя оказывается настолько тяжелымъ, что мы принуждены обрекать себя на лишенія и скряжничество, отравляющія нашу жизнь и отгоняющія всякую мысль о возможности счастья.

Всѣ эти несовершенства общественнаго строя, какъ у насъ, такъ и у другихъ народовъ, даютъ въ результатѣ всеобщее чувство подавленности,

выражающееся въ весьма ясныхъ формахъ разочарованія. Я ограничусь только четырьмя формами и нарочно беру ихъ на разныхъ частяхъ земного шара.

Первая изъ этихъ формъ, свойственная населенію Индіи,—знаменитая Нирвана. Эта доктрина быстро распространилась по Дальнему Востоку, среди населенія, живущаго по сосѣдству съ степью, но уже не могущаго пользоваться ея даровыми произведеніями. Нирвана—это своего рода счастье, предлагаемое людямъ основателемъ Буддизма. Въ чемъ же состоитъ это счастье? Оно состоитъ въ уклоненіи отъ мало заманчивой перспективы повторенія земной жизни путемъ перехода въ состояніе безличное и безсознательное. Лучшимъ средствомъ для этого считается непрерывное созерцаніе, или, вѣрнѣе, привычка къ абсолютному бездѣйствію и отрицаніе усилія, простирающееся до отрицанія жизни. Человѣкъ рѣшительно отчаивается въ возможности какого-либо счастья на землѣ, онъ даже не начинаетъ борьбы для достиженія его, а просто и начисто сдается на капитуляцію.

Вторымъ проявленіемъ подавленности является Нигилизмъ. Это одна изъ формъ разочарованія сѣверныхъ Славянъ, т. е. человѣческой группы, вышедшей изъ азіатскихъ степей прямо на западъ и встрѣтившейся здѣсь съ жестокимъ закономъ труда. Сдѣлавъ все, чтобы уклониться отъ него и не успѣвъ въ этомъ, она начала искать убѣжища въ отрицаніи и разрушеніи всего.

Третьимъ проявленіемъ подавленности является Соціализмъ. Это выраженіе разочарованія народовъ болѣе или менѣе общинной формаціи, населяющихъ Западную Европу. Общинная формація, какъ я уже говорилъ, очень хорошо объясняетъ причину быстраго распространенія доктрины, призывающей людей искать счастья въ подавленіи личныхъ усилій и личной иниціативы [1]).

Подобно предыдущимъ и эта доктрина очень ясно говоритъ о духовномъ состояніи людей, не находящихъ счастья въ жизни, какъ она есть.

Укажу наконецъ еще на одно проявленіе удрученности—на доктрину Пессимизма, являющуюся формою разочарованія образованныхъ классовъ Запада. Подъ этимъ именемъ я разумѣю собраніе всѣхъ болѣе или менѣе философскихъ и элегическихъ доктринъ, весьма распространенныхъ среди германскихъ и кельтскихъ обществъ и образующихъ фондъ ихъ воззрѣнія на жизнь.

---

[1]) Съ этой точки зрѣнія любопытною является желчная выходка противъ труда въ брошюрѣ Поля Лафарга, озаглавленной «Право на лѣность». «Странное безуміе», говоритъ авторъ, «овладѣваетъ рабочими классами тѣхъ націй, гдѣ царствуетъ капиталистическая цивилизація. Это безуміе влечетъ за собою нищету индивидуальную и общественную, которая вотъ уже два вѣка мучитъ печальное человѣчество. Это безуміе—любовь къ труду... Въ капиталистическомъ обществѣ трудъ является причиною вырожденія духовнаго и физическаго». И для прославленія превосходства покоя надъ трудомъ, авторъ проводитъ испанскую поговорку—Descanzar es salud (покой—это здоровье).

V.

До сихъ поръ мы видѣли, что человѣкъ ищетъ счастья въ покоѣ, или по крайней мѣрѣ въ наименьшей суммѣ труда. При чемъ въ одномъ случаѣ (у кочевниковъ) люди дѣйствительно находятъ счастье, но по настоящему это не счастье, а гнилостный застой, въ другомъ же случаѣ (у народовъ второй группы) ихъ попытки оказываются совершенно безуспѣшными.

Послѣ этихъ двухъ случаевъ, перейдемъ теперь къ третьему, гдѣ человѣкъ поборолъ уже въ себѣ боязнь труда, выработалъ привычку смѣло идти навстрѣчу всѣмъ трудностямъ жизни и началъ испытывать особенное удовольствіе въ преодолѣніи ихъ.

Какъ ни странною кажется подобная вещь по первому взгляду, но въ ней нѣтъ ничего сверхъестественнаго, и это вы увидите хотя бы изъ такого примѣра. Допустимъ, что мнѣ предложили пробѣжать на велосипедѣ сто верстъ (я беру этотъ примѣръ, какъ первый попавшійся подъ руку). Я поспѣшилъ бы отклонить это предложеніе, потому что для меня оно представляетъ собою неодолимую и крайне непріятную трудность. Между тѣмъ масса людей приметъ это предложеніе съ удовольствіемъ и выполнитъ его шутя. То-же самое и въ отношеніи препятствій въ жизни,—для однихъ они заключаютъ въ себѣ непреоборимыя трудности, для другихъ, хорошо втянутыхъ въ работу, привыкшихъ къ ней,—это

будетъ своего рода спортъ, въ которомъ нѣтъ недостатка въ прелестяхъ. Естественно, что для такихъ молодцовъ и вся жизнь должна рисоваться въ другомъ видѣ, чѣмъ для насъ, и что Нирвана, Пессимизмъ, Соціализмъ и Нигилизмъ не представляютъ собою ровно ничего увлекательнаго. Глядя на жизнь смѣло, открытыми глазами, они видятъ ее во всей ея красотѣ.

Интересно однако, существуютъ ли такіе люди на землѣ?

Читатели, давшіе себѣ трудъ пробѣжать предыдущія страницы, знаютъ уже, что такая порода дѣйствительно существуетъ; но кромѣ того я хотѣлъ бы показать имъ, что та формація, которая обезпечиваетъ человѣку превосходство надъ другими, ему подобными, въ то же самое время даетъ ему и наибольшую сумму счастья, возможнаго на землѣ.

Выше я описывалъ типъ школы, ставящей себѣ спеціальною цѣлью подготовку молодыхъ людей къ самостоятельной жизни. Въ ней, кромѣ всего прочаго, обращаютъ особенное вниманіе на формированіе характера, энергіи, воли и на такое же развитіе тѣла, какъ и ума. И вотъ сформированная такимъ образомъ въ семьѣ, школѣ и общественной средѣ молодежь, вступая въ жизнь, не несетъ съ собою ни малѣйшаго предрасположенія къ dolce far niente, наоборотъ—она органически требуетъ борьбы (struggle for life), самостоятельности (self help) и движенія впередъ (go ahead).

Какъ иллюстрацію этого, приведу вамъ примѣръ, взятый мною изъ газеты «Temps».

«Въ концѣ послѣдняго января за ужиномъ въ одномъ изъ модныхъ ресторановъ Бостона собралась компанія богатыхъ молодыхъ людей, недавно выпущенныхъ изъ гарвардскаго университета, гдѣ они отличились столько же въ наукахъ, сколько и въ спортѣ. Одинъ изъ нихъ высказалъ мнѣніе, что въ Соединенныхъ Штатахъ былъ и останется бѣднымъ только тотъ, кто сомнѣвается въ самомъ себѣ и что если бы онъ, Поль Джонесъ, потерялъ вдругъ отцовское наслѣдство, и остался голый, какъ мать родила, онъ сумѣлъ бы быть настолько сильнымъ, что въ теченіе года совершилъ бы кругосвѣтное путешествіе, оплатилъ бы всѣ расходы и вернулся съ капиталомъ въ 10,000 рублей. Явились желающіе подержать пари на 20,000 руб. и было рѣшено, что 22 февраля Поль Джонесъ явится въ турецкую баню атлетическаго клуба, сниметъ всю одежду и въ назначенный часъ начнетъ свое кругосвѣтное путешествіе.

«Первая задача Джонеса заключалась въ томъ, чтобы выйти на дорогу. Будучи голымъ, какъ червь, онъ не могъ этого сдѣлать, поэтому философски, какъ будто никогда въ жизни ничего другого и не дѣлая, онъ за скромное, опредѣленное клубною таксою, вознагражденіе принялся за чистку сапогъ членамъ клуба. Это дало ему возможность сначала добывать себѣ пищу, а затѣмъ пріобрѣсти и необходимую одежду. Однако

въ общемъ на это ушло двѣ недѣли. Выйдя изъ бани, онъ долженъ былъ пріискать себѣ занятіе, чтобы жить и собрать деньги на дорогу, и вотъ онъ дѣлается одновременно и разнощикомъ газетъ, и комиссіонеромъ, и переводчикомъ. Благодаря знанію французскаго, нѣмецкаго и итальянскаго языковъ онъ, въ качествѣ переводчика, добылъ себѣ безплатный проѣздъ на американскомъ пароходѣ до Лондона, куда онъ отправился со ста руб. въ карманѣ. Нѣсколько публичныхъ лекцій увеличили эту сумму, а на полученные изъ редакцій газетъ авансы онъ имѣлъ возможность пріобрѣсти билетъ до Индіи. Тщательно обдумавъ дальнѣйшіе шаги, Поль Джонесъ накупилъ разумно выбранныхъ товаровъ и продалъ ихъ въ Калькуттѣ. Послѣ этой операціи въ его рукахъ оказалась сумма денегъ, вполнѣ достаточная для дальнѣйшихъ оборотовъ и путешествія. Судя по письмамъ, которыя Джонесъ посылаетъ друзьямъ, и по отчетамъ, которые онъ печатаетъ въ газетахъ, дѣло идетъ настолько успѣшно, что онъ сожалѣетъ о томъ, что не включилъ условія объ удвоеніи суммы пари, въ случаѣ, если онъ вернется съ удвоеннымъ противъ обѣщаннаго капиталомъ».

Надо думать, что лавры этого американскаго self made man'a (человѣкъ устраивающій свою судьбу самъ), мѣшаютъ Англичанамъ, ибо «Petit Journal» сообщаетъ уже о двухъ молодыхъ Англичанахъ, проѣхавшихъ чрезъ Францію въ кругосвѣтное путешествіе для доказательства, что въ смыслѣ

энергіи и предпріимчивости Джонъ Буль не уступитъ своему младшему брату Джонатану.

Я не знаю, успѣютъ ли эти трое молодыхъ людей выиграть свое пари, или нѣтъ, да насъ интересуетъ не результатъ, а въ высшей степени характерное состояніе духа—увѣренность въ себѣ, рѣшимость и разсчитанность дѣйствій. Какая огромная разница между такимъ состояніемъ духа и тѣмъ, которое мы видѣли у человѣка двухъ предыдущихъ группъ. Тамъ человѣкъ, угнетенный сознаніемъ своего безсилія, заранѣе капитулируетъ передъ препятствіями жизни, здѣсь наоборотъ, онъ увѣренъ въ своей побѣдѣ, смѣло идетъ къ ней и дѣйствительно одерживаетъ ее.

Немудрено поэтому, что среди этой группы мы встрѣчаемъ трутней только въ видѣ исключенія[1]). Въ самомъ дѣлѣ вѣдь не трутни же молодые люди, которые, начиная съ двадцати лѣтъ, не спрашиваютъ никакой поддержки со стороны семьи, которые женятся на дѣвушкахъ безъ приданнаго, которые презираютъ административную службу и предпочитаютъ ей занятія полезныя и

---

[1]) Въ англо-саксонскомъ мірѣ типъ трутня представляютъ собою элементы общинной формаціи, примѣшавшіеся или благодаря поселенію въ отдаленныя времена, какъ въ Англіи, или благодаря недавнему переселенію, какъ въ С. Штатахъ. Извѣстно, что въ послѣдней странѣ классъ политиковъ набирается главнымъ образомъ изъ Ирландцевъ. Замѣтимъ еще, что эти общинные элементы являются наиболѣе мятежными и наименѣе довольными своею судьбою.

независимыя, которые наконецъ разсчитываютъ во всемъ только на самихъ себя, а не на общину и Государство.

Предоставленные своимъ собственнымъ силамъ, эти люди во много разъ счастливѣе тѣхъ, которые при малѣйшемъ препятствіи ищутъ поддержки внѣ ихъ самихъ.

Это состояніе самоудовлетворенія является единственно правильнымъ объясненіемъ необычайнаго и непонятнаго для насъ успѣха труда, подобнаго книгѣ сэра Джона Леббока. Для того, чтобы удовольствоваться бѣдными аргументами автора въ пользу счастья жизни, нужно въ самомъ себѣ носить огромную дозу этого довольства, нужно, чтобы вамъ самимъ жизнь рисовалась въ веселыхъ краскахъ. Да, это книга, написанная Англичаниномъ и для Англичанъ.

Переводчикъ понялъ это. «Въ этой книгѣ», говоритъ онъ, «отразились всѣ лучшія качества англійскаго духа. По своей искренней жизнерадостности и веселью она вполнѣ англійская».

Самъ же авторъ, называя свою родину «веселая Англія», говоритъ: «Если хотите видѣть настоящую печаль,—смотрите на Востокъ. Что можетъ быть меланхоличнѣе стиховъ Омара Каїямы или Деваса?

Мы являемся въ міръ лишь на нѣсколько дней
И удѣлъ нашей жизни тоска и печаль.
Не рѣшивъ ничего, мы уходимъ опять
Въ безпросвѣтную мрачную даль.
Какъ блуждающій вѣтеръ, покоя ища,

Завываетъ и стонетъ въ ущеліяхъ горъ,
Такъ и мы на землѣ знаемъ только одно—
Лишь стенаніе, плачъ и укоръ.

«Если это вѣрно», говоритъ сэръ Джонъ Леббокъ, «если человѣческая жизнь настолько печальна и полна страданій, тогда нѣтъ ничего удивительнаго, что Нирвана, т. е. прекращеніе печали, можетъ быть желательна, даже при условіи пріобрѣтенія ея цѣной сознанія».

Такое меланхолическое настроеніе, являющееся характерною чертою восточной философіи и поэзіи, мы встрѣчаемъ и у народовъ германской и кельтской расъ, тоже проникнутыхъ страхомъ передъ трудомъ. Наоборотъ, ничего этого мы не видимъ у Англо-Саксовъ. Въ началѣ десятой главы—«Трудъ и отдыхъ» сэръ Джонъ Леббокъ говоритъ: «Въ число трудностей жизни я, само собою разумѣется, не включаю необходимость работать». Вотъ фраза, которую я не могу себѣ представить подъ перомъ писателя общинной формаціи. Этотъ послѣдній, внѣ всякаго сомнѣнія, поставилъ бы трудъ на первое мѣсто, какъ самую главную тягость жизни.

Для того, чтобы еще болѣе подчеркнуть свою мысль, сэръ Джонъ Леббокъ добавляетъ: «Трудъ и даже трудъ ожесточенный является источникомъ счастья, если при этомъ не переходятъ границы благоразумія. Всѣ мы отлично знаемъ, какъ быстро идетъ время, когда человѣкъ очень занятъ, наоборотъ—время оттягиваетъ руки у лѣниваго. Человѣку, занятому трудомъ, некогда

мечтать и волноваться. Если мы, Англичане, преуспѣваемъ, какъ нація, то это потому, что всѣ мы рьяные работники».

Наши моралисты точно также восхваляютъ трудъ, а въ нашихъ школахъ стараются внѣдрить его дѣтямъ. Но мы рекомендуемъ и восхваляемъ его, какъ долгъ, которому необходимо повиноваться. Здѣсь же совсѣмъ другой тонъ—простое и спокойное признаніе совершившагося факта.

По этому поводу мнѣ пришлось разговаривать съ одной молодой англійской дѣвушкой. Вполнѣ соглашаясь съ мнѣніемъ сэра Джона Леббока и находя, что трудъ, усиліе, борьба и побѣда надъ препятствіемъ заключаютъ въ себѣ огромное удовольствіе, она добавила, что другого мнѣнія она не слышитъ вокругъ себя и что Англичанинъ дѣйствительно испытываетъ постоянную нужду въ усиліи. Когда онъ прекращаетъ работу, онъ идетъ играть въ крикетъ, футболь, грести. Онъ дѣлаетъ трудное головоломное восхожденіе на горы единственно ради удовольствія одолѣть препятствіе.

Несомнѣнно, что для того, чтобы выработать въ человѣкѣ такую любовь къ труду, нужна особенная тренировка.

«Одинъ восточный путешественникъ», разсказываетъ сэръ Джонъ Леббокъ, «присутствуя на партіи крикета, былъ очень удивленъ, когда ему сказали, что нѣкоторые изъ игроковъ богатые люди, и спросилъ, почему же они не наняли вмѣсто себя какихъ-нибудь бѣдняковъ».

Вотъ истинный взглядъ на трудъ, который внушаетъ общинная формація. Вы знаете турецкую пословицу — «лучше сидѣть, чѣмъ стоять, лежать, чѣмъ сидѣть, и быть въ гробу, чѣмъ въ постели». Осуществить такой идеалъ въ жизни конечно трудно, поэтому народы, стремящіеся къ такому идеалу, являются болѣе несчастными, а слѣдовательно и болѣе печальными, чѣмъ тѣ, которые считаютъ, что гораздо лучше стоять, чѣмъ сидѣть, потому что для успѣха въ жизни нужно сидѣть возможно менѣе.

Но достигнуть такого идеала не легко. Одного повторенія въ школахъ о томъ, что счастье заключается въ трудѣ, недостаточно. Сама эта фраза неправильна и звучитъ фальшиво. Счастье заключается не въ трудѣ, а въ способности къ труду, что далеко не одно и то же. Сколько людей думаютъ: «Ахъ, какъ бы я хотѣлъ любить трудъ»—и не могутъ достигнуть этого, несмотря на всѣ совѣты морали, философіи и религіи. Для того, чтобы сдѣлать этотъ трудный шагъ, открывающій дверь къ земному счастью, нужна долгая и глубокая общественная формація, которая складывается изъ цѣлой серіи весьма сложныхъ явленій.

Для того, чтобы добыть этотъ рѣдкій продуктъ, необходимо:

Чтобы родители были проникнуты убѣжденіемъ въ томъ, что по отношенію къ своимъ дѣтямъ они обязаны однимъ только воспитаніемъ, но воспитаніемъ жизненнымъ.

Чтобы молодые люди прониклись убѣжденіемъ въ необходимости полагаться исключительно на самихъ себя.

Чтобы они искали въ женитьбѣ подругу жизни, а не приданаго.

Необходимо затѣмъ, чтобы правительство до послѣдней степени уменьшило свою опеку надъ населеніемъ, сократило число чиновниковъ и, отстранивъ такимъ образомъ огромную массу молодежи отъ праздной жизни, направило ее къ полезной дѣятельности.

Наконецъ, въ высшей степени важно, чтобы само общество пришло къ убѣжденію, что чиновники, политики и празднолюбцы заслуживаютъ меньшаго почета и уваженія, чѣмъ земледѣльцы, промышленники и комерсанты.

Гос. Историч. Библ-ка
НКП РСФСР
Инвент. №
193 г.

Народного Комиссариата
БИБ
№
Путей сообщения